Лариса Воронцова

Последние

Пролог

Неслышно приближалась Ночь. Ночь, в которой не будет ни света, ни звука. С ее приходом ничто более не нарушит покоя планеты, кроме заунывной песни ветров, пылящих по улицам опустевших безжизненных городов, погруженных в черный непроницаемый покров Ночи.

Если бы было, кому наблюдать, если бы кто-то мог разглядеть хотя бы что-нибудь в этой кромешной темноте, то перед его изумленным взором предстала бы странная картина. Пустые дома, еще хранящие воспоминания о тех, кто приходил сюда каждый день, кто бывал здесь с любимыми или друзьями, кто ложился в постель, чтобы, окунувшись в глубокий сон, встретить с зарей новый день, кто читал эти книги, теперь занесенные толстым слоем пыли с шелестящими на ветру страницами. Уткнувшиеся в бордюры мостовых запыленные мобиле, в их кабинах с разбитыми стеклами гуляет ветер, он постепенно заносит прахом таинственные знаки на пультах управления, которые многое могли сказать прежним людям, но теперь были немы и безжизненны. Безмолвные улицы и магистрали. Когда-то здесь было многолюдно, суета царила повсюду, люди спешили, нетерпеливо толкая друг друга локтями, по гладким виткам дорог проворно бежали машины, в небе парили мобиле. Теперь же – никого и ничего.

С наступлением Ночи некому будет спешить, не останется больше суетных дел на этой планете. Тишина и вечность вступят в свои права. Планета погрузится в сон, чтобы отдать ему свои

воспоминания о прожитом дне, разные, тяжелые и легкие, светлые и темные. Планета погрузится в сон, чтобы, оставшись наедине с собой, отдохнуть от всех и вся, чтобы, накопив сил, очнуться для нового дня.

Глава I. Пасмурное утро

Ани проснулась с неприятным тяжелым ощущением. Ей снился дурной сон. Как это часто бывает, проснувшись, она плохо помнила в деталях, что именно снилось, но одно осталось непоколебимым в сознании – это ощущение хаоса и беспорядка. Во сне события громоздились одно на другое, и она не могла на них влиять, они увлекали в неведомое. И ей было особенно страшно оттого, что там во сне она представлялась самой себе слабым и совершенно беззащитным существом.

- Господи, привидится же такая муть, - пробормотала Ани, обращая лицо к окну. – Ну что, какая там у нас сегодня погода?

Послушные ее взгляду портьеры тяжелыми волнами поползли вверх и в спальню проглянуло пасмурное небо. Ани это не обрадовало. Каждое утро, бросая привычный взгляд на освобождающееся от портьер окно, она ждала увидеть хотя бы слабый проблеск солнечного света, но его все не было. И это ужасно расстраивало Ани. Вот и сегодняшнее утро не принесло ей приятного сюрприза. Она, тяжело вздохнув, встала с постели, закуталась в теплый халат и пошла готовить себе кофе.

Тихими шагами она прошла мимо спальни Юрга, оттуда не доносилось ни звука. Должно быть, он безмятежно спал и дурные сны его не беспокоили. Впрочем, он никогда и не вставал раньше девяти. Она однажды спросила его, как в концерне смотрят на то, что он постоянно опаздывает. Юрг лишь усмехнулся:

- Дорогая, ты забываешь, кто я.

- И кто же ты? – улыбнулась Ани.

- Я – зять Филиппа Бине, владельца этого самого концерна. Так что никто мне не указ.

- Ну, коли так, то я рада за тебя. Ты счастливчик. А мне вот приходится каждое утро вовремя приходить на работу.

- А тебе-то зачем вовремя приходить? Совершенно не понимаю этого, - пожимал плечами Юрг. – Там же все твое.

- Именно поэтому, - улыбаясь его наивности, ласково отвечала Ани. - Если я буду опаздывать и кое-как выполнять свою работу то, что я могу спросить с других?

Ани не в чем было упрекнуть свою судьбу. Она росла в роскоши и любви. Единственной, нежно любимой дочери ни отец, ни мать ни в чем не могли отказать. Но она многого и не просила. Может быть, потому что и так имела всё самое лучшее. Ее отец, Филипп Бине, - владелец концерна по производству парфюмерии и косметики. Мать, Дария Бине - хозяйка модного женского журнала.

Состояние семьи Бине накапливалось в поколениях и передавалось по наследству. Причем по наследству передавались не только накопленные капиталы, но и рецепты производства, принесшие за долгие годы концерну известность и богатство. Старожилы Средиземноморья помнят отца и деда Филиппа Бине, Рауля и Эмиля Бине, так же как и Филипп ныне, в свое время занимавшихся производством парфюмерии и косметики.

Когда пришло время выбирать профессию, родители предоставили Ани полную свободу. Она может стать, кем сама захочет. Ани недолго размышляла. Профессии родителей ее не прельщали, ведь к ним принадлежали они. Ей хотелось найти свой путь, которым никто до нее в семье не шел. Она будет первая.

Так она стала архитектором. После окончания университета Средиземноморья Ани несколько лет работала помощником

архитектора южного округа Средиземноморья Питера Селистера, седовласого и умудренного опытом господина. Он носил старинное пенсне и острую бородку, что делало его похожим на литературного героя какого-нибудь классического, а может быть, даже и архаичного писателя. Поначалу Ани робела перед господином Селистером. Он почти никогда не улыбался, говорил строгим голосом, а взгляд его глаз был колючим. Ани, отвечая что-то господину Селистеру, невольно внутренне сжималась в комок и отводила взгляд, как будто была в чем-то виновата перед ним. Но скоро она поняла, что эта суровость была лишь оболочкой, за которой таилось доброе и великодушное существо.

Как-то раз ей довелось участвовать в представлении нового проекта. Контора господина Селистера разработала проект ратуши южного округа. Над проектом трудились все архитекторы, их помощники, чертежники всех мастей. Сроки поджимали. Строительство должно было вот-вот начаться, а проекта все не было. Несколько представленных ранее другими агентствами проектов архитектурных ансамблей будущей ратуши были отклонены Советом правительства Средиземноморья. Все нервничали. Господин Селистер взял на себя смелость выступить в роли единственного разработчика проекта, поскольку никто более не отважился выполнить его за короткое время, да еще после стольких неудач коллег. Это, действительно, было очень смелое решение.

В самой архитекторской конторе обсуждали проект горячо и крикливо. Собирались в тесном кабинете господина Селистера после появления каждого нового эскиза и спорили до хрипоты. Ани немало смущал такой способ выражения мнений. Но сам главный архитектор, нисколько не возражал против столь бурного выражения взглядов своими коллегами, напротив, в это время он

словно оживал, напускная строгость куда-то испарялась, а в глазах с кружочками пенсне появлялся азарт. Поначалу Ани неловко было орать во всё горло, чтобы высказать свое мнение, но довольно быстро она научилась заявлять о себе. Для этого надо было лишь набраться смелости, подойти к столу, где сидел воодушевленный господин Селистер, высоко поднять руку, а затем резко опустить ее на его стол. Таким образом, в необузданной творческой среде наступала призрачная тишина, под прикрытием которой надо было успеть выразить и свое суждение. Несмотря на кажущийся хаос, царивший во время этих совещаний, в душной атмосфере кабинета главного архитектора всегда проступал невесомый образ истины. Движимые им работники господина Селистера быстро нащупывали путь. И так до следующего спора. При этом никто не испытывал к другим враждебности или зависти. При таком подходе к делу у каждого были совершенно равные возможности.

Когда проект ратуши был готов, господин Селистер предложил поручить Ани его защиту перед правительством Средиземноморья. Она помнила, как при этих словах ее пробил холодный озноб.

- Я?! - с ужасом воскликнула Ани. - Я не могу!.. У меня не получится!.. Я все испорчу!..

Господин Селистер по своему обыкновению строго глядел на нее. В кабинете царила непривычная для этих стен тишина. Наконец главный архитектор нарушил ее. Он подошел к Ани, взял ее руки в свои и заговорил неожиданно ласково:

- Дитя моё, понимаю, это трудно. Да, это безумно трудно кого-то в чем-то убеждать. Но кто-то должен это сделать.

- Но почему я? – растерянно возразила Ани.

- А кто? – господин Селистер обвел всех присутствующих,

словно выбирая достойного. – Кто? Я вас спрашиваю. Кто волновался и горячился так, что не мог усидеть на месте? Кто отбил себе все руки о мой стол? Кто?

Раздался смех. Все принялись вспоминать, как всё происходило. Веселье нарастало еще и оттого, что кроме Ани Бине так больше никто не делал. Каждый из них мог перекричать своих собратьев-архитекторов, а вот ей, не имевшей хорошего горла, приходилось другим способом привлекать к себе внимание. И почему-то всегда для этого она выбирала стол господина Селистера. Никто не знал, почему.

Она все-таки пошла защищать этот проект. Что ей оставалось? Не могла же она подвести коллег. Задолго до начала на подгибающихся ногах она вошла в конференц-зал правительства Средиземноморья. К счастью, из министров там еще никого не было, лишь служащие украшали зал цветами, да расставляли бутыли с напитками. Она заняла свое место, от входа налево, около видеопроектора. Чтобы немного себя успокоить, Ани принялась просматривать эскизы. Всё было на месте. Все чертежи под рукой. Она, нажимая дрожащим пальцем на сенсор монитора, принялась читать свою речь, но та никак не шла ей на ум, мысли убегали и путались. Она не представляла, что она будет говорить.

В зале появился высокий статный мужчина с серебряной проседью в волосах, который будто бы кого-то ей напоминал, но из-за волнения она не могла понять, кого именно. А впрочем, не всё ли равно.

- Добрый день, - мужчина приветливо обратился к ней, приближаясь. – Волнуетесь? Волнуетесь, конечно. Это заметно. Что же, повод для волнения у вас есть, но он не очень веский. Скажу вам по секрету, - незнакомец понизил голос, - в этом зале уже

столько отклонили проектов, что могу сказать твердо - вы последняя надежда. И вряд ли они вам откажут. Иначе ратуши им не видать. Ну что же, удачи вам.

Мужчина улыбнулся Ани, и вышел из зала, она проводила его недоуменным взглядом. В зале становилось многолюднее. Ласково улыбаясь, к ней подошел господин Селистер.

- Поздравляю, госпожа Бине, неплохое начало, – сказал он вместо приветствия.

- Вы это о чем?

- Я? – удивился архитектор. - Я о господине Кале.

Ани объял ужас.

- Это был Ют Кале?!

Теперь настал черед удивиться архитектору.

- А вы что же, не знаете в лицо правителя Средиземноморья?

- Нет… То есть да… Ох, знаете, как-то всё вылетело из головы…

Саму презентацию она помнила плохо. Ей казалось, что говорила она отвратительно, вяло, бесцветно, неубедительно. Время от времени непроизвольно она встречалась взглядом с господином Кале, сидевшим напротив ее, в самом центре огромного овального стола, за которым расположились важные министры с холодными, надменными лицами. Многие из них бросали на нее лишь мимолетные взгляды, будто бы она была машиной, не заслуживавшей ни участия, ни поддержки. Чтобы не сбиться и окончательно не растеряться, она решила не смотреть на них, ее взгляд невольно тянулся к господину Кале. Впрочем, она тут же отводила глаза, чтобы через несколько мгновений вновь встретиться с ним взглядом.

После того, как речь ее была завершена, в зале наступила томительная тишина. Ани с тревогой ждала их слов, но все

молчали. Министры на своих мониторах сосредоточенно просматривали эскизы проекта. Потом поднялся важный господин с усами и бородой, невысокий, но коренастый, в прекрасно сшитом светлом костюме. Он говорил спокойно, со знанием дела, медленно роняя слова. Сквозь стук громко колотившегося сердца, различимый, как ей казалось, даже в самом отдаленном уголке зала, Ани старалась вникнуть в их смысл. Это ей плохо удавалось, но, судя по тону голоса, можно было предположить, что министр благодушно настроен по отношению к проекту. Потом коротко высказались и другие, все примерно в том же тоне. Подвел итог Ют Кале.

Он вышел из-за стола, приблизился к Ани, крепко пожал ее всё еще дрожащую руку, и поздравил с прекрасно выполненной работой. Ани, раскрасневшись, радостно смотрела на правителя Средиземноморья, еще не до конца поверив в успех. Господин Кале так трогательно улыбался ей, радуясь ее победе, будто она была его дочерью или сестрой, что ей хотелось броситься к нему на шею и расцеловать за тепло и участие, проявленное к ней только им одним. Но она сдержала свой порыв, конечно же, это было бы большой дерзостью.

В то время она еще не понимала, что прошла первое боевое крещение, что ей не раз и не два придется еще представлять правительству Средиземноморья свои, теперь уже свои, проекты. Пересилив по настоянию господина Селистера тогда, в первый раз, свою неуверенность и робость, потом, открыв собственное архитектурное агентство, она уже входила в конференц-зал твердой походкой, как человек, уверенный в себе и своих профессиональных умениях. И всякий раз, принимая поздравления с рождением нового проекта, она с благодарностью вспоминала господина

Селистера, его школу и мудрость.

Сегодня в начале дня, перед работой, Ани решила ненадолго заглянуть к родителям. Она упрекала себя за то, что редко видится с ними. А все эти дела. Куда от них деться? В последнее время они больше общаются через видеотелефон. Да и он не всегда помогает: то отец - в разъездах, то мать - в редакции едва ли не до ночи. Так и не получается увидеть их вместе. Но сегодня, встав пораньше, Ани твердо решила залететь к родителям, хотя это и было ей совсем не по пути.

Она допила свой кофе, еще раз взглянула из окна на пасмурное, холодное небо и пошла одеваться. По пути в свою спальню она в нерешительности остановилась перед дверью комнаты мужа, откуда по-прежнему не доносилось ни звука. Ани пришла в голову мысль разбудить его, но потом она передумала, и зашагала по коридору дальше. Что толку?.. Разве он ее послушает?.. Она представила его сладко посапывающим в своей постельке, и впервые вдруг ощутила раздражение. Все в ее семье работают от зари и до ночи, Юрг же бывает на своей работе, когда ему заблагорассудится. Она всегда его жалела, считая, что ему немало пришлось пережить в юности, защищала от всплесков гнева отца, которые она считала несправедливыми. Слабости мужа она оправдывала тем, что все-таки он художник, личность творческая и непредсказуемая. И вот теперь она, как и ее отец, чувствует гнев против блажи Юрга.

Раскрыв шкаф с одеждой, она быстро справилась с собой, и отогнала прочь неприятные мысли. Ей пора отправляться в путь, а она еще даже не одета. Это полное безобразие. Не хватало еще, чтобы она опоздала на работу. При этом ей надо было еще сделать порядочный круг, чтобы побывать у родителей. Ани принялась торопливо перебирать свои вещи. Остановилась на неброском

брючном костюме в серую полоску, она нередко одевала его на работу, потому что чувствовала себя в нем свободно. Впопыхах она успела собрать непослушные волосы в тугой узел. Привычно она проверила свой рабочий портфель, на месте ли косметика, электронная книжка, компьютер, ключи от мобиле. Как обычно, всё было на месте. Ани перекинула через плечо широкий ремень портфеля и выбежала в коридор. Там ее встретила только что поднявшаяся с постели горничная Лилия.

- Лилия, не забудьте разбудить господина Юрга в девять, - бросила Ани горничной на бегу.

- Госпожа Ани, постойте! А пальто!

- Ох, черт! Никак не запомню, что теперь у нас холодно. Спасибо!

В лифте, поднимаясь на крышу небоскреба в ангар мобиле, Ани привычно прокручивала в голове предстоящий день. Сегодня у нее летучка в агентстве, разбор проектов, важная встреча с людьми из префектуры. И что-то еще. Прекрасно, она уже забыла, что же еще. Ну ничего, сейчас она сядет в мобиле, откроет свой электронный блокнот и прояснит память.

В ангаре было холодно и сыро. Машины слегка покрылись налетом влаги. Она опять уже в который раз непроизвольно вздохнула. Ее мобиле осветилась светом, отворилась дверь. Ани опустилась в кресло пилота. Дверь закрылась, в машине включилась система обогрева. Сразу же стало тепло и уютно. И она сняла пальто. Привычным жестом ткнула кнопку разогрева двигателя, приготовила к работе автопилот. Как только она поднимется в воздух, автопилот возьмет на себя управление машиной. Он проложит курс к родительскому дому и через несколько минут посадит машину в ангаре дома, где жили супруги Бине.

Глава II. Убийство на улице Ревз

С утра дул холодный ветер, он яростно рвал последние листья с деревьев. Редкие прохожие, кто по каким-то своим причинам не сел в мобиле или в скоростной поезд, торопливо бежали, кутаясь в теплые кашпо. Наступающий день обещал быть, судя по всему, особенно холодным.

- Черт-те что творится с погодой, - буркнул себе под нос инспектор Митчелл, смотревший из окна своего кабинета на десятом этаже на хмурую улицу внизу.

Поначалу инспектор уголовной полиции западного округа Средиземноморья Даррелл Митчелл не особо задумывался над проблемой похолодания. Он был родом из северной страны Итании, где холодные ветры и затяжные дожди были обычным явлением. И потому инспектор с насмешкой воспринимал сетования своих коллег на пронизывающий ветер и необычайно низкие температуры.

- Что, замерзли? – беззлобно шутил над коллегами Даррел. – Выпейте чего-нибудь горяченького, оденьте теплый свитерок. Ах, нет? Тогда надо обзавестись. И срочно, судя по всему, тепло наступит еще нескоро. Впрочем, нет, я знаю рецепт для согревания – это работа.

- Опять эта работа, - проворчала в ответ младший инспектор Ада. – Я уже не могу о ней слышать.

- Нет, Даррел, - вздохнул Роберт, - это средство здесь не помо-

жет.

Но время шло, а тепло не возвращалось, напротив, становилось все холоднее. Однако никакой внятной информации по этому поводу ни откуда не поступало. Ученые несли какой-то вздор про плохую экологию, религиозные пастыри толковали о грехах человеческих и божьей каре, политические деятели ссылались еще бог знает на что. Одним словом, понять простому человеку, что к чему было просто невозможно.

Едва слышно зашуршала открывающаяся автоматическая дверь, Даррел обернулся. В кабинет вошла Ада в теплом свитере, в руке она сжимала носовой платок, который то и дело подносила к покрасневшему от насморка носу.

- Ну что там Тирет? – спросил Даррел.

- Нормально. Уже дописывает.

- Отвезете его домой. Коды наблюдения за ним потом введете в мой навигатор. Не хватало еще, чтобы он сбежал.

- Хорошо, Даррел. Все сделаем.

Даррел кивнул головой и направился к двери.

- Ты к шефу? – спросила Ада.

- Да, как обычно. А потом домой. Просто с ног валюсь.

- Да, ночка выдалась еще та.

Даррел на прощание поднял руку и шагнул к двери, та послушно отворилась.

- Послушай, Даррел. Как ты думаешь, это правда, что сказал Тирет?

- Ты о его признании?

- Даррел, не валяй дурака, ты же знаешь о чем я.

Даррел сделал вид, что не понимает Аду.

- Господи, Даррел, я имею в виду эти его слова о том, что всем

нам крышка.

- Ах, ты об этом. Думаю, это полная ерунда. Забудь. Мало ли что несут типы вроде Тирета. Да они и не такое придумают, чтобы выкрутиться из передряги.

Инспектор махнул на прощание рукой Аде и вышел из кабинета. Ада проводила его недоверчивым взглядом.

Даррел летел в мобиле домой и мысли его по обыкновению вновь и вновь возвращались к ночному дежурству, которое выдалось насыщенным событиями.

Вечером дежурный инспектората Итен по-военному четко и лаконично доложил обстановку в западном округе Средиземноморья.

- Попытка уличного ограбления и драка в казино.

- И всё? – удивился Даррел.

- Пока всё, - ответил Итен.

- Ну, еще есть время.

- Да, вероятно, - бесстрастно подтвердил Итен.

Такое начало дежурства было не совсем обычным. Их округ - едва ли не самый большой в Средиземноморье - считался небезопасным, потому что был густо наводнен барами и казино. И кроме того, здесь проживало немало неблагонадежных выходцев из восточных стран. Обычно вечерами в поисках развлечений народ заполнял бары, казино, рестораны, да и улицы не бывали пустынны. Центральные площади и магистрали оживали по вечерам, когда ярким светом зажигались огни иллюминации и рекламных башен. Громко играла музыка, повсюду гуляли парочки, слонялись любители ночных приключений. И в такое время полиции приходилось быть начеку. Стражи порядка постоянно убеждались в том, что именно вечером происходят

преступления установленных законом правил. Зачастую за все дежурство полицейские не успевали даже выпить кофе. С одного места происшествия их мобиле, во весь борт окрашенные яркими полицейскими знаками, уже неслась в другое, где их ждало новое расследование, а то и преследование подозреваемых. Но никто из них не жаловался, все привыкли быть то в полете, то в погоне. Это была их жизнь.

Даррел отдал команды своим подчиненным, что им предстояло сделать в ближайшее время по зафиксированным преступлениям. Два мобиле по облегченному варианту, то есть только с двумя младшими инспекторами, отправились расследовать случившиеся нехитрые происшествия. В инспекторате совершенно без дела остались инспектор Даррелл и его помощник, младший инспектор Ада.

- Как-то тихо сегодня, – нарушила молчание Ада, подойдя к окну.

- Да, точно. Всего лишь два происшествия. Даже странно. Обычно крутимся, только машинки наши свистят в воздухе.

- И город в последнее время другой стал. Ты не находишь?

Даррелл пожал плечами:

- Да, есть немного. Вечерами теперь на улицах почти ни души. Люди замерзли.

Ада украдкой взглянула на Даррелла, проверяя, не насмешничает ли опять он, но инспектор был серьезен. Он рассеянно взирал из окна на западный округ Средиземноморья, ярко освещаемый разноцветными рекламными проспектами на крышах небоскребов. Сегодня Даррелл казался озабоченным и даже удрученным. Несмотря на то, что западный округ выглядел как обычно, празднично, светло и нарядно, было что-то, что тревожило инспектора. Ему

не нравилась тишина в городе, точно так же, как и не нравилось безмолвие в инспекторате. Впрочем, он сам разрешил инспекторам пойти перекусить. Наверное, стражи порядка отправились в ночное кафе на нулевой этаж восточного крыла инспектората. Обычно у тех, кто дежурил ночью, не хватало времени, чтобы перехватить чашку кофе и бутерброд.

Только дежурному полицейскому диспетчеру Итену никуда не позволялось отлучаться, на тот случай, если вдруг поступит сообщение о новом преступлении. Даррелл ясно представил себе скучающего Итена перед слабо мерцающим экраном огромного монитора с картой всего западного округа. При каждом известии красной искрой вспыхивала точка на карте, где в этот миг с кем-то произошло несчастье. Случалось, сообщения поступали непрерывно, без конца что-то где-то с кем-то происходило. И полицейским надо было быстрейшим образом оказаться вблизи жертвы или подозреваемых. На этажах уголовной полиции суета не прекращалась до самого утра, когда вместе с восходом солнца наступало время одним сдавать дежурство и идти отдыхать, а другим, как инспектору Митчеллу, отправляться на доклад к начальнику уголовной полиции.

Там, в кабинете шефа, высокого, уже изрядно поседевшего, широкоплечего мужчины, строго глядевшего из-под густых бровей, он должен отчитаться о том, что произошло в западном округе за ночь, ответить на вопросы шефа, а если доведется, то и выслушать выговор за промашки в работе. Иногда шеф нервничал по-настоящему, и тогда он, разражаясь нудным монологом, обращенным на голову провинившегося, принимался грозно шагать вдоль и поперек своего огромного кабинета мимо огромного во всю стену сенсорного монитора с картой западного округа Среди-

земноморья. Не раз и Дарреллу довелось выслушать наставления шефа. Он не обижался и никогда не принимал его суровые слова слишком близко к сердцу: на то он и шеф, чтобы всё контролировать и за всех отвечать.

Дарреллу была по душе его работа, он чувствовал свою значимость, ведь от его профессиональных качеств, от его решительности, быстроты реакции, умения в считанные мгновения сколотить группу и закинуть ее по назначению зависел порядок на улицах и площадях западного округа Средиземноморья. Часто он и сам на ходу запрыгивал в мобиле, уже готовой оторваться от взлетной площадки инспектората, и мчался с крепкими парнями кому-то на подмогу.

Это была его жизнь. Так случилось, что все личное, касающееся только его одного, постепенно ушло от него. Давным-давно умерли его родители. Семья, созданная в ранней молодости, когда он еще только учился инспекторскому делу и еще не был знаком с превратностями своей будущей профессии, медленно растворилась и превратилась в туман, в призрачное воспоминание. Теперь, когда прошло столько лет, и исчезла горечь жестокой обиды, в глубине души он даже склонен был оправдывать свою жену Мари. И в самом деле, не ее же в том вина, что он был полицейским и не мог дать того, что ей хотелось.

Однажды она, старательно избегая его взгляда, объявила ему о том, что встретила другого человека и хочет уйти к нему. Острая боль пронзила тогда его душу, словно ему нанесли глубокую рану. Но он не подал вида. Он, стараясь держаться свободно и уверенно, будто ничего и не произошло, спросил, кто же он этот человек. Оказалось, что его соперник – крупный чиновник из департамента государственных связей Средиземноморья, имеющий много непло-

хих материальных вещей, которых у Даррелла отродясь не бывало. Ну что же, разве с этим поспоришь? Он отпустил ее, и замкнулся в себе. Никто на работе не мог вывести его из этого состояния оцепенения, пока не случилось несчастье.

Как-то глубокой ночью, когда всех своих напарников он разослал по вызовам, поступило еще одно сообщение о перестрелке на окраине западного округа, у казино «Гиперборей», в ярко освещенных залах которого под пьяные крики и бойкую музыку всю ночь напролет любители легкой наживы пытались поправить свое финансовое положение. Ссоры и драки там были обычным явлением. Но, видимо, в ту ночь заглянул туда кто-то, кто мог серьезно постоять за себя. Сообщив дежурному Итену о своем намерении отправиться на место происшествия, Даррелл и Ада, единственные кто оставался на тот момент в инспекторате, вылетели к казино.

Уже подлетая к «Гиперборею» Даррелл понял, что ситуация непроста: вспышки от выстрелов беспрерывно мелькали то здесь, то там. Было ясно, что в перестрелке участвует не один десяток людей. Инспектор отрывисто сообщил Итену, что нужна помощь. Мобиле инспектора приземлился за «Гипербореем», в то время, как перестрелка, насколько успел заметить Даррелл на подлете, сосредоточилась у его главного входа и у юго-западного крыла, там, где так и не опустившись на землю на уровне второго этажа замер освещенный скоростной лифт с разбитой кабиной. Инспектор захватил с борта своей мобиле громковещатель, с его помощью инспектор собирался воздействовать на смутьянов спокойствия и порядка, пока не пребудет подкрепление. Они с Адой, перемещаясь короткими перебежками, оказались скрытыми зарослями розария прямо перед казино. Голос Даррелла, возвышенный до предела вещателем, загремел по всей округе. Стрельба, как по команде,

прекратилась. Голос стращал нарушителей всеми доступными карами, но обещал снисхождение, если они образумятся и сложат оружие. Безусловно, какое-то время инспектор выиграл. Пока на той стороне разбирались, что к чему, перестрелка ослабела, да и помощь была где-то уже на подходе. И Даррелл возобновил сеанс вещания.

Но долго держать их в напряжении посредством одного только вещателя он не мог. И тогда, воспользовавшись наступившей тишиной, он решил выйти из своего укрытия, чтобы лично воздействовать на тех, кто затеял перестрелку. Ада мертвой хваткой вцепилась в его рукав, не давая ему сделать и шага, но он скороговоркой бросил ей, что ребята уже на подходе. Он понимал, сейчас важно не дать бандитам прийти в себя, если он возьмется за этот отвлекающий маневр, то сможет предотвратить многие возможные жертвы в казино. Да и, в конце концов, он же в гравитационном жилете, а он пули не пропустит. Он быстро отцепился от настырной Ады и вышел на свет, продолжая вести переговоры через вещатель.

Никто не мог предположить вероятность дерзкого нападения на инспектора полиции, находящегося на всеобщем обозрении, при всех должностных опознавательных знаках. На всей территории Средиземноморья уже не одно столетие действовал суровый закон, нещадно преследовавший любого, кто осмеливался напасть на полицейского. Но тот, кто решился выстрелить в Даррелла, видимо, об этом не знал, а может быть, наивно полагался на собственную неуловимость. Пуля тонко пропела в воздухе. Хлопок. Наступила тишина.

Гравитационная защита не сработала, как выяснилось потом, по простой и банальной причине – из-за отсутствия питания в

батареях. Даррелл, весь в своих личных переживаниях, забыл подзарядить батарею. Он получил серьезное ранение в область живота. В живых он остался только благодаря тому, что группа, подоспевшая на помощь, захватила казино, а Ада, до службы в полиции обучавшаяся медицине, быстро и надежно перевязала рану, остановив кровотечение.

На службу после длительного и изнурительного лечения Даррелл вернулся выздоровевшим и физически, и морально. Он решил для себя раз и навсегда, что ни одна женщина, даже такая, как Мари, не стоит того, чтобы он, раскиснув от сердечной раны, ставил бы под угрозу свою жизнь или жизни своих напарников.

В инспекторскую вошел Итен по обыкновению с электронной записной книжкой в руках.

- Даррелл, поступило сообщение. Убийство на улице Ревз. Погиб мужчина.

- Вот тебе, Ада, и спокойный, опустевший город, – заметил Даррелл. – Нет, ничто не меняется под этим небом. Все как всегда. Итен, оповести Стена и Роберта. Они летят с нами.

Лететь пришлось далеко. Оказалось, что преступление было совершено на самой окраине улицы Ревз, спускающейся в этом месте к кромке моря. Улица, словно уткнувшись в гранитный парапет набережной, резко заканчивала здесь свой отсчет. В ее внутренность кое-как еще успели влезть пара старых невысоких домишек, выполненных из бог весть какого древнего материала, да питейное заведение под громким названием «Лунная дорога», неказистое и совсем несовременное одноэтажное здание, открытое в это позднее время для любителей слоняться по ночному городу. Впрочем, судя по внешнему виду бара, можно было предположить, что здесь бывали, большей частью, люди такого же почтенного

возраста, что и он сам, не обремененные особыми доходами. Да еще, пожалуй, заглянуть сюда могли бродяги, кочующие по побережью без цели и определенных намерений, кроме разве что намерения стянуть у зазевавшегося прохожего или покупателя в лавке пару-тройку монет для собственного пропитания. Но не больше. Вряд ли можно было встретить здесь, и тем более, глухой ночью жителей респектабельных кварталов, обитателей шикарных апартаментов в высотных домах с прозрачными куполами и ангарами мобиле. Этим людям, задумай они веселую ночную прогулку, больше подошел бы какой-нибудь из великого множества дорогих ресторанов. Например, на площади Мортель, излюбленное место отдыха состоятельных жителей западного округа Средиземноморья.

Размышляя об этом, Даррелл никак не мог понять, что же понадобилось ночью на окраине отнюдь нереспектабельной улицы Ревз пострадавшему мужчине в дорогом костюме с солидным электронным счетом в его банковском портмоне. С такими деньгами он мог спокойно, без всякого риска для своей жизни скоротать время в фешенебельном ресторане среди прекрасно одетой публики.

- Должно быть, у него были наличные, - предположила Ада, когда полицейские уже закончили осмотр места происшествия, и Стен в бортовом компьютере запрашивал сведения о месте жительства и имени пострадавшего.

- Возможно, - согласился Даррелл, - именно из-за них его и стукнули. Скоро все узнаем. Ну что там, Стен?

- Порядок. Его имя – Артур Минкс, владелец концерна по производству летательных аппаратов для космических исследований, обладатель огромного состояния. Он женат, имеется дочь.

- Да-а, бывает же такое, - удивленно сказал Даррелл. – И что

ему понадобилось на окраине улицы Ревз в такое время? Роберт, что там у тебя? Причина смерти установлена?

- Да, заключение готово, - Роберт уже снимал с тела пострадавшего датчики и прибор диагностики. – Смерть наступила в один час тридцать четыре минуты средиземноморского времени. Видимых повреждений на теле пострадавшего нет. Причина – отравление ядом растительного происхождения.

Полицейские невольно повернулись к тускло освещенной «Лунной дороге», застывшей, казалось, в ожидании своей участи.

- Неосторожность или преднамеренность? – уточнила Ада у Роберта.

- Нет, что ты, какая там неосторожность, – уверенно возразил он. – Такой яд – вещь достаточно редкая, его еще надо умудриться найти, и стоит он, наверняка, немало.

- Придется заглянуть в заведение, - сказал Даррелл, обращаясь к Аде. – Роберт, ты тут заканчивай и вызывай борт для перевозки трупов. А мы посетим «Лунную дорогу». Ну что, ребята, идем?

При их приближении двери с тусклыми заляпанными стеклами разъехались в разные стороны. Обстановка внутри не располагала к приятной трапезе. Во всем чувствовалось уныние и запустение. Крошечные столы на двоих с несвежими салфетками и запыленными приборами навевали мысли о том, что сюда уже давно мало кто заглядывает. Да и пахло здесь не аппетитными блюдами и кофе, а подвальной сыростью и плесенью. Хозяйка забегаловки, толстуха неопределенного возраста, должно быть, уже махнувшая рукой на свое заведение, была одета кое-как. Она встретила новых посетителей настороженно, которая стала еще больше, когда она увидела знаки полицейских на их одежде. Ничего хорошего она не ждала от их визита.

Как и ожидал Даррелл, хозяйка сказать толком ничего не могла. Она твердила о том, что в ее заведение вообще мало кто заглядывает. Инспектор, пытаясь поймать ускользающий взгляд толстухи, настаивал: может быть, кто-нибудь заходил выпить. Хозяйка отрицательно мотнула головой, ткнув грязным пальцем в барную стойку, где все было в таком же неприкосновенном порядке, что и в зале.

- Вы же видите, здесь уже дня три не было никого, - хмуро сказала она.

- Ну, хорошо, хорошо. А, быть может, вы заметили что-то подозрительное на улице? Шум или крики?

Хозяйка бара ненадолго задумалась и проговорила:

- Ну, был сегодня шум.

- Что за шум? – спросил Даррелл.

- Кажется, прилетала мобиле.

- Мобиле? Вы ее видели?

- Нет, я была в другой стороне дома, но мотор ее слышала.

- Может быть, кто-то из соседей?

- Нет, здесь ни у кого нет таких машин.

- А какое было время? – поинтересовалась Ада.

- Не знаю, - буркнула хозяйка, - что мне следить за временем. На что оно мне.

- Но, по крайней мере, это был вечер, день, утро? – настаивала Ада.

- Вечер, - неохотно ответила хозяйка бара, - уж стемнело.

- Видимо, тот, кто привез сюда тело, и есть убийца, или, может быть, это его ближайший пособник, - уверенно заключил Даррелл, когда они вышли из «Лунной дороги». – Ну что же, полетим к вдове Минкса, посмотрим, что скажет она.

- Ты думаешь, что она может быть причастна к этому? – спросила Ада. – Нельзя же так вот сразу подозревать человека.

- Ада, история знает много примеров преступлений со стороны вчера еще самых близких и дорогих людей, совершенных по одной старой, как сам мир, причине – деньги. А их у Минкса было немало. Так что, Ада, поверь, у вдовы может быть мотив для преступления.

- Она еще, наверное, даже и не знает о своем горе.

- Вот и узнает заодно, - сказал Даррелл, закрывая кабину мобиле.

Артур Минкс жил на площади Форей в небоскребе модернистского стиля. Дом, как огромный корабль, вынесенный волной на берег, подавлял тяжелой монолитностью своих конструкций. Даже беглого взгляда рассеянного прохожего было достаточно, чтобы определить не только стиль жизни людей, обитающих здесь, но и их внешний вид. Вид их, конечно, был респектабелен, а вкус безупречен. Это был именно тот вид людей, которые никогда не пользуются наземным транспортом, ну, разве что, за исключением экзотических его образчиков, к которым они иногда прибегают только исключительно с целью получить дополнительное удовольствие. Мобиле, скоростные ракеты и даже космические корабли – вот их средства передвижения. Их дома и их окружение – нечто изысканное, особенное и, конечно же, обособленное. Никакого вторжения извне, никакого риска, ни одного необдуманного поступка. Их близкие – это тоже предмет их гордости и превосходства над бренным миром. Жены их по-особому прекрасны и утонченны, ибо человек, купающийся в настоящей роскоши, не может оскорбить свои чувства прикосновением к чему-то несовершенному или негармоничному.

Полицейские мобиле приземлились в ангаре на крыше небоскреба. Инспекторы спустились на лифте и оказались перед дверьми апартаментов семьи Минкса. Даррел мысленно сообщил порту домофона о прибытии полиции и дверь тот час распахнулась. Они вошли в просторную прихожую, неярко освещенную, с мягким ковром и старинной мебелью. Спустя мгновение откуда-то из боковой двери к ним вышла молодая женщина, одетая в строгое темное платье. Ее безукоризненные прическа и макияж говорили о том, что она не ложилась в постель в эту ночь.

- Лаура Минкс, - представилась она, скользя тревожным взглядом темных глаз от одного лица к другому.

Она не производила впечатления существа слабого и хрупкого, готового растеряться от любого неприятного события. Ее манера держаться уверенно и независимо, что бы ни случилось, ее твердый взгляд предполагали присутствие в этой женщине, хрупкой лишь внешне, крепкого духа и воли.

- Госпожа Минкс, - начал разговор Даррелл, не спуская с ее лица изучающего взгляда, - мы пришли к вам с плохими вестями. Ваш муж Артур Минкс мертв. Примите наши соболезнования.

Госпожа Минкс вздрогнула при этих словах, глаза ее потемнели и затуманились слезами, полные губы задрожали. Чтобы справиться с собой и не показать перед посторонними людьми охватившей ее слабости, она быстро отошла к окну, постояла там, нервно сжимая руки, потом повернулась и произнесла вполне твердым голосом:

- Я ждала нечто подобного, потому что не было еще такого, чтобы мой муж не пришел бы домой ночевать. Мне мерещилось нехорошее.

- Извините, госпожа Минкс, но я вынужден спросить вас кое о

чем, что касается вашего супруга, - голос инспектора Даррелла был невозмутим и спокоен.

Казалось, что его спокойствие незримо коснулось и Лауру Минкс. Без слез и рыданий она села в кресло напротив обтянутого кожей дивана, где расположились ночные гости, и стала отвечать на вопросы, не проявляя при этом ни раздражения, ни надменности.

- Госпожа Минкс, у вашего супруга были связи с другими женщинами, о которых бы вы знали?

- Нет, мне об этом ничего неизвестно. По крайней мере, он всегда ночевал дома, а если случалось уезжать куда-то по делам, то всегда предупреждал.

- Какие отношения были между вами?

- Нормальные. Мы хорошо понимали друг друга.

На миг она опустила глаза, стараясь прогнать набежавшую слезу. Было видно, что она отчаянно стережет все свои жесты и слова, но также очевидным было и то, что делает она это, вероятнее всего, не из стремления что-то утаить и не дать себя разоблачить, сколько из желания не впасть в отчаянье в присутствии посторонних людей. Она крепко сжала руки в замок, так что побелели пальцы. В нем, в этом замке была сосредоточена вся ее внутренняя сила, которая не позволяла ей расслабиться и выплеснуть наружу свои эмоции. Только не теперь, только не при посторонних.

- Известно ли вам что-то о недоброжелателях или врагах вашего мужа? – продолжал допрос Митчелл.

- Нет.

- Вспомните, может быть, он упоминал об угрозах или шантаже.

- Нет, ничего такого не было.

- Где он собирался провести минувший вечер?

- Он говорил о том, что поужинает в мужском клубе на площади Мортель.

- Он посещал один и тот же клуб?

- Да, у главного фонтана.

- Госпожа Минкс, вы позволите нам познакомиться с личными данными вашего мужа?

- Конечно.

Она встала и вышла из комнаты. Вскоре она вернулась в сопровождении молоденькой служанки, тоже, видимо, не ложившейся сегодня. Служанка принесла личный компьютер и электронные книги хозяина. Получив все востребованное, полицейские, еще раз выразив свои соболезнования госпоже Минкс, удалились.

- Вдова, похоже, не на шутку встревожена своим новым положением, - заметил Стен, когда они взлетели с лужайки Минксов.

- Что скажешь, Даррелл? – спросила Ада. – Ты и теперь считаешь, что она причастна к убийству?

- Время покажет, - уклончиво ответил инспектор.

В инспекторате вся группа за исключением Стена, которого Даррелл отправил в мужской клуб разузнать что-нибудь о Минксе, принялась изучать жизнь и дела погибшего. Все говорило о том, что дела у Артура шли превосходно. Его концерн, доставшийся ему по наследству от отца, процветал. Тема исследования космоса год от года становилась все более актуальной, и заказы на изготовление космической техники и оборудования не иссякали.

Даррелла заинтересовали данные об одном из последних заказов, самом крупном, но показавшемся ему довольно двусмыс-

ленным. Группа состоятельных людей заказала концерну Минкса разработку летательного космического аппарата, такого, чтобы он мог не только летать, но и поддерживать жизнеобеспечение всех его обитателей во время посадки на любой из планет. Похоже, что выполнению этого заказа Минкс уделял особое внимание. В его электронной книжке этому был посвящен целый раздел. Но что любопытно, время от времени Минкс изменял в сторону увеличения сумму стоимости заказа. Через короткое время сумма, оговоренная при подписании соглашения, возросла в несколько раз. И, возможно, это был еще не предел. Митчелла это насторожило, и он решил основательно изучить все, что касалось этого заказа.

- Ада, утром отправимся в концерн Минкса, поговорим с его ближайшими помощниками.

- Можешь с этим не спешить, - раздался в дверях голос Стена.

- Что-то нашли? – загорелись глаза Даррела.

Стивен молчал, таинственно улыбаясь, а Роберт вертел в руках карту видеозаписи.

- Так, кое-какой пустяк, - с напускным безразличием сказал Роберт.

- Да? И что это? - спросила Ада.

- Ну не тяните вы кота за хвост, - потерял терпение Даррел.

- Видеозапись в ресторане, где в последний раз ужинал Артур Минкс, - важно промолвил Стен.

- Давно бы так, - проворчала Ада. – Давайте уже включайте. Как дети, честное слово.

В ретроспективе при приближении картинки они без труда узнали в одном из посетителей Артура Минкса. Он был не один. Компанию ему в этот вечер составил мужчина крепкого телосложения с шевелюрой кудрявых волос. Тот сидел вполоборота,

сложив руки на столе и наклонив голову. Разглядеть в деталях его лицо было сложно. Стен предложил сделать воспроизведение его облика, но Даррелл промолчал, поглощенный происходящим в ретроспективе.

Друзья, ужинавшие в тот вечер в мужском клубе, оживленно беседовали. По крайней мере, Минкс казался беспечным и веселым, он беспрестанно жестикулировал, рисуя перед своим собеседником какие-то неведомые картины. Но вот к Минксу подошел еще один человек, должно быть, хорошо ему знакомый, так как он встал ему навстречу, крепко пожал руку и они, оживленно беседуя, стали удаляться куда-то вглубь зала, пока и вовсе не скрылись из виду. Собеседник Минкса вдруг встрепенулся и, выпрямившись, бросил несколько взглядов вокруг, словно проверяя, не следит ли кто за ним. Видимо, ничто его не насторожило и он, быстро выбросив вперед руку, занес ее на мгновение над бокалом Минкса.

- Стоп! – воскликнул Даррелл. - С этого момента чуть назад и как можно крупнее.

На картинке, увеличенной до предела, отчетливо была различима тончайшая нитевидная струйка не то жидкости, не то порошка, просыпаемая прямо в вино Минксу.

- Вот вам и убийца, – сказала Ада.

- Что-то известно об этом человеке? – поинтересовался Даррел.

Стен и Роберт многозначительно переглянулись.

- Господи, ребята! – возмущенно воскликнула Ада.

- Ну, хорошо-хорошо, - проворчал Роберт с довольной улыбкой. - В ресторане знают этого малого. Это Сэд Тирет, административный помощник Минкса.

- Я так и думал, без концерна здесь не обошлось, - усмехнулся

Даррел.

Стен согласно кивнул головой:

- Да, как обычно, ищи преступника в ближайшем окружении. Ничего не меняется.

- И что ж они такое плохое окружение-то себе выбирают? - вздохнула Ада.

- Какое уж есть, - ответил Роберт, выключая экран.

- Ну что же, надо познакомиться с господином Тиретом.

Уже через пару минут мобиле с группой Митчелла стартовала с купола инспектората и взяла курс на юг Средиземноморья, где жил Сэд Тирет. Монотонный, приглушенный фильтрами шум работающего двигателя мобиле навевал сон. Хотелось надолго погрузиться в его сладкую дрему, чтобы забыться в каком-нибудь приятном, освежающем сновидении. Но продлить это состояние было нельзя, полицейские, как им показалось, только-только задремавшие уже были разбужены автопилотом. Их опять встретила земля.

В холле апартаментов Тирета к полицейским вышел растерянный дворецкий. Вскоре появился и бледный хозяин с всклокоченной кудрявой шевелюрой. Сэд Тирет с ужасом взирал на инспекторов полиции.

- Господин Тирет, вы подозреваетесь в убийстве Артура Минкса. Вы арестованы, - спокойно сказал Даррел.

Лицо Тирета залила мертвенная бледность, он судорожно рванул ворот сорочки, как если бы ему нечем было дышать.

Поникшего и испуганного Тирета доставили в инспекторат. Даррелл еще там в холле понял, что подозреваемого надолго не хватит. Тирет был представителем того типа людей, которых Митчелл успел повидать на своем веку. Эти люди – баловни судьбы,

которым дается все, словно по волшебству. Постепенно в их душе, подобно корням мощного дерева, все более укрепляется вера в себя, им кажется, что нет ничего невозможного, запретного, чем нельзя было бы овладеть. Если же возникают препятствия, их преодолевают, нередко, преступая закон. В силу опять-таки своей непомерной самонадеянности, они совершают преступления необдуманно и безоглядно, полностью полагаясь на случай, и совершенно не беря в расчет высочайший уровень технических средств, имеющихся теперь у любого полицейского. По сути, они действуют так, как если бы жили в каком-нибудь каменном веке. Их губит самонадеянность, неоправданная уверенность в собственных силах. Но, как ни странно, она подводит и предает их и потом, уже на стадии расследования. Раздавленные свои неожиданным разоблачением, прогремевшим над ними, подобно грому среди ясного неба, они сразу же теряются и путаются, ибо не обладают никакими особыми качествами характера, способными их поддержать, когда от них вдруг отворачивается их удача.

На Тирета было больно смотреть. Весь он как-то обмяк, стал меньше ростом. Костюм, до этого момента превосходно сидевший на нем, теперь смотрелся мешковато и неуклюже. Нетвердой походкой он прошел через кабинет Даррелла и, тяжело вздохнув, опустился в глубокое кресло перед столом инспектора.

- Господин Тирет, где вы были вечером? – спросил Митчелл.

- Я… я ужинал, - осевшим голосом сообщил тот.

- Вместе с Артуром Минксом? – уточнил Даррел.

Подозреваемый молча кивнул

- А что же побудило вас убить господина Минкса? – перешел к главному Митчелл.

Тирет некоторое время молча смотрел Дарреллу в глаза, он

как будто бы соображал, о чем его спрашивают. Затем болезненная гримаса до неузнаваемости исказила его лицо.

- Я не хотел, поверьте, не хотел его убивать! – неожиданно горячо воскликнул он, но, наткнувшись на насмешливый взгляд инспектора, смешался и бессвязно забормотал: - Я все расскажу, все, только… только я… хочу знать… хочу знать, что… что меня… ждет…

- Полагаю, что суд примет во внимание ваше искреннее раскаяние и не станет прибегать к суровой мере наказания, высылке на исправительные работы в пустыню Хиту.

Даррелл не лукавил, говоря это, в его словах была правда. Кроме того, он стремился морально поддержать почти полностью сломленного человека, к которому он, на правах более сильного, испытывал даже нечто похожее на жалость.

– Если в вашем деле будут найдены смягчающие обстоятельства, то исправительные работы и психологические тренинги вы пройдете в более привычных для вас условиях жизни.

Тирет не сопротивлялся. Он рассказал все, что имело отношение к этому делу. Поводом для совершения преступления стал именно тот заказ, на который и обратил свое внимание Даррелл. Несколько мультимиллиардеров Средиземноморья обратились к Минксу с просьбой изготовить для них космические корабли для полетов на другие планеты. Но кроме этого корабли должны были также отвечать и многим другим требованиям. Они должны были стать домом для тех, кто ступил на их борт, их средой обитания, поддерживать которую они могли бы в любых условиях. Минкс реально оценивал всю сложность, если не сказать невыполнимость задачи, но деньги, предложенные за эту работу, помутили его разум. Концерн Минкса и за год не зарабатывал даже четверти того,

что они ему предложили.

Артур Минкс собрал всех своих ведущих специалистов, совещания проходили одно за другим почти каждый день, но никто из ученых мужей не мог поручиться за успех выполнения второй части задания – создание бесконечно восполнимой и самодостаточной среды обитания в пределах космического корабля на какой бы из планет он ни оказался. Некоторые предлагали выбрать хотя бы одну из планет Солнечной системы и уже, исходя из ее условий, изготовить такой корабль, но даже и этот вариант нельзя было назвать беспроигрышным. Минкс злился и раздражался, он требовал срочно искать решение. Все-таки, в конце концов, концерн принял к исполнению этот заказ, вынужден был принять, так как Минкс ни за что не хотел терять огромные деньги.

Ученые засели за чертежи и проекты, и, надо сказать, дело вроде бы немного сдвинулось с мертвой точки. Минкс воодушевился. А тут еще и миллиардеры стали ходить к нему, как на работу, да, как нарочно, все просили и умоляли сделать побыстрее. Так что Минксу ничего другого не оставалось, как поднимать и поднимать цену, ибо он понял, что богатые люди не на шутку встревожены и, значит, на этом надо суметь хорошо заработать. Но он зарвался.

Как бы ни были встревожены миллиардеры, но они понимали, что их уже откровенно стали водить за нос. И вот тогда-то они тайно встретились с Сэдом Тиретом, чтобы уговорить его образумить Минкса. Тирет согласился. Но его план не работал: Минкс, всегда обычно прислушивавшийся к мнению помощника, при обсуждении данного вопроса слышать его не хотел.

Тогда миллиардеры предложили Тирету хорошие деньги за то, чтобы он нашел способ отвлечь внимание Минкса от этого про-

екта. И Тирет достал снадобье, чтобы вывести организм Минкса из нормального состояния, чтобы он, занявшись укреплением пошатнувшегося здоровья, оставил бы в покое этот злосчастный проект и препоручил его своим помощникам. Тирет несколько раз испуганно повторял, что эти люди здесь ни при чем, что они никогда не вели речи об убийстве, да и он не собирался его убивать. Так уж вышло, что-то напутал он с дозой, а может быть, ему подсунули не то вещество. Но, так или иначе, во всем виноват только он один. Это он, ослепленный деньгами, стал причиной этого чудовищного преступления. Но он раскаивается, как же жестоко он раскаивается!

- Я хотел бы кое-что уточнить у вас, - прервал откровения Тирета инспектор. – Вы сказали, что миллиардеры были испуганы и хотели как можно быстрее получить свой космический корабль. Чем же это они были так испуганы?

Тирет непонимающе уставился на инспектора, не представляя, что же здесь уточнять.

- Чем были испуганы? Ну как же, похолоданием.

Полицейские обменялись недоуменными взглядами.

- Что же здесь такого страшного? Подумаешь, похолодало немного, - хмыкнул Даррелл, - еще потеплеет так, что жарко будет.

- Видите ли, в чем дело, - неуверенно начал Тирет, сомневаясь, может ли он здесь говорить об этом, - давным-давно ученые установили, что наше Солнце остывает, оно все меньше дает тепла и света. В ту пору было решено это открытие держать в тайне, чтобы не дай Бог не было паники и всякого такого. Даже была создана специальная хартия, которую никому нельзя было нарушить. Одним словом, об этом феномене знал только узкий круг ученых. Те, кто имел отношение к исследованиям космоса, все время

наблюдали за Солнцем, вели измерения, вычисления. Ну, видимо, ничего хорошего они там не увидели, проблема не снималась, и информация постепенно стала утекать. Однажды об этом узнали и наши заказчики. Их мечта – построить себе космический дом и убраться с замерзающей планеты.

- Вы это серьезно? – удивился Роберт. - Как Солнце может остыть?

Полицейские во все глаза смотрели на Тирета, решая, не повредился ли тот, часом, рассудком от тяжелых переживаний. Но тот впервые за это утро был убедителен и спокоен. Похоже, что он говорил святую правду.

– А почему Минкс тянул с этим проектом? Почему бы ему самому было не построить для себя такой корабль и не улететь? – спросил Роберт.

- Видите ли, Минкс не особо верил во все эти предсказания. Он считал, что ученые, как обычно, паникуют, пройдет время, все уляжется и забудется. Поэтому он никогда и не думал о том, чтобы куда-то там лететь, и сильно сомневался, что и другие полетят. А прихоть миллиардеров он считал блажью, на которой можно неплохо заработать.

- А вы сами во все это верите? – поинтересовался Даррел.

- Я всерьез об этом никогда не думал. В конце концов, наша Земля перенесла столько катаклизмов и с нею ничего не стало, с чего же вдруг полагать, что этот будет последним?

- Но вы же сами сказали, что на этот раз причина не в планете, а в Солнце. Согласитесь, что история Земли не донесла до нас ни одного упоминания об нечто подобном.

Это замечание Даррела привело Тирета в легкое замешательство, он не нашелся, что ответить, лишь пожал плечами.

- Ну что же, господин Тирет, можно подвести итог этому делу. Вы были откровенны и, надеюсь, искренны, поэтому до судебного разбирательства я определяю вас под домашний арест, но, – Митчелл предупреждающе поднял руку, видя, как воодушевился Тирет, - под внешней охраной электронного полицейского. Вам понятно мое решение?

- Да, благодарю вас, господин инспектор, - Тирет впервые робко улыбнулся, - даже на душе стало легче.

- Ну-ну, особенно не расслабляйтесь, - обнадежил его Даррелл, - впереди вас ждет еще много чего.

Мобиле Даррела прошла через портал ангара небоскреба, где он жил на сто пятом этаже, и мягко приземлилась в своей ячейке. Он вошел в лифт и приложил ладонь к опознавательному стенду.

- Инспектор Митчелл, добро пожаловать домой, - раздался приятный женский голос системы. - 105-й этаж.

Кабина плавно пошла вниз. В лифте он по привычке следил за табло, хотя и знал, что на чужой этаж он все равно не попадет. Иногда он отвлекался и отводил взгляд, но тот сам по себе вновь тянулся к мелькающим на табло числам. Наконец, зажглось нужное ему число 105, кабина вздрогнула и замерла. Дверь неслышно отворилась и Даррел шагнул в свою прихожую. За спиной раздался едва слышный хлопок, лифт тронулся в обратный путь. Дом встретил его тишиной и никем не нарушаемым спокойствием.

Глава III. Семейный завтрак

Так случилось, что парфюмерия стала делом жизни нескольких поколений семьи Бине. Нынешний владелец самого крупного концерна Средиземноморья по производству косметики и парфюмерии Филипп Бине получил это дело в наследство от своего отца Рауля Бине. Точно так же, как когда-то Рауль унаследовал фабрику, в то время, конечно, гораздо более скромных размеров, чем теперь, от своего отца Эмиля Бине.

Филипп начал учиться своему делу еще с юности, проводя на фабрике все свое свободное время. Уже с той поры он твердо усвоил, что не бывает выходных и праздников для тех, кто держит свое производство, ибо оно, производство, не замирает и не останавливается, оно работает, пока жив его хозяин. О, это была больная тема. Филипп печалился, что не имеет наследника. Конечно, его дочь вполне подошла бы на роль хозяйки концерна, но, к сожалению, она выбрала иной путь. А вот, будь у него сын, он, подобно деду и отцу, вверил бы свое дело в его руки. Но нет у него сына, не дал Бог.

Впрочем, пока Филипп не особенно страдал над этим больным вопросом - вопросом правоприемничества. Наверное, когда-нибудь потом он, став старым и дряхлым с трясущимися руками и путающимися мыслями, будет по-настоящему горевать об этом, а пока он еще хоть куда, крепок, бодр и силен. Пока он и сам в состоянии держать в колее свое косметическое хозяйство. Да и, как говорят, свято место пусто не бывает, подрастает смена. Филипп зорко присматривался к молодым своим управленцам, кто

как работает, как знает дело, как держится, даже как говорит с подчиненными, достаточно ли вежливо и уважительно. Это всё для Филиппа Бине имело значение, он был приучен отцом и дедом к настоящему мастерству и вежливости с людьми.

- Сколько бы ты ни имел денег, - нередко говаривал ему отец, - какого бы размаха ни достигло твое производство, высоко не возносись, уважай людей, и не только своего круга, всех, и особенно тех, кто работает на тебя. Они принесли тебе богатство и благополучие.

За свою жизнь Филипп успел не раз убедиться в мудрости слов своего отца. Будь он хотя бы семи пядей во лбу, а одному сдвинуть большое дело невозможно. Поэтому он высоко ценил тех людей, с которыми работал. Он прекрасно понимал, что благодаря их труду, ответственности и знаниям его концерн выпускает отличную продукцию, известную не только в Средиземноморье, но и далеко за его пределами. Филипп не скупился ни на хорошее слово для своих работников, ни на материальное поощрение. Поэтому люди крайне редко уходили от него.

- Балуешь ты своих подчиненных премиями да похвалами, - сказала как-то Дария. – Все-то у тебя хорошие, все-то сознательные, ответственные. Смотри, как бы не перестараться и не захвалить.

- Тебе что же денег жаль? – с улыбкой отвечал Филипп.

- Денег у тебя, слава Богу, с лихвой хватит на всех и вся.

- Так что же?

- На предприятии должна быть дисциплина в первую очередь.

- А, это чтобы все боялись?

- Ну при чем тут боялись. Просто знаешь, если человеку постоянно говорить о том, какой он распрекрасный, он может воз-

гордиться и вообще перестать что-либо делать. В этом я твердо убеждена.

- На мой взгляд, это совершенно ошибочное мнение. Доброе слово приятно каждому. Да он в другой раз будет стараться сделать еще лучше.

- Ну не знаю, дело, конечно, твое. Но вот я, например, так никогда не делаю.

- Почему же?

- Творческого человека захваливать нельзя. Разленится, вообще ничего делать не станет.

- Мне кажется, дорогая, ты через чур строга к своим репортерам. Но, впрочем, тебе виднее. Ты же там глава, а не я.

Все вроде бы складно было в жизни Филиппа Бине, благополучие и достаток не покидали его дом. Лишь одно не давало ему покоя – это личная жизнь его дочери Ани. Не одобрял Филипп ее выбора, но, скрепя сердце, не стал чинить препятствий ее браку с Юргом. Хотел, но не стал. Убедила его в этом Дария.

- По-моему, ты все-таки несправедлив к Юргу.

- А ты его так хорошо знаешь? – не удержался от язвительности Филипп, чье сердце было не на месте от знакомства с будущим зятем.

- Его знает наша дочь, - спокойно возразила Дария.

- Знает ли, - вздохнул Филипп.

- Позволь тебе напомнить, Ани уже взрослый человек и может сама решать. Ты не можешь вмешиваться. Мало ли что тебе не пришелся по нраву Юрг, зато он нравится ей. Ей самой решать.

Это и сыграло свою роль. Он решил, что Дария права и не стал вмешиваться, не стал переубеждать свою дочь.

Филипп и сам не знал, что так настораживало его в Юрге.

Обычно он со всеми людьми был тактичен и выдержан, даже если что-то ему и не нравилось в них. В первую очередь, он привык видеть в любом человеке хорошее, а уж потом замечал недостатки и то только, если они были уж очень явными. Но в Юрге он не увидел ничего, что могло бы расположить к нему, вызвать уважение. Этот человек учился всему понемногу, но ничему конкретному, чему бы он решил посвятить всего себя. Юрг называл себя художником и, тем не менее, похвастаться ему было особо нечем. Насколько понял Филипп из рассказов дочери, в мастерской Юрга были лишь одни незаконченные работы. За все годы своего, так называемого, творчества он не провел ни одной выставки.

- Папа, понимаешь, художнику без связей сложно пробиться, - сказала как-то Ани отцу.

- А он разве пытался? – усмехнулся Филипп.

- Конечно, и не раз. Но безуспешно. Его зарисовки все время отклоняли.

- Вот именно, зарисовки, - сказал Филипп. – Устроителям выставки нужны не зарисовки, а готовые картины. Как и в любом другом деле, нужен результат. А его-то и нет, как я понимаю. Ты сама-то видела эти его работы? Можешь назвать что-то, что тебе понравилось, что поразило тебя?

- Да, есть кое-что. Он работает сейчас над серией пейзажей. Там есть очень удачные. Папа, ну что ты усмехаешься? Да, он не такой, как, например, ты, деловой и целеустремленный, он другой. Но я люблю его не за это. А за то, что он добрый, внимательный. Он очень хороший, папа.

Что оставалось Филиппу? Только отойти в сторону и не возражать. Не мог же он сказать своей дочери, что ее избранник, скорее всего, просто обычный приспособленец, который ухватился за под-

вернувшуюся возможность устроиться за чужой счет. Нет, такого сказать своей дочери он не мог. Тогда получалось бы, что полюбить его дочь возможно лишь только за большие деньги ее отца. В конце концов, может же быть и такое, что Филипп ошибся насчет Юрга и тот окажется совсем неплохой партией для его дочери с точки зрения не материального соответствия, это-то как раз для Филиппа было совершенно не главным, а с точки зрения любви и настоящих семейных ценностей. Но какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что он прав относительно Юрга, и что тот не принесет счастье Ани.

В последнее время они стали видеться с дочерью все реже и реже. Филипп знал, что у Ани много работы. Ее агентство завалили заказами. Ани появлялась в доме родителей лишь в редкие выходные. Приезжала обычно одна без мужа. Судя по всему, Юрг избегал встреч с Филиппом. Но он и не расстраивался, не горел желанием видеть зятя почаще. Главное, что приезжала его Ани.

Сегодня Ани преподнесла родителям приятный сюрприз – прилетела прямо перед началом рабочего дня. Филипп и Дария как раз завтракали. В небольшой, уютной гостиной пахло ароматным кофе и свежими тостами. Ани устроилась в плетеном кресле слева от матери и напротив отца.

- Ох, что-то я уже проголодалась, - с улыбкой сказала Ани, изучая стол. – О, у вас сегодня тосты и миндальные пирожные. Обожаю и то и другое.

- Ты, должно быть, по-прежнему по утрам не завтракаешь, - обеспокоилась Дария.

- Ну, мама, ты же знаешь, по утрам я только пью кофе.

- И голодной на работу, - укоризненно покачал головой Филипп.

- Да все в порядке. Потом часов в одиннадцать я завтракаю в ресторанчике неподалеку от моего офиса.

- Полагаю, что такое бывает не всегда, - сказала Дария. – Если работы много, ты и вообще забываешь поесть. Так?

- Нет, мама, не так, - мягко возразила Ани. - Я не забываю поесть, сколько бы ни было работы. Я всегда помню то, чему ты меня учила.

- Я тебя многому учила, - улыбнулась Дария. – Что именно ты имеешь в виду?

- Что я имею в виду? – Ани с аппетитом ела тост с абрикосовым джемом. – То, что нужно беречь свое здоровье. Потому как здоровье – это главное наше богатство.

Филипп и Дария одобрительно кивнули.

- Золотые слова, дочь, - сказал он.

- Я всегда надеялась на твое благоразумие. Ну, расскажи, как твои дела? – спросила Дария.

- О, все просто замечательно. Дела идут, поступают заказы – крупные и мелкие, всякие. Да, я забыла вам сказать, что скоро мы завершаем наш едва ли не самый шикарный проект. Несколько месяцев назад префектура юго-западного округа подала заявку на разработку целого архитектурного ансамбля.

- Что за ансамбль? – заинтересовался Филипп. – Что собираются строить?

- Хотят построить в комплексе театр, деловой центр, парк отдыха. Очень интересная задумка. О, мы напряглись. Все так сразу загорелись. Работали без устали до позднего вечера. Мои люди молодцы. Вы и не представляете, какие они молодцы. Проект уже почти закончен, теперь вот только надо защитить.

- Не сомневаюсь, что тебе это вполне по силам, - вновь улыб-

нулась Дария.

- Дома как? – решил коснуться неприятной темы Филипп - Что Юрг? У него-то, наверное, все без перемен?

- Папа, ты меня спрашиваешь о делах Юрга? – притворно удивилась Ани. - Он ведь работает в твоем концерне, значит, я у тебя должна спрашивать о его делах.

- Это ты зря, - пожал плечами Филипп и протянул руку к блюду с пирожными, – ты забываешь, что он работает простым художником-дизайнером, тем более, в производственном корпусе у черта на рогах, так что мы не встречаемся. Мне с ним видеться на его рабочем месте как-то не пристало, да и недосуг, и он ко мне не заходит. Полагаю, не хочет выказать среди коллег наше с ним родство.

- Филипп, ты по-прежнему несправедлив к нашему милому мальчику, - добродушно заметила Дария, обменявшись понимающими взглядами с Ани. – Что значит, работает простым художником? Это и плохо, что он все еще работает у тебя простым художником. Уже давно следовало его перевести в управляющий офис, дать хорошую должность, сделать, в конце концов, его своим помощником. Он ведь не кто-нибудь, а муж твоей дочери.

- Ну, положим, помощники у меня есть, - возразил Филипп, - причем, заметь, проверенные временем. И не раз.

- Мама, что ты, – запротестовала Ани. – Юрга все устраивает. Зачем ему должность в Управлении? Он ведь художник. Для него творчество важнее. Да и потом с этой работой у него остается время еще и для домашней мастерской, там накопилось уже порядком картин, мы даже подумываем о выставке.

- Надеюсь, эта-то выставка все-таки увидит свет, - заметил Филипп.

- И не сомневайся, папа, обязательно увидит. А я ему помогу.

- Ну, в том, что у тебя получится ему помочь, лично я не сомневаюсь.

Дария с нежной улыбкой обратилась к Ани:

– Мы так давно не виделись с тобой. Расскажи еще что-нибудь о себе.

- Да особо-то нечего рассказывать: работаю, работаю, работаю, - весело сказала Ани, принимая из рук матери еще одну чашку кофе.

- Дорогая моя, тебе надо больше отдыхать, - обеспокоилась Дария. – Часть работы поручи своим подчиненным, в крайнем случае, найми еще людей. Я смотрю, у тебя глаза усталые. Это не порядок. Так нельзя.

- И, правда, милая, прислушайся к словам матери, - поддержал жену Филипп.

- Не беспокойтесь, со мной все в порядке. Просто я не могу без работы. Не знаете, от кого это у меня?

- Со своей работой и дом родной совсем позабыла, - попенял дочери Филипп.

- Да, это так, каюсь, - сокрушенно тряхнула волосами Ани. – Но обещаю впредь бывать чаще.

Родители проводили Ани до лифта. Махнув рукой на прощанье, Ани нажала на нужный сенсор в панели управления. Дверь скрыла от родителей улыбающееся лицо дочери.

- Как ты думаешь, у нее все в порядке? – задумчиво спросил Филипп.

- Ты имеешь в виду ее отношения с Юргом?

- Конечно.

Дария пожала плечами:

- Кто знает. Она же не скажет. Но, по крайней мере, она мне не показалась встревоженной или опечаленной.

- Но и счастливой она тоже не показалась.

- Ну, знаешь, семейная жизнь – это не прогулка в парке. Всякое может быть.

- Вот именно, что всякое. Дария, ты бы с ней поговорила по-женски. Может, она тебе что-то скажет.

- Хорошо. Я как-нибудь съезжу к ним в гости. Но, сразу хочу тебя предупредить, - она предостерегающе подняла руку, - одна, без тебя. А то ты там начнешь свои замечания выдавать без остановки.

- И расстроишь дорогого зятя, - подсказал Филипп.

- Вот именно.

- Ладно, договорились, я останусь дома. Ты обязательно съезди. Только не откладывай надолго.

- Хорошо, постараюсь вырваться на будущей неделе. Ладно, мне пора.

- Тебя подбросить?

- Нет, я возьму автомобиль.

- Тогда до вечера.

- Может быть, где-нибудь поужинаем?

- Отличная мысль. Выбор за тобой.

- Договорились.

Несмотря на то, что семейная жизнь Ани, была самой болезненной для Филиппа темой, в это утро его мысли быстро ушли в другое русло. Он спешил, сегодня в концерне назначены испытания новой серии косметики для людей зрелого возраста. Относительно этой серии у него были самые радужные предчувствия. Филипп ожидал, что она сделает фурор, ведь в ее основу

положены самые современные методы ученых и годы кропотливого труда.

Глава IV. Зять Филиппа Бине

Утром, когда Ани уже вовсю трудилась в своем архитектурном агентстве, Юрг еще только просыпался. Позевывая и сладко потягиваясь в постели, он бросил взгляд на экран видеотелефона. Он задумал связаться со своим шефом, главным в творческом цеху, где трудился Юрг на благо своего родственника, всеми уважаемого и почитаемого Филиппа Бине. Когда через несколько мгновений Радде вышел на связь, Юрг слабым голосом сообщил ему о своем скверном самочувствии.

- Такая мерзкая простуда, да еще и жар. Очень тяжело. Работать сегодня не смогу, к сожалению.

- Понимаю, на улице теперь очень холодно, - ответил господин Радде, стараясь изобразить сочувствие.

- Да-да, и не говорите, - слабо отозвался Юрг.

- Не беспокойтесь, господин Юрг, ваш эскиз я передам другому художнику. Желаю вам скорейшего выздоровления.

- Спасибо. Вы очень любезны, господин Радде.

Экран погас, а Юрг довольный расплылся в улыбке.

- Как я вас, господин Филипп Бине, мой дорогой тестюшка. А? Пусть работают ваши холуи. А я буду отдыхать.

Юрг, расслабившись, лежал в теплой постели и думал о том, что даже и в этом его не совсем блестящем положении есть свои преимущества. Стал бы Радде расшаркиваться перед ним, будь он простым работником. Сколько раз Радде орал на всякого, кто решался вдруг заболеть. Он сыпал едва ли не проклятья на голову несчастного, ведь работы так много, что дизайнеры не справля-

ются с поступающими заданиями, а тут еще эти болезни. Зная вспыльчивость своего ближайшего шефа, художники старались не злоупотреблять его терпением. И только один Юрг не считался ни с характером Радде, ни с загруженностью своих коллег: он уходил «болеть» всякий раз, когда хотел, и никто, даже сам Радде, не смел сделать ему выговор.

В отсутствие Юрга, кто-то из дизайнеров, скрепя сердце, вынужден был делать работу отсутствующего зятя главы концерна, задерживаясь в офисе до позднего вечера. Иначе было нельзя, никто бы не отважился пойти к самому господину Филиппу жаловаться на его зятя. Тем более, что между ним и Юргом, по ярким рассказам последнего, царило полное взаимопонимание. Он, болтая с сослуживцами, уверял их в том, что отец его жены высоко ценит творческую жертву Юрга, решившего свои выдающиеся способности художника посвятить делу Филиппа Бине, что Филипп не один раз предлагал ему хорошую должность в управляющем офисе, но он всякий раз отказывался, потому что творчество для него превыше всего. Коллеги, за чашкой утреннего кофе слушавшие эти излияния, как один, мысленно желали, чтобы высокопоставленный родственник Юрга поскорее забрал бы уже его к себе под крыло.

В комнату, постучав, вошла горничная Лилия. Она поклонилась хозяину и спросила, может ли она принести свежее белье. Он, скользнув по ней мимолетным взглядом, невольно в который уже раз отметил, что она недурна собой. Жаль только, что она биоробот. Нет, правда, жаль.

- Принеси мне кофе и пирожные. Те, что я люблю.

- Господин Юрг, кофе вам подать в постель?

И в то же время, как же она глупа, подумал Юрг.

- Я же ясно сказал – принеси, - с раздражением сказал он. - Это значит, принести сюда. Неужели непонятно?

Лилия ушла, осторожно прикрыв за собой дверь. Он тут же забыл про нее. Его взгляд вновь потянулся к экрану видеотелефона. Его холеное лицо осветилось блаженной улыбкой. Сейчас он увидит ее, свою шалунью Виту. Ох уж эта Вита!

С самой ранней юности было ясно, что Юрг будет красавцем-мужчиной. Все говорило об этом: фигура атлета с широкими плечами, взгляд, умевший сводить женщин с ума, тон общения, свободный, раскованный, даже где-то чуть-чуть развязный. Он всегда знал, как вести себя с женщиной, что говорить, чтобы она не отталкивала, а напротив, старалась удержать, выдумывая все новые и новые шалости. Никто его этому не учил, тем более, что и учить-то было некому, мать воспитывала его одна, все это в нем было заложено с рождения. После невинных побед юности, совершая которые он не преследовал никаких серьезных целей, кроме, разве что, чувственного наслаждения, ну и где-то обучения, ведь подобный опыт, он считал, ценен для мужчины, он стал более осмотрительным и основательным в вопросах выбора партнера.

Как правило, он выбирал один «базисный» вариант, подкрепленный финансами, а другой – для души и тела, впрочем, все же больше для тела. Что ему до души. В базисном варианте он вполне мог даже допустить присутствие каких-то незначительных физических недостатков, например, маленькая грудь, что он, надо сказать, переносил с трудом, кривоватые ноги, тощее или наоборот слишком полное тело, все эти недостатки с лихвой компенсировались финансами. Но, что касается другого, телесного варианта, то здесь недостатков быть не могло. Уж за этим-то он следил строго. У его второго варианта обязательно должна быть прекрасная грудь,

как наиболее главный, решающий показатель, ну и также хорошие бедра, ноги, полное отсутствие «замороженности» недотроги или святоши. Женщина каждым своим чувственным движением, каждым пылким взглядом должна была претендовать на Юрга, она, еще не получив его, должна была уже страстно мечтать о нем, желать его. По своему богатому опыту он знал, что только такая во всех смыслах свободная женщина может доставить истинное наслаждение.

Когда несколько лет назад Юрг на вечеринке у друзей познакомился с Ани, где ее ему представили, как состоятельную, независимую женщину, он с первого взгляда безусловно отнес ее к первому варианту. На второй вариант она никак не тянула, ибо была очень хрупка во всех частях своего тела. Правда, лицо ее с живыми черными глазами и милой улыбкой ему очень понравилось. А еще Ани украшали волосы, черные, как и глаза, они тяжело падали ей на плечи. Но и всё. Не более. Но разве было Юргу мало и того, что она была богата и независима, что она дочь состоятельных родителей и наследница огромных денег? Нет, это было настоящей удачей. Такого базисного варианта у него еще не было никогда. И он схватил свою удачу за призрачное крыло. Он обихаживал свою будущую жену долго и настойчиво, он дарил ей цветы, встречал ее каждый день у ее работы. Наконец, он щедро расточал ей комплименты. Да неужели кто-то бы смог устоять перед его обаянием? Это представлялось ему маловероятным. По крайней мере, он таких женщин, к счастью, еще не встречал. Он покорил Ани и она вышла за него замуж, даже несмотря на противодействие своего отца.

И, надо сказать, поначалу все пошло неплохо. На первых порах его все устраивало и он бы не мог мечтать о чем-то больше.

Он с удовольствием отмечал, что Ани нисколько не стеснила его свободу. Целыми днями Юрг был предоставлен сам себе. Он мог делать всё, что ему вздумается: идти на работу или не ходить, изредка бросать мазки на свою картину, удобно развалившись в кресле в домашней мастерской и потягивая какое-нибудь терпкое старинное вино, или, наплевав на то и другое, он мог устроить себе разгрузку с очередным прекрасным телесным вариантом. И тогда его не бывало дома до позднего вечера. Вот уже несколько месяцев он был очарован и покорен белокурой красавицей Витой, имевшей такие роскошные формы и крайне соблазнительный силуэт, что даже у такого бывалого сердцееда, как Юрг, захватывало дух.

Юрг мог бы считать свою жизнь удачной, если бы не одно но. Это «но» пришло к нему чуть позднее, когда первоначальные дары семейства Бине уже перестали его радовать и он захотел большего. Но это заключалось в отсутствии финансовой свободы. В материальном плане он, как и в первый месяц своего супружества с Ани, был полностью зависим от нее. Нет, конечно, он имел достаточно денег для обычных повседневных трат рядового женатого мужчины. Но денег этих совершенно недостаточно, чтобы иметь роскошь быть состоятельным независимым мужчиной, тратящим деньги на что вздумается, на женщин, кутежи, путешествия. Он не мог воплотить в жизнь эту свою главную мечту, то, к чему он всегда стремился. И это порой выводило его из себя.

Вита, как и Юрг, еще не вставала с постели. Она томно улыбнулась Юргу, тот расплылся в улыбке.

- Дорогая, как ты?

- Прекрасно. Видишь, завтракаю.

- Без меня?

- Приезжай, - вкрадчиво отозвалась она.

- Уже еду, - с готовностью ответил он.

- Серьезно? А как же твоя работа? Тебя отпустят?

Юрг немного помрачнел:

- А кого мне спрашивать? Я сам себе хозяин.

- Это хорошо, что ты хозяин. Ну так я жду тебя-я…

Монитор погас. Игривое настроение Юрга наполовину улетучилось. Он встал с постели, натянул халат и отправился принимать душ.

Ненароком Вита задела самую болезненную струну в его душе. Хозяин. Нет, он здесь не хозяин. Хозяин здесь всего и вся только один – Филипп Бине, да еще дочурка его, дражайшая супруга Юрга, госпожа Ани Бине. Только они правят балом. Все остальные лишь приглашенные. Теперь Юрга все чаще охватывала злость всякий раз, когда он думал об этом, лицо вдруг каменело, в бессильной ярости он стискивал зубы и кулаки. В такие мгновения он страдал от тщетности своего горячего желания выместить на них ненависть и обиду, смешать их с землей, нет, лучше вообще смести их с лица земли. Порой, он и сам пугался охватывающей его ярости. Он понимал, что легко бы смог покончить со всем ненавистным семейством Бине в полном составе, стоящим на пути к его свободе и богатству.

Но он по-прежнему во всем был зависим от жены, и потому в ее присутствии ему приходилось контролировать свои эмоции, держать себя в узде, чтобы ярость, сжигавшая всё внутри, не вырвалась бы на волю, подобно лаве проснувшегося вулкана. Он играл одну и ту же роль, которая за эти годы надоела ему до тошноты. Это была роль любящего мужа, заботливого друга. Поскольку Юрг вставал поздно, то свою роль он разыгрывал по

вечерам, когда Ани возвращалась домой из архитектурного агентства. Непринужденно улыбаясь, он встречал ее, как только она входила в дом. Затем надо было заглянуть в ее усталые глаза, нежно поцеловать ее и спросить, как она сегодня себя чувствует, всё ли в порядке, как прошел день. Пропуская мимо ушей ненужные ему подробности, рассказываемые Ани горячо и с полной уверенностью, что Юргу они просто необходимы, он скучал, думая о своем, но по-прежнему изображая интерес к тому, что говорит Ани. После этого он должен был рассказать о своем дне, что делал, где был, с кем говорил. И не то чтобы жена не доверяла ему, нет, просто в этом семействе, как он понимал, было так принято, допрашивать друг друга, одним словом, лезть в душу. Но что же делать? Он играет на их поле, и значит, играть он должен по их правилам. Приходилось отчитываться, изображать радость, даже восторг от работы в концерне дорогого папы, от жизни, от дома, от всего, что ему подарило семейство Бине, великодушно принявшего его в свой. Конечно, они же его облагодетельствовали, не будь их, он бы уже умер с голода и холода.

Если бы она могла знать, как ненавидел он ее всю от пяток до этих пушистых волос, которые она носила с особой гордостью, как признак породы. Любая мелочь – брошенное слово, улыбка или небрежный жест - могла легко привести его в ярость. Всё, абсолютно всё раздражало его в ней. И чем больше проходило времени, тем всё сильнее он убеждался в том, что взятая роль ему уже не по силам. Он устал играть, ему хотелось быть собой, говорить, что захочется, любить, кого захочется, делать то, что хочет он, а не другие. Ему хотелось быть хозяином этих прекрасных апартаментов, или других, равных им; устроиться вечером на диване с бутылкой хорошего вина, и пить, пить, пить, ни о чем не думая, и никого из

себя не изображая; или закатить в огромной гостиной с ее чопорностью и респектабельностью настоящую оргию с роскошными девочками и вином. И чтобы ни один предмет, ни одна мелочь не напоминали бы ему это ненавистное имя – Бине. Но он был беден так же, как тогда, когда он переступил порог ее дома. Ничто материальное, а значит, наиболее ценное, не принадлежало ему в ее мире.

Горячий душ понемногу вернул ему подпорченное неудачной фразой настроение. Воодушевление от встречи с прекрасной женщиной вновь возвращалось. Так бывало всегда, когда у него появлялась новая женщина. Потом со временем восторг пройдет, ему наскучит и это, уже изученное тело, и захочется чего-то нового. Его пресытившийся взгляд вновь будет блуждать в поисках чарующего силуэта, пока не отыщет его. Но это потом. А пока он без ума от Виты, сейчас она одаривает его прекрасными земными радостями.

- Я ухожу, - отрывисто бросил горничной Лилии, ожидая в холле кабину лифта.

- Доброго пути вам, господин Юрг.

Голос горничной был приветливым и милым, но Юрг не удостоил ее взглядом, он спешил на приятное свидание.

Некоторое время спустя, Юрг и Вита уже лежали в постели, укрытые легким покрывалом. Вита припала к его плечу. На постели перед ними столик, на нем блюдо с клубникой и бокалы с шампанским. Ягода была превосходна, а, может быть, его прекрасное настроение придало клубнике особый сладкий вкус.

- Ты так редко бываешь у меня, - притворно надув губки, сказала Вита. - Хочу видеть тебя чаще.

- Но я же женатый мужчина. Ты забыла?

Вита положила руку ему на грудь, ее палец нежно заскользил по его коже.

- Знаешь, я ревную тебя.

- К кому? – спросил Юрг, щурясь от удовольствия.

- К твоей жене, конечно.

- Глупышка. Нашла к кому ревновать.

- А она и, правда, такая богачка, твоя жена? – в голосе Виты звучал живейший интерес.

- О да, она настоящая богачка. И папа у нее богач, владелец концерна косметики, и мама, хозяйка модного журнала. И все они богачи.

- Повезло тебе, - вздохнула Вита.

Юрг зло усмехнулся:

- Мне? Это ей повезло. Деньги-то ее.

- А вот, если вдруг с ней что-то случится, то кому всё достанется?

- Кому? Мне, конечно. Я же ее законный муж. Только что с ней станется? Она еще молодая.

- Эх, жаль! Была бы старая, капец и все. А так…

Губы Юрга скривились в злой усмешке, ярость просыпалась в нем с новой силой. Но он, как обычно, не дал ей развернуться, подавил ее, затолкнул глубоко внутрь На этот раз потому, что он был с желанной женщиной, будившей в нем самое горячее желание. Он привлек Виту к себе и сжал ее в объятиях.

День в приятных для них с Витой занятиях пролетел незаметно. Наступали сумерки. Надо было возвращаться домой. Он тянул время, сколько было возможно. Но откладывать уже больше было нельзя, скоро явится Ани, и если она его не найдет дома, придется с ней объясняться, придумывать, разыгрывать новые диалоги

в своей роли, а ему этого не хотелось, он и так с большим усилием оставался в рамках придуманного им спектакля. Поэтому уж лучше вернуться до ее прихода.

Вита захотела его проводить. Она накинула легкий плащ поверх тонкого пеньюара, одетого прямо на обнаженное тело. Из шкафа она взяла широкий пояс, и, запахнув плащ, перетянула им тонкую талию. Юрг пристально наблюдал за ней, ощущая сначала легкое волнение, но уже через миг горячие волны охватили его всего. Он, словно гипнотизируя ее взглядом, медленно приблизился к ней, одну руку протянул к этой досадной преграде поясу, другой привлек ее к себе. В прихожей на полу остались плащ и пеньюар, брошенные поспешно и нетерпеливо.

Уже потом, летя в мобиле над ночным городом, он, ощущая новое желание, еще более горячее и страстное, с восторгом вспоминал этот последний аккорд их сегодняшнего любовного свидания. И то, что он был неожиданным, почти случайным, придавало ему еще больше остроты. Ничего, впереди их ждет еще немало таких волнующих мгновений, успокаивал он себя.

По мере приближения к дому, настроение его менялось, становилось, все более мрачным. Он, чувствуя раздражение и новый приступ ярости, вошел в кабину лифта. Ани дома еще не было, но она появилась буквально через несколько минут.

Вечером он не находил себе места, ярость, кипевшая в нем, готова была пролиться огненной лавой в любой миг. Но чтобы дать ей выйти наружу, нужен повод, а его не было. Ани, как обычно, была весела и предупредительна. Сидя напротив Юрга в гостиной за столом, обильно накрытым к ужину, она обеспокоилась бледным видом супруга и трогательно спросила, не болен ли он. Он буркнул в ответ, что здоров. Горничная была сама вежливость, новые блюда

и перемены тарелок появлялись, будто из воздуха. Придраться было не к чему.

- Юрг, что с тобой сегодня такое? - Ани в ожидании ответа с тревогой смотрела на него.

- Ничего, всё прекрасно, – отозвался Юрг, пряча взгляд.

- Я тебя хорошо знаю, ты такой всегда, когда что-то не ладится. На работе что-нибудь не так?

И вот при этих словах ярость с новой силой захлестнула Юрга. Сдерживаться он уже не мог. Он с размаху бросил на стол вилку и нож, они разлетелись в разные стороны, оставляя на кружевной салфетке масляные следы. Ани смотрела на него с ужасом и недоумением, до сих пор ей еще ни разу не доводилось видеть его таким.

- Ты что, издеваешься? – сквозь сжатые зубы процедил он. - И это ты называешь работой? Это что угодно, только не работа. Уверяю тебя!

Меж супругов наступило тягостное молчание. Юрг, выплеснув гнев, чуть успокоился, он даже уже начинал жалеть об этом. Ему было досадно, что он пусть и на краткий миг открыл свое лицо, показал чувства и подпустил к ним ее. Нет, не стоило так откровенно говорить, надо было продолжать притворяться, ни к чему ей знать о его истинных мыслях и чувствах. Ни к чему.

Ани же медленно приходила в себя, пережив состояние, близкое к шоку, сравнимое с тем, которое переживает человек, встретившись с каким-нибудь страшным и грозным зверем. Она обожглась об его взгляд, пылающий неистовостью и негодованием, если не сказать, ненавистью. Должно быть, она изо всех сил старалась найти объяснение его поведению. И, судя по всему, вскоре она его нашла.

Ани подошла к Юргу, обхватила его голову руками, нежно прижала к груди.

- Дорогой, прости меня, пожалуйста.

Он сцепил зубы, чтобы не разозлиться и не оттолкнуть ее.

- Я такая глупая. Со своими делами я ничего не вижу и не замечаю. Прости, пожалуйста. Конечно, это не работа для тебя, тебя такого талантливого, способного, одаренного, настоящего художника. Тебе вообще не следовало идти в концерн на работу. Там же рутина, одна сплошная рутина. Знаешь, давай устроим выставку твоих картин. Ты уйдешь из концерна, и будешь работать над своими картинами. Потом мы снимем какую-нибудь галерею в любом государстве, в каком захочешь, там мы выставим твои картины. И ты станешь знаменитым. Хочешь? Ну, скажи хоть слово, я тебя умоляю.

- Спасибо, милая.

Юрг еле выдавливал из себя эти слова, а на его окаменевшее лицо через усилие протиснулась вымученная улыбка. Но вскоре он справился с собой, он строго напомнил себе, что надо играть, и в следующий момент в его голосе ей вдруг послышалась почти искренняя благодарность.

– Ани, ты чудесная и лучшая в мире женщина… Ты всегда меня понимала… Прости меня, ради всего святого, за эту дурацкую выходку… Простишь?.. Я не знаю, что на меня нашло…

- Нет, это ты меня прости. Мне следовало раньше все это понять. Простишь?

Они рассмеялись. Юрг обнял Ани. Так обнявшись, они и поднялись к себе. Но потом, позже, лежа без сна, Юрг вновь и вновь прокручивал состоявшийся разговор и произошедшее вслед за ним событие. И снова он не чувствовал ничего кроме раздражения. Глу-

хая ярость шевелилась внутри. Глупости, зачем ему сдалась эта выставка? А он-то думал, что Ани предложит ему стать, если не владельцем, то хотя бы совладельцем ее агентства, но она даже и не обмолвилась об этом.

Глава V. Заседание всемирного научного совета

Всемирный научный совет должен был пройти в конце недели. Видеозаседание носило экстренный характер. И все, кто не были знакомы с повесткой заседания в деталях, с тревогой гадали о причинах такой поспешности. Многие, кто знал доктора Павла Борея, значившегося докладчиком, не только как ученого с мировым именем, но и как руководителя программы по исследованию Солнца, связывали этот факт с резким изменением погодных условий и ожидали худшего.

Правителя Средиземноморья Юта Кале о дате заседания прибыл известить секретарь научного совета, молодой человек с идеальным пробором в гладких волосах и непроницаемым лицом. Он появился в приемной господина Кале в начале дня и попросил о личной встрече.

Мадам Жанна, секретарь Юта Кале, немного обескураженная передала правителю Средиземноморья просьбу своего коллеги из научного совета.

- Заседание всемирного научного совета? – переспросил Кале. – При чем же здесь я?

Мадам Жанна пожала плечами.

- Молодой человек говорит, что это очень важно.

- Ну что же, пусть зайдет. Важно, значит, важно.

Секретарь научного совета вошел в кабинет Юта Кале, держа в руке пригласительный билет. После короткого приветствия он

сразу же вручил его Кале. Тот принял билет и пригласил посетителя присесть.

- Мой секретарь сказала, что у вас что-то срочное.

Посетитель важно качнул головой. Должно быть, он был очень горд выпавшей на его долю миссией. Кале едва сдерживал улыбку.

- Я должен вас уведомить, господин Кале, что видеозаседание всемирного научного совета посвящено важнейшей проблеме – проблеме исследования Солнца.

- Но я ведь не ученый.

- Да, но на заседание приглашены не только ученые.

Кале вопросительно смотрел на посланца научного совета.

- Комитет научного совета решил пригласить на это заседание правителей всех ведущих мировых держав.

Благодушное настроение Кале, вызванное визитом необычного гостя, как рукой сняло. Он насторожился, предполагая нехорошее.

- Что так все серьезно? – спросил он.

Секретарь пожал плечами.

- Полагаю, что это станет известно в ходе заседания. Я не уполномочен говорить об этом. Извините, господин Кале.

Посланник научного совета ушел, а Кале остался в задумчивости. Он понял, что раз приглашают политиков принять участие в заседании всемирного научного совета, всегда бывшего делом лишь узкого круга служителей науки, значит хорошего ждать не стоит. Хотя с другой стороны, быть может, ученые решили рассказать всему миру о хартии исследователей Солнца, потому что, наконец-то, они нашли замену светилу.

Ученым, жившим века назад, стало известно о процессах, происходящих в чреве Солнца. Научные выводы того времени были

ошеломляющими. Они могли лишить сна любого обитателя Земли, будь даже у него трижды крепкая и устойчивая нервная система. Во имя сохранения стабильности и была создана хартия, которая имела своеобразный устав молчания. Нарушать его запрещалось под страхом смерти. Поводом для введения устрашающих правил стало остывание Солнца. Правда, поначалу уменьшение температуры в огненном чреве светила было ничтожным. Но ученые считали, что начавшийся процесс не остановится, он будет прогрессировать и усугубляться. Правительства всех стран не могли позволить распространиться панике среди жителей планеты, и потому они запретили разглашение сего неприятного научного открытия. Было решено открыть истину в тот день, когда ученым удастся найти альтернативный остывающему светилу источник света и тепла.

Об этом не раз в высших кругах блуждали обрывочные и несколько разноречивые сведения, которые обсуждались скупо и неохотно. Как человек, ценящий собственное спокойствие, когда-то Ют Кале и сам избегал говорить об этом. Должно быть, им всем казалось тогда, что все это если не выдумки, то явные преувеличения ученых мужей. По крайней мере, нынешних жителей сия катастрофа коснуться не может. Не должна. И в самом деле, сколько было людей на планете до них, переживавших разные кризисы и природные катаклизмы. Все ведь как-то обходилось. Конечно, были жертвы, не без этого, но планета оставалась цела и невредима. Сколько раз, как гласит история, ученые предсказывали то столкновение с кометой, то с гигантским метеоритом, то еще бог знает с чем. И что же? Ничего такого не случилось. Ученые того времени ошиблись в своих прогнозах. Так с чего же они должны верить тому, что говорят современные ученые?

В кабинете вновь появилась госпожа Жанна. Она выглядела немного смущенной.

- Господин Кале, пришла мадам Лидия.

- А вы скажите, что я занят, – невозмутимо отозвался он.

- Она сказала, что не уйдет пока не поговорит с вами.

Кале обреченно вздохнул:

- Иного я и не ожидал от мадам Лидии. Что же пригласите ее.

Внешне он выглядел спокойным, но внутри у него зрело раздражение. Несколько лет назад он разорвал с женой все отношения. Причиной их разрыва стало довольно свободное поведение Лидии. Она забыла о том, что является замужней женщиной, да еще и первой леди Средиземноморья, и завела роман на стороне. Простить и понять такое Ют Кале не мог. С тех пор Лидия перестала быть его женой и была вынуждена создавать свою жизнь заново. Он не хотел ничего знать о ней, но Лидия время от времени напоминала о себе своими визитами. Похоже, она не оставляла надежд вернуть себе утраченные позиции супруги правителя Средиземноморья.

Лидия вошла в кабинет, не сняв пальто. Она опустилась в кресло у стола и подняла глаза. Впервые он видел в этих глазах усталость и разочарование.

Несколько секунд бывшие супруги молча смотрели друг на друга. Кале ждал, когда же Лидия начнет оглашать список своих проблем и просьб. Именно с этого, как правило, всегда начинались эти встречи. Но сегодня Лидия молчала. Он не выдержал и раскрыл рот первым.

- Ты что больна?

- С чего ты взял?

Она досадливо поморщилась и продолжила:

- Это так заметно?

- Что? – не понял Кале.

- Ну что я больна, - чуть раздраженно пояснила она.

- Нет, просто я обратил внимание, что ты в пальто, подумал, может, ты простудилась. А что с тобой?

Лидия немного помолчала, будто размышляя, говорить или нет.

- Я немного приболела, - сказала она, пряча взгляд. - Но ничего серьезного. Ты прав, это простуда. Это всего лишь простуда.

Кале недоверчиво смотрела на нее. Он решительно не узнавал в сидящей у его стола даме свою жену. У той, что была когда-то его женой, настроение менялось чаще, чем декорации в театре. Ей были присущи разные эмоции и проявления характера, свойственные женщине, знающей себе цену и пользующейся неизменным успехом у мужчин, но он не припомнил, чтобы хотя бы раз задумчивость и растерянность коснулись бы ее лица.

- У тебя какие-то проблемы? – спросил Ют Кале.

Она вновь ненадолго задумалась, словно подбирая нужные слова.

- Проблемы? Да, наверное. Теперь ведь у всех проблемы. Говорят, что будет еще холоднее. Ты не знаешь, почему это? Что-то серьезное?

Правитель Средиземноморья во все глаза смотрел на Лидию, он решительно не узнавал ее. Еще в последнюю их встречу Лидию волновал ее не должным образом устроенный быт и скромный размер денежного содержания, что он все-таки решил назначить ей. В тот раз он с трудом сдержался, чтобы не наговорить ей грубостей. Но сегодня перед ним был кто-то другой, но не его бывшая супруга.

- Лидия, что случилось с тобой? Ты в порядке? – обеспокоился

он.

- Я? Да, не волнуйся. Все хорошо.

- Ты сама на себя не похожа.

Лидия грустно улыбнулась:

- Наверное, дальше я буду еще больше не похожа сама на себя, - загадочно сказала она.

- В каком смысле?

- Да я это так образно. Не бери в голову. Я, пожалуй, пойду.

Лидия поднялась. Кале тоже встал из-за стола.

- Погоди, не уходи, - решительно сказал он. – Мне не нравится твое настроение. Давай выкладывай, что с тобой приключилось, - Лидия протестующе подняла руку. – Давай-давай, я тебя слушаю.

Она вновь нерешительно опустилась в кресло. Вдруг она прижала руки к лицу и расплакалась.

- Ну-ну, Лидия, не плачь, - попытался успокоить ее Кале. – Что ты, горе не беда.

- И горе и беда, - сквозь слезы произнесла она. – Я больна. Я смертельно больна.

Кале изменился в лице.

- Что? Что ты такое говоришь?

- Да, это правда, - сказала Лидия уже чуть спокойнее.

- Но в прошлый раз ты…

- Тогда я еще не знала.

Наступило молчание.

- Чем ты больна? – спросил Кале.

Лидия печально улыбнулась.

- Неважно.

- Как же неважно? Надо лечить тебя. Я помогу тебе, найду врачей.

- Нет, не надо.

- Почему? – настаивал Кале.

- Это моя кара.

- О чем ты? Какая кара?

- Болезнь – моя кара. Это меня Бог наказал.

- За что? – удивился Кале.

- За что? За то, что я изменила, нет, не так, за то, что изменяла тебе. Несколько раз я изменяла тебе.

Кале отвел взгляд, а Лидия продолжала говорить.

- Ты был так далек от меня, весь в работе, а мне так хотелось внимания, мне хотелось любви. Я ведь здоровая нормальная женщина. Но, видишь, я ошибалась. Я заблуждалась. И мне теперь очень горько и стыдно. Я виновата перед тобой. Прости, если можешь. Пожалуйста, прости.

- И все же я не понимаю, при чем тут это.

- При чем? А притом, что у меня, как говорят, плохая болезнь, - Лидия опустила взгляд, но тут же вновь устремила его на Кале. – Меня заразил этот человек, который…

- Понимаю, - тихо произнес Кале.

Кале был растерян, он никогда бы не подумал, что увидит Лидию в таком состоянии. Ему было ее жаль. Он, когда-то испытывавший к ней искреннее чувство, несмотря на ее измену, желал бы ей лучшей судьбы.

- Господин Кале, у мадам Лидии все в порядке? – спросила мадам Жанна, которая принесла ему кофе после ухода его бывшей жены.

- Она не совсем здорова, - нехотя ответил Кале.

- Надеюсь, ничего серьезного?

- С ней все будет в порядке. Уверен в этом.

Образ Лидии маячил перед ним весь день. Кале не мог заставить себя думать о делах. А между тем ему надо было провести несколько встреч и подготовиться к предстоящему видеозаседанию. Мысли о ее судьбе не покидали его весь день и только ближе к вечеру ему кое-как удалось сконцентрироваться на теме заседания всемирного научного совета.

- Господин Кале, зал С подготовлен к завтрашней видеоконференции, - сообщила мадам Жанна в конце дня.

Кале кивнул головой, не отрывая взгляда от монитора, где отображались графики и картинки Солнца.

- Хорошо. Спасибо.

- Я не уточнила у вас, господина Дореля надо также пригласить?

- Да, непременно. Мне будет легче пережить это глобальное научное мероприятие, если рядом будет мой помощник.

Мадам Жанна улыбнулась.

- Я сообщу господину Дорелю сейчас же.

Личный помощник Юта Кале, бывший военный Артур Дорель, который уже много лет состоял у него на службе, был человеком, в ком правитель Средиземноморья был полностью уверен. Он знал, что Артур его не подведет. Все в этом человеке, весь его внешний вид – крепкое, почти атлетическое телосложение, высокий рост, военная выправка, наконец, открытый прямой взгляд, – все говорило о надежности, непоколебимости взглядов. Кале был уверен, что люди, подобные Дорелю, неспособны предать или подвести, они всегда в трудную минуту придут на помощь, протянут руку. И надо сказать, за долгие годы работы Дорель ни разу не разочаровал Юта Кале, не доставил ему неприятных минут. Он всегда был на высоте, что бы ни случилось.

Видеозаседание всемирного научного совета началось ровно по расписанию. Ют Кале и Артур Дорель расположились за круглым столом. Личный секретарь по обыкновению приготовил электронный блокнот. Монитор в зале С включился в назначенный час. Лица ученых, присутствовавших на заседании в резиденции публичных мероприятий академии наук, были строгими и важными. У главного монитора занял свое место докладчик Павел Борей, известный во всем мире астрофизик. Ряд видеоэкранов чуть в стороне от него отражали лица правителей всех стран планеты с сосредоточенными внимательными взглядами. Кале увидел и собственное изображение.

Председательствующий, выдержав протокол, сразу же передал слово доктору Борею. Тот окинул аудиторию спокойным взглядом и заговорил ровным голосом. В зале повисла мертвая тишина.

- Господа, многим из вас известно, что несколько лет шла кропотливая работа в рамках программы «Светило». Ведущие ученые многих стран с помощью самой совершенной космической техники и передовых технологий проводили исследования Солнца и околосолнечного пространства. Все измерения были нами проверены не по одному разу. И сегодня я, как руководитель программы, должен ознакомить вас с результатами этой работы.

Доктор Борей сделал паузу. Было ясно, что ему приходится делать над собой усилие. Значит, если бы новости были хорошие, усилий бы не потребовалось, решил Ют Кале. Он вдруг почувствовал, как тревожно заколотилось сердце в его груди.

- Господа, новости для вас будут неутешительными. Нами получены неоспоримые подтверждения того, что Солнце переходит в стадию белого карлика. Теперь это, к сожалению, научный факт.

Кале и Дорель переглянулись. Ученые обескуражено молчали.

- К великому сожалению, это так. Солнце расширяется. Согласно расчетам, взрыв произойдет тогда, когда верхние слои сферы звезды достигнут места нынешнего расположения орбиты Земли. Вслед за этим Солнце превратится в белый карлик. Естественно, все планеты изменят свои орбиты. А некоторые могут и вовсе потерять их. Надвигается катастрофа, господа.

Ученые зашевелились, стали переговариваться друг с другом. И вслед за этим почти сразу же началась полемика с докладчиком.

- Господин Борей, вы полностью уверены в полученных результатах?

- На сто процентов. Как я уже сказал, данные анализировались не по одному разу в полном массиве.

- Извините, но место ошибке есть всегда, - сказал ученый с окладистой бородой.

- Правильно! - поддержал его кто-то из коллег.

Борей покачал головой:

- Только не в этом случае.

Перебивая друг друга, горячась и споря, ученые развернули жаркую дискуссию, они принялись обсуждать детали этого выдающегося явления. Научная аудитория пыталась втянуть в спор и докладчика, доктора Борея, но тот не поддавался эмоциям, он спокойно отвечал на каверзные вопросы своих оппонентов.

Ют Кале наблюдал все происходящее и думал о том, что все-таки недаром он с опаской встретил сообщение о проведении заседания всемирного научного совета с участием глав стран Земли. Как он и ожидал, хороших новостей это никому не принесло. Напротив, сегодня им сообщили самую трагическую новость всех времен и народов - о том, что их родная планета

должна умереть. Это настоящее ни с чем несравнимое бедствие, с которым нельзя было справиться ни одним из известных науке способов. Наверное, поэтому ученые, чувствуя в душе растерянность, тратят время на обсуждение, в общем-то, бесполезных вещей. Что им теперь делать, не знает никто. Похоже, что наука уже сказала свое последнее слово, теперь настало время политиков. И Ют Кале приложил ладонь к панели выступающих. Председательствующий попросил у аудитории внимания и представил первого среди выступающих правителей – главу Средиземноморья господина Кале. Все взгляды обратились к нему. Наступила тишина.

- Господа, доктор Борей принес всем нам действительно страшное известие. Исследования шли очень долго. Не думаю, что правильно подвергать их сомнениям. Возможно, мы потеряли время, пока велись эти исследования, ведь мы не готовились к худшему, мы надеялись, что все обойдется. И вот теперь, когда мы точно знаем, что худшего нам все-таки не избежать, нужно, не мешкая, приступить к главному. Пользуясь случаем, мы должны наметить основные шаги по спасению людей. Забота о людях – это главная наша задача.

- Что вы предлагаете? – спросил кто-то из научной аудитории.

- Что я предлагаю? – Ют Кале тяжело вздохнул. – Я предлагаю оставить в стороне научную дискуссию и обсудить практическую сторону проблемы. Я имею в виду проблему выживания людей. Нужно начать повсеместное строительство социальных пунктов с запасами продовольствия, воды и топлива.

При этих словах в зале вновь поднялся шум. Послышались возгласы.

- Что вы, какого выживания?

- Да о чем вы говорите?.. О каком выживании можно вести речь!..

- Эвакуация и еще раз эвакуация!..

- Эвакуация это хорошо, - согласился Ют Кале. - Особенно при таких обстоятельствах. Но, помилуйте, мы не сможем эвакуировать все население Земли.

- Все население!.. Вы шутите!.. .

- Господа, я полностью согласен с господином Кале, - вступил в дискуссию правитель Итании, господин Миери, - в настоящих условиях нам надо обсудить, как мы будем существовать. Надо выработать систему действий, своего рода программу.

- Доктор Борей, хотелось бы услышать ваше мнение, - обратился к ученому Ют Кале. – Вы долгое время изучали тему. Можете вы нам что-то предложить?

- Вообще-то я здесь, чтобы ознакомить вас с результатами исследований. Это официально.

- А неофициально, – настаивал Кале.

- Хотите знать мое мнение? Что ж, скажу вам. Шансов на спасение практически нет.

- Практически? – уточнил господин Миери.

- Только, если подыскать себе для жизни другую планету. Но, как вы понимаете, это вариант не для всех.

- В сложившихся обстоятельствах мы не можем рассматривать вопрос эвакуации с Земли всего населения, - заметил правитель федерации северных стран, господин Лязус, меланхоличный человек среднего возраста. – Для этого требуется много технических ресурсов и времени. Единственное, о чем мы должны и имеем возможность позаботиться, это спасение определенного контингента людей.

- А всех спасать и не нужно! – выкрикнул кто-то из ученых.

- Понятно, спасения достойны только избранные, - усмехнулся доктор Борей. – А по какому же принципу предлагаете вести отбор? – спросил он главу федерации северных стран.

- По принципу полезности, - ответил тот.

- Но позвольте, - возразил Ют Кале, - а что прикажете делать остальным?

- Извините, но всех не обогреешь, - невозмутимо парировал господин Лязус.

В зале вновь поднялся шум. Слова попросил ученый с окладистой бородой, тот, что толковал о возможной ошибке в исследованиях Солнца.

- Я хочу внести запись в протокол, - сказал ученый. - Предлагаю поддержать предложение господина Лязуса, собрать объединенный научный совет, в спешном порядке создать проекты и начать строительство космических кораблей.

Выступление ученого коллеги встретили одобрительными возгласами. Господин Миери осуждающе качал головой.

- И сделать это как можно быстрее!

- Списки надо составить!

- Срочно!

- Пока здесь все не взлетело к чертям собачьим!

- Точно!

Доктор Борей с явным неодобрением слушал своих коллег.

- Господа, это неправильно. Я полностью поддерживаю господина Кале. Эвакуация эвакуацией, но надо думать и об остальных.

Ученые встретили слова доктора Борея громкими возгласами.

- Да нам-то что до остальных?

- Правильно!

- Пусть живут, как хотят!

- Если смогут!

- Господа, как же вам не стыдно! - попытался устыдить научную аудиторию господин Миери, но его слова потонули во всеобщем шуме.

Председательствующий поставил предложение ученого с окладистой бородой на голосование. Оно было поддержано подавляющим большинством голосов не только ученых, но и правителей стран. Против были только трое участников видеозасе-дания всемирного научного совета: доктор Борей, господин Миери и Ют Кале.

Глава VI. Возрожденные надежды

Ани вернулась домой совсем поздно, когда каменный мегаполис уже поглотила феерия света, оттесняя куда-то к морю мрак надвигающейся холодной ночи. Сегодня она чувствовала себя особенно уставшей, и немудрено, ведь почти весь день до рези в глазах они просматривали эскиз за эскизом нового проекта, как и в бытность архитектурного бюро господина Селистера, споря до хрипоты.

Нечего и удивляться, что Ани Бине завела у себя в агентстве те же порядки. Ей по душе было равноправие и партнерство, возможность прямо высказать свое мнение, будь это даже самый младший в штате помощник архитектора. Ведь верное суждение может возникнуть у любого человека, и глупо не прислушаться к истине. Сегодня был именно такой день. Ани вспоминала своих горячих спорщиков, стремившихся только к одному – выполнить как можно лучше свою работу, и теплая улыбка тронула ее губы.

Вновь наступали тяжелые времена. Через пару недель ей в очередной раз придется предстать перед правительством Средиземноморья, чтобы защитить новый проект своего архитектурного агентства. На строгий суд министров она вынесет проект застройки юго-западного округа: оперного театра, который станет главным в этом округе, и парка вокруг него с фонтанами, скульптурами, игровыми площадками, парковочными стоянками для мобиле. Волновалась ли она при мысли, что вновь окажется в роли

человека, проходящего испытание? Конечно, да. Но сейчас значительно менее того, первого раза. Тем более что многие из тех, кто будет принимать ее проект, теперь при встрече уважительно приветствуют ее крепким рукопожатием, как делового полноправного партнера.

Ани благополучно приземлилась, устало выбралась из мобиле, и, взяв из кабины сумку, направилась к лифту.

У дверей ее встретила Лилия, приняла пальто, спросила, не замерзла ли она. С подносом в руках в столовую прошла Роза, другая их горничная. Раздались звуки расставляемой посуды, тонко звякнули бокалы, вилки и ножи. Ани привычно ловила знакомые звуки, которые всегда встречали ее по приходу домой. Скоро ужин. Ах, как она сегодня проголодалась.

Она вошла в столовую, холодные блюда были уже на столе, теперь голод ощущался еще острее, она взяла ломтик мяса и маслину.

- М-м… Вкусно!.. Лилия, а где господин Юрг? – из столовой спросила Ани горничную, которая на кухне раскладывала десерт. – Что-то я его не вижу. Он, должно быть, заснул.

- По-моему, он наверху, у себя, - отозвалась горничная.

Она поднялась к нему, чтобы узнать, какое у него настроение. Ее еще беспокоила эта вспышка гнева, которую ей так хотелось бы назвать беспричинной и вздорной. Она неслышно отворила дверь. В комнате звучала тихая, спокойная музыка. Юрга нигде не было. Она решила, что он, должно быть, в мастерской, и уже хотела уйти, как почувствовала, как чьи-то руки мягко обняли ее за плечи. Она, чуть вздрогнув от неожиданности, обернулась. Это был он. Он засмеялся ее страху, и сказал, что решил устроить ей сюрприз, как когда-то давно, когда они только-только узнали друг друга. Ани

была приятно удивлена, уже давно она не видела его таким веселым и естественным, таким, как раньше. Нечего и говорить, с какой радостью она включилась в эту игру. Его руки все настойчивее влекли ее, они становились нетерпеливыми и властными. Ох, как давно она не ощущала на своем теле их притягательную силу. Они даже не подумали о том, что дверь так и осталась незапертой. Она еще шептала ему об этом, но он будто и не слышал, вскоре и она забыла об этом, как обычно в такие мгновения, она забыла обо всем.

Она почувствовала себя совершенно счастливой. Наконец-то он все понял, они снова ладят. Чего же еще желать? Только продолжения этих чудесных мгновений, что он подарил ей сегодня.

Беззаботно смеясь, они спустились к ужину. Весь вечер она был внимателен к ней. Разговор не умолкал ни на минуту, словно они не виделись долго-долго, и вот, наконец, встретились. Юрг предложил взять вино и подняться в спальню. Ани сияла от восторга. Она уже и не чаяла его увидеть прежним. И снова он был нежен с нею. А потом до поздней ночи они пили вино и болтали, громко смеясь.

- Знаешь, дорогая, я серьезно обдумал твое предложение вплотную заняться выставками. Это действительно хорошая мысль. И я решил устроить несколько выставок одну за другой.

Ани прямо засветилась от радости. Какой же выдался у них чудесный день.

- Юрг, я так счастлива, что ты решился на это! Ты и представить себе не можешь! – воскликнула она.

- Да, ты же твердишь мне об этом уже столько времени, а я все откладываю и откладываю. Мне бы тебя следовало уже давным-давно послушать, а я делал по-своему. Это неправильно. Теперь я

это понимаю.

- Я очень рада это слышать. Правда. Послушай, а работ у тебя достаточно?

- Думаю, что немного не хватит. Но только самую малость. Я хочу создать новую серию картин. Возьму отпуск в концерне и поднажму, чтобы нам поскорее устроить первую выставку. Сколько уже можно откладывать? Пора действовать, хватит медлить. А потом я увольняюсь и сажусь плотно на работу. Как тебе такой план, дорогая?

- Замечательный план! Превосходный! Наконец-то ты решился всерьез взяться за творчество. Уверена, у тебя все получится.

- Я тоже в этом нисколько не сомневаюсь.

Она подошла к нему, обняла и нежно поцеловала.

- Ты сказал, новую серию картин. О чем они? На какую тему?

- О, тема замечательная – горные пейзажи. Думаю, должно удачно получиться. Ведь в горах такая удивительная красота.

- Да-да, точно, - поддержала Юрга Ани. – И ты отправишься в горы?

- Придется отправиться.

- А когда?

- Да, наверное, уже на выходных. А что откладывать, раз решил? Ты согласишься составить мне компанию?

- Конечно, - обрадовалась Ани.

О таком она не могла даже и мечтать. После длительного охлаждения и семейных неурядиц они попытаются восстановить свои отношения. Вдвоем в горах наедине с природой им легче будет обрести взаимную гармонию. Ани радовалась от души выпавшему шансу.

- Спасибо, дорогая, одному там мне было бы так одиноко, - с

улыбкой заметил он.

- Надо потеплее одеться, - сказала она, - стоит такая холодная погода.

- Кстати, ты не знаешь, почему так холодно стало?

- Говорят какой-то циклон или антициклон накрыл нас.

- Интересно, это надолго?

- Меня и саму это беспокоит.

- Ну-ну, не печалься, дорогая. Скоро все наладится.

- Все? – с улыбкой спросила она.

- Абсолютно все, - уверенно ответил Юрг. – И мы заживем лучше прежнего.

На другой день Ани встала пораньше. Она выскользнула из комнаты Юрга, неизвестно почему стараясь остаться незамеченной горничными. Ей стало смешно, что она таится в собственном доме. Они давно не поддерживали отношений с Юргом и, возможно, поэтому ее нахождение там воспринималось ею самой, как что-то едва ли не предосудительное.

Она пребывала в отличном настроении. Ее сердце в последнее время печалилось по поводу своей неудавшейся, как она считала, семейной жизни. И вот, наконец-то, Юрг понял и оценил ее терпеливое ожидание. Теперь их семейная жизнь должна наладиться.

Когда-то давно он покорил ее своей привлекательностью, нежностью, заботой. Он не давал ей прохода. По вечерам поджидал у дома, а в руках у него всегда были ее любимые цветы – розы. Он дарил ей букет и нежно глядел на нее. Чудесный аромат исходил от цветов, у нее кружилась голова, то ли от этого аромата, то ли от его волнующего взгляда. Нередко они встречались и днем. Юрг пылко объяснялся ей в любви и твердил, что не может долго не видеть ее. А она, тая от счастья, верила ему. Она уже не представ-

ляла себя без него. Ей казалось верхом мечтаний выйти замуж за такого вот мужчину – обаятельного, обходительного, способного покорять. Она почти не обращала внимания на то, что Юрг пользуется успехом у женщин, что некоторые бросают на него пылкие, откровенные взгляды. Ей даже смешно было бы раздумывать над этим. Ведь Юрг любит ее и только ее.

Однако отец Ани, Филипп Бине, совсем не разделял ее восторга. Правда, поначалу он снисходительно относился к тому, что у Ани появился поклонник. Он понимал, что ей, как и любой другой девушке, придется когда-то выбрать себе спутника жизни. Ничего против этого он, разумеется, не имел. Но, познакомившись с будущим зятем, который был ему представлен уже именно в этом качестве, он почувствовал разочарование и даже тревогу. Юрг не смог произвести впечатление на будущего тестя.

Да, отношения между отцом и Юргом совсем не такие, какими бы ей хотелось их видеть. Но сейчас она верила, что постепенно наладятся и они. Юрг решил больше не тянуть с выставками. И это главное. Они вместе постараются добиться успеха, и тогда отец переменит свое мнение о своем зяте. Он поймет, что тот совсем не пустой человек, как он было решил, и все те качества Юрга, которые отец объяснял легкомыслием, всего лишь блажь творческого человека.

Все утро Ани чувствовала неимоверный душевный подъем и лихорадочное волнение. Она не могла сосредоточить свои мысли на чем-то другом, кроме своих отношений с Юргом. Ей так хотелось, чтобы любовь вернулась в их семью. Даже мысли о предстоящем рабочем дне не шли ей на ум. Ей хотелось с кем-то поделиться своими надеждами и радостями. И тогда она решила позвонить матери. Конечно, она не станет ее волновать, просто

расскажет о своих планах на выходные. А уж тогда отправится на работу.

Дария немного встревожилась ее раннему звонку.

- Все в порядке, милая? – спросила мать.

- Да, не волнуйся, все в порядке. Удивляешься, что позвонила так рано?

- Немного. Что-то все-таки случилось?

- Нет, мама, ничего не случилось, просто захотелось немного с тобой поболтать перед работой. А папа еще дома?

- Нет, он уже улетел. Там у них какие-то мероприятия срочные.

- Я не задерживаю тебя, мама?

- Нет-нет, совершенно. Я сегодня не спешу. Все в обычном режиме. Говори, дорогая, мне так приятно тебя слышать. А ты не спешишь?

- Я сегодня встала пораньше.

- Почему?

- Хочу спокойно собраться, без обычной спешки. Знаешь, мама, а у меня хорошие новости.

- Да? Какие же?

Ани показалось, что мать немного насторожилась, словно ждала какого-то неприятного сюрприза. Должно быть, она почувствовала, что дело касается семейной жизни ее дочери, и опасалась чего-то непредвиденного. Да, не доверяют ее родители Юргу. Ну, ничего, скоро они поймут, что заблуждались на его счет.

- Юрг решил провести первую свою выставку. Знаешь, он, скорее всего, уйдет с работы, и будет заниматься только творчеством. Я так рада, мама. Ты и представить себе не можешь.

- Это замечательная новость. Дай Бог, чтобы все у вас получилось, - сказала Дария. – Может быть, встретимся на выходных?

- К сожалению, не получится.

- Работа?

- Нет, мы с Юргом на выходных летим в горы.

- В горы? – встревожилась мать. – Зачем в горы?

- Он хочет нарисовать серию горных пейзажей.

Чувствовалось, что матери не нравится эта их идея. И Ани уже пожалела, что поделилась ею с матерью.

- Дорогая, в горах сейчас особенно холодно. Можно серьезно простудиться. Быть может, тебе стоит остаться дома?

- Думаешь?

- Уверена.

- Хорошо, мама, я подумаю.

- Тут и думать не над чем.

- Ладно, мамочка, уговорила. Не стану рисковать своим драгоценным здоровьем. Не переживай. Ну, ладно, до встречи. Я тебе еще позвоню. Целую.

Ани не стала убеждать мать в том, насколько для нее важна эта их совместная поездка. Она твердо решила лететь вместе с Юргом в горы. Ани не может упустить такой отличный шанс наладить свои отношения с мужем. Нет, такого не будет. Плевать на холод и возможную простуду, для нее дороже ее семья.

Глава VII. Неразделенная ответственность

После видеозаседания всемирного научного совета Ют Кале ходил темнее тучи. Впервые в жизни он чувствовал себя совершенно беспомощным перед обстоятельствами. Груз ответственности за вверенную ему страну, непрерывно ощущаемый им и в обычное время, теперь стал просто неподъемным. Он мысленно прокручивал все, что услышал в ходе заседания, все, что знал раньше по волнующей его теме, но выхода найти не мог. В общем-то, это было вполне объяснимо. Уж коль скоро ученые за столько лет исследований не нашли его, то что мог он, человек, далекий от этих тонких сфер.

Но он знал, что что-то ему придется делать, искать какие-то решения. Потому что он не мог, подобно этим ученым мужам, сказать себе и миру, что все кончено, сесть в космический корабль и улететь, куда глаза глядят. Он должен думать не только о себе, но и о жителях этого края, которые столько лет называли его своим правителем.

Как обычно утром пришел Артур Дорель. Они обменялись крепким рукопожатием. Вид у Дореля тоже был не очень, было заметно, что добрую часть ночи он, видимо, не сомкнул глаз.

- Артур, кофе выпьете? – спросил Кале.

- Нет, что-то не хочется.

- Я тоже сегодня и кофе не пил, да и еще не завтракал, - вздохнул Кале. - И, знаете, тоже как-то не хочется.

Дорель усмехнулся.

- Да уж после вчерашнего.

- Может, что покрепче для разрядки?

Дорель нерешительно смотрел на шефа, раньше тот никогда не предлагал своему помощнику выпить.

- Удивляетесь? – спросил Кале.

- Есть немного, - скупо улыбнулся Дорель.

- Так как?

- А давайте, - решился помощник правителя Средиземноморья. – Может, легче станет.

Кале не имел обыкновения угощать своих посетителей крепкими напитками, считая, что для всего есть свое время и место. В рабочем кабинете Кале пили только кофе, его отменно готовила мадам Жанна. Но для исключительных случаев, которым мог стать неожиданный визит какого-нибудь старинного знакомого, Кале держал в шкафу бутылочку хорошо выдержанного коньяка. Разливая коньяк, Кале мысленно усмехнулся превратностям судьбы. Он никогда бы не мог предположить, что будет распивать в рабочем кабинете коньяк со своим личным помощником. Что ж, видимо, исключительнее этого случая уже вряд ли выдастся событие.

Они молча выпили.

- Господин Кале, вы что-то решили? – осторожно спросил Дорель.

Кале вскинул на него глаза и покачал головой.

- Если бы я что-то решил, мы бы с вами, Артур, сейчас работали. А мы, как видите, выпиваем, - вздохнул Кале. – Нет, я в растерянности. А у вас есть какие-то соображения?

- Да что тут сообразишь. Знать бы хотя бы, сколько времени у нас есть.

Кале воззрился на Дореля, его осенила мысль.

- А они ведь не обсуждали этот вопрос? Или я что-то пропустил?

- Нет, они ничего не говорили об этом.

У Кале загорелись глаза.

- Слушайте, Артур, а можем мы вызвать к нам сюда доктора Борея? Он ведь, если не ошибаюсь, живет в Средиземноморье?

- Да, вроде бы. Я уточню. А что, можно попробовать, - воодушевился и Дорель. - Может быть, он что-то подскажет.

- Тем более что вчера мы так и не обсудили толком этот вопрос. Давайте, дружище, действуйте. Все-таки что-то. А это лучше, чем ничего.

Дорель, не мешкая, поспешно вышел из кабинета, забыв даже допить коньяк. Кале почувствовал небольшое облегчение, как человек, которого еще не покинула надежда.

Помощник вернулся через короткое время, он сообщил, что доктор Борей прибудет в резиденцию в течение часа. Кале кивнул головой и поблагодарил Дореля. Но целый час, впереди целый час. Неожиданно Кале предложил своему помощнику позавтракать и тот согласился.

Когда Кале вернулся, доктор Борей уже сидел в его приемной. Кале поздоровался с ученым, крепко пожал его руку и пригласил в свой кабинет. Доктор Борей имел невозмутимый вид. На его лице Кале не заметил следов бессонницы, которыми после видеоконференции были отмечены они с Дорелем.

Доктор Борей еще раз кратко изложил правителю Средиземноморья суть научных результатов. Как и предполагал Ют Кале, ученый не сказал ничего обнадеживающего, ничего такого, что укрепило бы его надежды.

- Так значит, нет все-таки никакой надежды, господин Борей? – спросил Ют Кале. – Совсем нет никакой надежды для Земли?

- Никакой, - твердо ответил Борей. – Солнце превращается в белый карлик, и этот процесс, к сожалению, начали наблюдать не только мы, но и многие поколения до нас.

- Вы сказали к сожалению. Почему? Разве что-то изменилось бы, если наши с вами современники первые стали бы его наблюдать?

- Многое. Мы бы тогда были в выигрыше во времени, потому что Солнце не может остыть за какую-то сотню лет. И если бы мы были первые, кто это заметил, то кто-то после нас пожинал бы плоды этого печального открытия. А так…

- А сколько времени займет этот катастрофический процесс? Сколько времени у нас еще есть в запасе?

- Точных данных пока нет. Мы рассчитываем скорость расширения солнечной сферы. На это уйдет время. Сейчас ясно одно, что скорость растет нелинейно.

- Этот процесс может растянуться?

- Даже если он и растянется во времени, нам это все равно не сулит ничего хорошего.

Кале непонимающе посмотрел на Борея.

- Расширение светила вызовет катаклизмы на Земле, потому что идет деформация всей Солнечной системы, - пояснил Борей.

- Пока у нас было только похолодание, - печально заметил Кале.

- Да, похолодание. Но температуры будут еще ниже. Солнце остывает.

- Но что же делать? – спросил Кале. – Должен же быть хотя бы какой-то выход из этого катастрофического положения? Какие-то

другие источники энергии, надежные источники, которые смогут дать тепло и свет. Ну я не знаю, или что-то другое, что-то еще.

- Работы эти идут давно, но серьезных результатов нет. Видите ли, господин Кале, вся Солнечная система взаимосвязана, так что с потерей равновесия сил в ее центре, теряется их равновесие и в других составных частях, - Борей, увидев, что Кале не совсем понимает его, пояснил: - Я хочу сказать, что создать источник энергии, опираясь на пошатнувшиеся земные силы невозможно. Все в природе теперь действует не так, как раньше. Физические силы, и в первую очередь, гравитационные уже не те. Поэтому самое уместное было бы развернуть масштабную спасательную операцию, построить максимально возможное число космических кораблей. Параллельно с этим создавать для людей пункты эвакуации с автономными источниками энергии и запасами продовольствия. И вывозить, вывозить людей с погибающей планеты.

- Да, это действительно было бы самое разумно. Но вы слышали, какой путь спасения наметили вчера ваши и мои коллеги, - горько усмехнулся Кале.

- Боюсь, что панические настроения уже взяли верх и политики займутся спасением самих себя и своих приближенных. Думаю, что полетят только наиболее видные ученые, политики и их близкие. И всё.

- Не сомневаюсь в этом. А вы полетите, доктор Борей?

- Нет, - твердо ответил он. – Это мне не подходит.

- Значит, вы и я остаемся, - констатировал Кале.

Борей внимательно взглянул на правителя Средиземноморья.

- И вы не полетите? – спросил он.

- Мне тоже это не подходит, - сказал Кале. – И тех, кому это, как и нам с вами, не подходит, много. Так что придется нам как-то

приспосабливаться. Я думаю, вы правы, надо строить или создавать на базе имеющихся зданий эвакуационные помещения с запасами топлива и продовольствия. Я и сам уже думал об этом. Сейчас, похоже, это главная наша задача.

- Да, наверное, на определенный промежуток времени. А вообще, знаете, я думаю, что у каждого из нас осталась в этой жизни только одна, самая главная задача – приготовиться к худшему и постараться достойно его принять.

Кале кивнул головой и крепко пожал руку доктору Борею.

- Спасибо вам, доктор.

- За что? – удивился Борей.

- За вашу мудрость и добрые советы. Скажите, я могу рассчитывать и впредь на вас? Вы же понимаете, наступают трудные времена.

- Конечно, - не раздумывая, ответил Борей. – В любой момент я в вашем распоряжении.

Глава VIII. Необычная встреча

В последнее время инспектор Митчелл и его напарники много работали. Теперь нередко они задерживались в инспекторате и после ночного дежурства. С покрасневшими от бессонной ночи глазами они вынуждены были продолжать работу. Да и выходных у них стало вполовину меньше.

Даррел, как старший в группе, решил вступиться за сохранение трудовых прав своих коллег. Прямо на утренней летучке он спросил шефа, почему они теперь так много работают и когда это закончится. Шеф недовольно сверкнул на него глазами.

- Люди ведь не железные, - добавил к своей речи Даррел, - им отдых нужен.

Запахло жареным. Все знали, что в присутствии шефа лучше не пытаться качать права. Полицейские насторожились, они ждали, чем закончится эта стычка. Кто-то сочувствовал Даррелу, думая, что его сейчас, вероятно, отстранят от работы. Кто-то, кому не по нутру был независимый нрав инспектора Митчелла, с трудом скрывал злорадство.

- Инспектор Митчелл, - заговорил шеф на повышенных тонах, - вы что, намерены обсуждать приказы? Вы не хуже меня знаете, какова ситуация с преступностью, она растет, как на дрожжах. Кем я, по-вашему, должен заменить ваших людей? Кто останется на улицах Средиземноморья?

Полицейские затаили дыхание. Слова шефа, даже несмотря на

его тон, больше смахивали на оправдание. Такого раньше никогда не случалось. Недоброжелатели Даррела почувствовали разочарование, снова этому инспектору удалось выйти сухим из воды.

- А еще и общественный порядок, - прорвало шефа. - Будь он трижды неладен. Все в этом Средиземноморье как с цепи сорвались. Холод собачий стоит, а они таскаются без конца на эти площади. Что там, медом намазано? И что с этим прикажете делать?

- Люди долго не протянут в таком режиме, - сказал Даррел.

- Да знаю я, знаю, каково это после ночи продолжать работу. Но придется потерпеть.

Можно сказать, Даррел одержал убедительную победу. Но это была лишь моральная победа. Потому что ничего так и не изменилось, они продолжали работать в прежнем режиме.

- Да, в нашем Средиземноморье какая-то неразбериха, - заметил Роберт, когда они в очередной раз патрулировали в небе ночной город. – И будет ли этому конец, непонятно.

- Пока не выберут новое правительство, порядка не будет, - убежденно сказала Ада.

- Ну а правительство тут при чем? – усмехнулся Стен

- А притом, что надо уже как-то бороться с преступностью, - ответила Ада. – Столько всяких преступлений происходит каждый день. С этим ведь нужно что-то делать.

- Слышал бы тебя наш шеф, - усмехнулся Даррел. – Он при слове преступность прямо зеленеет весь.

- Мы тоже скоро начнем зеленеть, - заметил Роберт. – Еще месяц другой и мы все не то что зазеленеем, мы прямо завоем.

- Так вот я и говорю, что политики должны взяться за дело, - стояла на своем Ада. – Когда такой уровень преступности, надо

правительству, да и обществу уже как-то вмешиваться.

- Да что им-то до преступности? – выразил свою точку зрения Стен. – Они высоко, там у них все спокойно.

- Ну, Ада, тебе прямая дорога в парламент, - улыбнулся Роберт, хлопнув Аду по плечу, - мы тебя обязательно туда выдвинем, если представится такой случай.

- Роберт, я говорю о серьезных вещах, - обиделась Ада. – А ты все со своими глупыми шуточками.

- А в этом что-то есть, - поддержал Роберта Даррелл, незаметно ему подмигнув. – Ты, Ада, справедливая, принципиальная, настойчивая. Из тебя выйдет неплохой сенатор.

Ада укоризненно покачала головой:

- И ты туда же, Даррелл. И не стыдно. Вечно вы надо мной подтруниваете.

- А что, Даррелл, днем нас опять загонят на какую-нибудь площадь? – спросил Роберт.

- Не исключено.

- Ох, опять этого пророка охранять, - вздохнула Ада.

- Не пророка охранять, а общественный порядок, - уточнил Даррелл.

- Да один черт, - сказал Роберт. – Я вот никак в толк не возьму, чего люди слетаются к нему, прямо как мухи на мед. Ничего такого особенного он вроде и не говорит, а держит людей около себя битый час. И это на холоде-то.

- А ты слушал, что он говорит? – поинтересовался Даррелл.

- Слушал.

- Да где ты слушал-то, Роберт, - вмешалась Ада, - мы были на самом краю площади и слова все время относило ветром.

- А-а, так ты тоже хотела услышать пророка? – с улыбкой

спросил Даррелл.

Все рассмеялись, а Ада немного смутилась.

- Ну, надо же чем-то там заниматься, - сказала она.

- Ада, за порядком надо смотреть, а не пророков слушать. А то не ровен час мы и тебя потеряем.

- Как это потеряете? – не поняла Ада.

- Ну, в смысле, тоже станешь его поклонницей и покинешь нас. Будешь торчать на площади, как другие. Потом придется еще и тебя охранять. А работать кто будет?

- Да ну тебя, Даррелл.

- А если серьезно ребята, - сказал Даррелл, - и, правда, что это за пророк такой? О чем он вообще говорит?

- А-а, так это и тебя интересует, - засмеялась Ада.

- Не то, чтобы очень, но вдруг он что-то дельное скажет, душу успокоит.

- Да никто ни черта не знает определенного, - сказал Роберт. – Моя жена рассказывала, что слышала его, но толком так ничего и не поняла. Религия какая-то. Одним словом, проповеди.

- Да-а, дела, - неопределенно заметил Даррелл.

Даррел шутил, но на душе у него было неспокойно. Жизнь Средиземноморья за последнее время изменилась до неузнаваемости. И вряд ли в этом было повинно правительство, как считала Ада.

По мнению Даррела, которым он, впрочем, ни с кем не делился, изменения начались после того, как природа стала преподносить им сюрприз за сюрпризом. Население Средиземноморья было по-настоящему встревожено происходящим. Панические настроения подогревались сообщениями со всех концов света то об одном, то о другом катаклизме. Где-то случилось страшное раз-

рушительное землетрясение, где-то прошли тайфуны и ураганы, где-то град, где-то снег не прекращается вот уже несколько суток. В общем, где что.

Но эти известия роднило одно обстоятельство – повсюду становилось все холоднее, день ненадолго приходил на смену темной ночи и длинным сумеречным рассветам. Слово похолодание стало едва ли не самым распространенным среди людей всех континентов и стран. Среди жителей Средиземноморья расползались разные слухи насчет того, что источники энергии теряют свои мощности неспроста – природа утрачивает силы, физические законы, незыблемые в веках, теперь отказываются работать, приближается глобальная катастрофа, чуть ли не библейский судный день, которого так долго все ждали и не могли дождаться тысячелетиями.

Даррелл и сам был немало озабочен тем, что творилось вокруг. Смутная тревога впервые пришла к нему, когда он от Сэда Тирета впервые услыхал о намерении богачей навсегда убраться с этой планеты. Он уже тогда понял, что это неспроста. Так, видно, и выходит.

Неудивительно поэтому, что жители Средиземноморья с таким вниманием встретили таинственного философа, именуемого Пришедшим, и его публичные выступления. Средиземноморцы собирались вокруг него тысячами и, как завороженные, слушали. Вот уже полмесяца, как полиция вынуждена контролировать эти сборища. Такие массовые собрания полиция не могла оставить без внимания: не ровен час там вспыхнет какая-нибудь заварушка.

- Даррел, смотри, там что-то не так, - сказал Стен.

Все они повернули головы в направлении, куда показывал Стен. Недалеко от сквера толпились какие-то люди. Они явно были недоброжелательно настроены друг другу.

- Какие-то монахи что ли, - удивилась Ада. – Смотрите, люди в рясах. Или как это называется?

- Садимся, ребята, - сказал Даррел, - посмотрим, что там.

- Ну уж так и монахи, - усомнился Стен, - вон парни в одежде неформалов.

- А да, - рассмотрела Ада. – Какая странная компания.

- Разберемся, - сказал Даррел.

Толпящиеся люди повернулись к приземлившейся полицейской мобиле. При этом несколько человек тут же отделись от группы и со всех ног бросились к скверу.

- Эй, а ну-ка стойте! - крикнул им Даррел. – Ребята, задержите их!

Роберт и Стен, вынув оружие, кинулись вдогонку. Парни убегали, только сверкали пятки.

- Что здесь произошло? – спросил Даррел людей, которые так и не двинулись с места.

Это были на вид монахи или священники в черных длинных одеждах. Они смиренно стояли и ждали окончания истории, в которой вдруг оказались.

- Так что произошло? – повторил свой вопрос Даррел. – Эти люди напали на вас? Они причинили вам какой-то вред?

Люди молча переглянулись. С инспектором заговорил один из них, высокий человек с глубоким проницательным взглядом.

- Эти люди мешали нам идти своей дорогой, - спокойно сказал он.

Человек в монашеской одежде смотрел на своего собеседника просто и естественно, но Даррелу вдруг показалось, что этот взгляд проникает в самую его душу. Неожиданно он почувствовал расположение и доверие к монаху.

- А куда вы направляетесь можно узнать? – спросил Даррел.

- Мы шли на ночлег в монастырь Святого Луки.

Даррел вопросительно посмотрел на Аду, та пожала плечами. Где находится такой монастырь, не знала и она. Да и, честно говоря, никто из них понятия не имел о том, что в Средиземноморье вообще есть монастыри.

- А где это находится? – поинтересовалась Ада.

Монах повернулся к одному из своих спутников, видимо, прося его ответить на вопрос.

- Это на юге промышленной зоны, - пояснил тот.

- Понятно. А что хотели от вас эти люди? – спросил Даррел.

- Они спрашивали деньги, - ответил главный монах, как назвал его про себя инспектор.

- Вы отдали им их?

Монах покачал головой:

- Нет, у нас их нет.

В это время появились Роберт и Стен, они вели под руки задержанного.

- Это один из них? – спросил Даррел, указывая на парня в наручниках.

Монах кивнул головой.

- Все ясно. Ну что же, - сказал инспектор, обращаясь к монахам, - нам придется попросить вас проехать с нами в инспекторат, чтобы составить протокол.

- Это займет много времени? – спросил главный монах.

- Нет, около получаса. А потом мы вас подбросим до монастыря.

Монахи спокойно встретили это сообщение. Так же спокойно, не выражая никаких эмоций, они сели в полицейскую мобиле и

отправились в инспекторат.

В инспекторате Даррела срочно вызвали в службу контроля, куда-то подевался один из его задержанных, определенный под домашний арест. Ругая на чем свет стоит этих ротозеев из службы контроля, инспектор побежал объясняться с их начальством, которое считало, что именно Митчелл виноват в неприятной ситуации, так как предоставил неправильные коды.

- Роберт, оформите там все, как положено, - прокричал на ходу инспектор. – Я скоро буду.

- Сделаем, - сказал он.

Задержанные в сопровождении напарников Даррела отправились в сектор D проходить необходимые формальности.

- Да поймите же, если бы коды были неправильные, как бы их зафиксировал навигатор? – горячился Даррел в кабинете руководителя службы контроля, когда в дверь заглянул Роберт.

– Сейчас, Роберт, я иду, - сказал он напарнику. И вновь повернулся к своему оппоненту: - В общем, я готов представить рапорт, так как мне лично скрывать нечего. В отличие от ваших работников.

Руководство контроллеров еще попыталось что-то возразить, но раздраженный Даррел не стал слушать. Он вышел из кабинета, дверь за ним бесшумно закрылась. Роберт ждал его неподалеку.

- Ну что там? – все еще хмурясь, спросил он Роберта.

- Даррел, там такое дело. Один из задержанных, этот монах он отказывается называть свое имя. Ну в смысле свое настоящее имя.

- А как ты узнал, что он называет ненастоящее имя?

- Сейчас ты поймешь, - в глазах Роберта мелькнула интрига. – Знаешь, как он называет себя?

Даррел пожал плечами.

- Я же не ясновидящий.

- Пришедший, - с довольным видом произнес Роберт. – Каково, а?

- Что? – удивился Даррел. – Тот самый Пришедший? Этот пророк?

- Да, представь себе. Вот такой у нас нынче улов. Так вот делать-то что? Мы же не можем так и записать его в протокол.

- Ладно, разберемся.

Они поспешили в сектор D. Там их ждала группа монахов. Ада и Стен уже заканчивали опрос задержанного.

- Ну что тут у вас? - спросил он у них.

- Оформляем домашний арест, - пояснил Стен.

- Правильно.

Даррел подошел к монахам, те вопросительно смотрели на него.

- Могу я задать вам несколько вопросов? – спросил инспектор того, кто назвал себя Пришедший.

Он кивнул головой.

- Понимаете, у нас здесь такие правила, что без ваших персональных данных нам не обойтись. Извините, но так принято.

- Я назвал инспектору свое имя, - спокойно ответил Пришедший.

- Но это ведь э-э… не совсем имя, как я понимаю.

- Это мое имя, которое знают все те, с кем я когда-либо встречался.

- Ну а в ваших документах что написано? Какое имя?

- У меня нет документов, - глядя на инспектора чистым взглядом, сказал Пришедший. – Мне они не нужны.

Даррел решительно не знал, что ему делать с этим человеком.

Он вполне бы мог задержать его на основании того, что тот нелегально пересек границу Средиземноморья и незаконно находится на территории страны. И тем более без документов. Но почему-то он не мог этого сделать. Он чувствовал какое-то необъяснимое благоговение в присутствии этого необычного человека.

- Инспектор наш гость через несколько дней покидает Средиземноморье, - вступил в разговор один из спутников Пришедшего.

- А с какой целью вы посетили нашу страну? – снова обратился Даррел к Пришедшему.

- Я путешествую с просветительской миссией, ибо людям нужны свет и поддержка.

- Каким людям?

- Многим людям. Они плохо изучили свой мир и себя в нем. Тьма покрывает их разум. Люди этого мира не готовы, совсем не готовы к тому, чему суждено свершиться.

Даррел с удивлением слушал Пришедшего. Напарники Митчелла тоже внимательно прислушивались к его словам.

- Чему же суждено свершиться? – спросил Даррел.

Пришедший бросил на инспектора проницательный взгляд.

- Вижу, что в сей миг вас это волнует более всего остального. Вы упорно ищете ответы на свои вопросы.

Пришедший говорил непринужденно с глубокою уверенностью в голосе, словно был посвящен во все перипетии последних событий жизни Даррелла.

- Я вместе с моими единомышленниками был здесь, в Средиземноморье, а вскоре отправляюсь в другие земли и города, чтобы дать людям знание, которого у них нет. Оно, знание, поможет им, услышавшим, пережить скорбные дни и не впасть в тоску и отчаяние. Ибо тот, кто поймет суть развертывающихся событий, тот

найдет и себя в них. Важно найти себя. Вижу, что вы на пути к себе. Это радует меня. Сие всегда радует меня. Радует, ибо это еще один человек, не утративший своей божественной искры, сохранивший, пусть и не вполне осознанно, но сохранивший ее в себе. Много, много подобных вам, а также и стократ лучших вас повидал я, но много, очень много и других. В них тьма, тьма и запустение. Тошно мне от их пустых глаз и разверзнутых тел, ибо души их, данные им Богом, давно покинули их. Но не будем о них. Лучше поговорим о вас.

- Обо мне? – удивился инспектор. - Да что можно обо мне сказать? Я обычный человек.

- Да, вы обычный человек, - легко согласился Пришедший, - но в вас есть и то, что не свойственно людям нынешнего века. Но в целом вы – дитя своего времени. Вы живете его болями и радостями, его бедами и достижениями. И сей миг ваше сердце в беспокойстве, ибо вы, как человек, наблюдательный и внимательный, рассмотрели предвестники необыкновенных событий. Но они принесут в вашу жизнь не только разрушение, но и воссоединение. Вы не будете больше один, вы познаете чувство ответственности за жизнь другого человека, который станет очень близким для вас.

Даррелл с удивлением слушал Пришедшего. Тот правильно говорил о его мыслях и переживаниях. Но как он мог об этом узнать? Неужели он понял это, бросив на него всего лишь несколько взглядов? И о каком человеке идет речь, за которого он должен будет отвечать? Это ему было вообще непонятно. В личной жизни Даррела никого не было.

- Вы беспокоитесь о будущем, - продолжал меж тем Пришедший, - но лишь потому, что не понимаете сути событий, кажущимися вам стихийными и случайными. Вы ищете этот

смысл, и вы его найдете. Тогда вам станет легче, перед вами откроется путь, простой и понятный, единственно для вас возможный.

Наступило молчание. Инспекторы ошеломленно смотрела на Пришедшего. А он молчал, устало прикрыв глаза рукой.

- Я ответил на ваши вопросы? – вновь заговорил он, обращаясь к Даррелу.

Тот кивнул головой.

- Стен, подбрось наших гостей до монастыря. Они, наверное, очень устали.

- Хорошо, идемте, - ответил Стен.

Все поднялись. Выходя, монахи тепло поблагодарили инспектора. Пришедший на мгновение задержался около Даррела.

- Что бы ни случилось, не теряйте веры, - сказал он.

- Я постараюсь, - ответил Даррел.

В помещении сектора D наступила тишина. Ада и Роберт молча смотрела на Даррела.

- Послушай, Даррел, а этот человек сказал правду о тебе? - нарушила молчание Ада.

Митчелл пожал плечами.

- Ты не знаешь? – удивилась она.

- Ну что-то правда, что-то нет.

- А что правда? – допытывалась Ада.

Даррел потерял терпение:

- Ада, это допрос?

- Нет. Ну все-таки, Даррел.

Он не хотел это обсуждать, но от Ады бывает сложно отделаться.

- Правда в том, что я действительно думаю о том, что происходит. Неправда в том, что я так много думаю об этом.

- Здорово, - раскрыл рот Роберт. – Он забавный малый. Только я мало что понял. А ты, Ада?

Ада неопределенно повела плечами. Она опять устремила свой взгляд на Митчелла.

- А что с протоколом, Даррел? Как мы запишем этого Пришедшего?

Инспектор ненадолго задумался и с уверенностью сказал:

- Запиши всех, кроме него.

Ада и Роберт онемели. Такого они еще не видели. Они не верили своим ушам, что Митчелл, цеплявшийся к каждой мелочи, разрешил исключить из протокола задержанного. И вправду, сегодня они встретились с необычным человеком.

Глава IX. Смертельная ловушка

Юрг, завязав свои нервы в тугой узел, кое-как дождался конца трудовой недели. Роль любящего мужа, который вдруг воспылал прежней страстью к своей супруге, была ему уже просто не под силу. Ани, какое-то время насторожившаяся и как будто начавшая что-то подозревать, окончательно поверила в его искренность и непогрешимость. Она тихо таяла в его объятиях, а он едва справлялся с ненавистью, которую испытывал к ней. Но он должен был достойно доиграть спектакль, ведь от его игры зависела его будущность.

Он понял окончательно, что жить по-старому под крылом почтенного семейства Бине он уже не сможет. Он уже ясно представлял себе свою новую независимую жизнь и ветер свободы освежал его лицо. Одно омрачало его мечты – это радикальность меры, которую он наметил, чтобы добыть себе желанную свободу. Он не хотел Ани зла, он никогда не пожелал бы ей плохого, если бы она не стояла у него на пути. Стоило ей тогда в тот вечер, когда якобы снова вспыхнула их страсть, предложить ему стать совладельцем этого ее по слухам процветающего архитектурного агентства, и равновесие их семейной жизни было бы соблюдено. Но нет, Ани не была бы Бине, если что-то выпустила бы из своих рук. Это бесило его, уничтожало всякую надежду на благоприятный исход их семейного сосуществования. По сути, думал он, Ани сама вкладывала в его руки оружие и заставляла расправиться

с нею. И он стал готовиться к самому ответственному в своей жизни мероприятию.

Накануне выходных он посетил туристическое агентство «Круиз». Здесь можно было выбрать помимо разнообразного прочего чудесный горный коттедж на двоих. Как-то он уже воспользовался услугами этого агентства и остался доволен. Тогда он сказал Ани, что ему на пару будних дней нужно съездить по делам наследства, которое будто бы осталось от его матери. Легковерная Ани безропотно согласилась с его отъездом. И он провел два чудесных дня в обществе очередной своей подруги. Кажется, ее звали Рита.

- Значит, этот коттедж вам подходит? – мило улыбаясь, спросила девушка-агент, когда Юрг выбрал в ретроспективе небольшой коттедж из белого камня у склона горы.

- Вполне.

- На чье имя оформим заказ?

Юрг недолго размышлял:

- Ани Бине. Это моя супруга.

Он и сам не знал, почему вдруг решил оформить коттедж на Ани. Потом сам себе он объяснил это тем, что его имя не стоило бы упоминать в файлах агентства.

- Подскажите, пожалуйста, код дактилоскопического паспорта госпожи Бине.

Юрг, конечно, знал и это. Он без труда справился с задачей и уютный коттедж на предстоящие выходные был зарезервирован на имя госпожи Ани Бине.

Завтра ему предстоял чудовищно трудный день, ему надо было немного расслабиться. И Юрг завернул по пути домой в апартаменты Виты. Вместе они недурно провели время. Он остался

доволен.

Когда Вита принесла кофе в постель и устроилась подле него, Юрг с загадочным видом бросил ей:

- Детка, скоро мы будем видеться чаще.

Вита оживилась, заглянула ему в глаза.

- Да? А что такое? Ты решил расстаться со своей миллионершей?

- Ну, в общем-то, да. Можно и так сказать.

- Ты подаешь на развод? – удивилась Вита.

- Нет, что ты. Ты хочешь, чтобы я остался нищим?

Вита явно была разочарована.

- А что тогда?

Юрг загадочно улыбался и пил кофе.

- Ну же, Юрг, что ты задумал? – теребила его Вита. – Ты ведь что-то задумал?

- Да неважно.

- Ну вот так всегда, сначала заикнешься, а потом не хочешь ничего говорить, - надула губки Вита.

- Скоро все узнаешь, - Юрг нежно поцеловал Виту в губы.

- Не хочу скоро, хочу сейчас, - капризничала она.

Юрг уже пожалел, что завел этот разговор. Не стоило ей говорить раньше времени. Хотя, может, и к лучшему, надо же с кем-то обсудить эту больную тему.

- Ну ладно, скажу. Так и быть, - решился он. – Завтра мы с ней летим в горы.

- В горы? И что? – не поняла Вита.

Юрг молча смотрел на нее, он ждал, когда же до нее дойдет. И вот это произошло. Ее глаза округлились, в них мелькнул страх.

- Так ты хочешь…

- Тс-с-с! – Юрг приложил ладонь к ее рту.

- А ты не боишься?

- Я все продумал, - уклончиво ответил он.

Пока Вита соображала, что к чему, он молча наблюдал за нею, стараясь понять, как она относится к этой новости. Но лицо ее оставалось бесстрастным. Должно быть, она не могла определить, что именно это событие принесет лично ей, а Юрг ей ничего не пояснял.

- И что, ты станешь богат?

Юрг с довольной улыбкой утвердительно качнул головой.

- А ты меня не бросишь?

- Ну что ты, глупышка. Я же люблю тебя.

Похоже, такой ответ удовлетворил Виту. Она положила голову ему на плечо и сказала:

- Пусть получится, как ты решил. По крайней мере, мы сможем чаще видеться. А то я так скучаю без тебя. Я очень тебя люблю. Ты помни об этом.

- Я помню.

- И не забудь, когда станешь богатым, - со странным смешком добавила Вита.

Юргу показалось, что в этих ее словах таилась скрытая угроза. Но он отогнал от себя эту мысль. Вита слишком привязана к нему, чтобы ее остерегаться.

Вечер в обществе Ани накануне выходных тянулся томительно долго. Юрг немного нервничал, представляя себе завтрашний день. Но он тщательно скрывал свою нервозность от жены за напускной веселостью.

- Когда завтра мы вылетаем? – спросила Ани в конце ужина.

- Думаю, лучше всего утром. А ты как считаешь, дорогая?

- Я не против.

- Или ты хотела выспаться после трудовой недели?

- Нет, все нормально, - улыбнулась Ани. - Я не устала. Это мой обычный ритм жизни.

Юрг бросил салфетку на стол и поднялся.

- Ты уже уходишь? А десерт?

- Нет, спасибо, дорогая. Хочу сегодня лечь пораньше. Завтра будет много дел.

Он подошел к Ани, поцеловал ее и направился к выходу. На пороге он обернулся и взглянул на нее. Она смотрела в окно и допивала свой сок. Он зло усмехнулся. Она и не представляла, какой сюрприз он приготовил ей.

Глава X. О чем молчат уста

Ют Кале начал тяжелую работу. Ничего тяжелее этого он, пожалуй, и не делал никогда. Это была работа без перспективы, без надежды на сколько-нибудь благоприятный исход. Потому что не могло уже быть ничего такого, чтобы способствовало эволюции и развитию общества на планете, обреченной на гибель. Это была работа на выживание этого самого общества в тяжелейших условиях, на которые, если верить ученым, были обречены теперь люди.

Приступая к этой работе, Кале никак не мог решить для себя один важный в сложившихся обстоятельствах вопрос. Он должен был решить, должны ли жители Средиземноморья знать о том, что происходит в природе на самом деле. Он должен был решить, рассказать людям о беде, свалившейся на них, и обнародовать тем самым данные хартии исследований Солнца, или предоставить событиям идти своим чередом. И вот этого он не знал.

А между тем, работу отложить было нельзя, надо было, засучив рукава, браться за дело. Время и без того уже было упущено. Но что-то же он должен был объяснить тем людям, работникам своего аппарата, которым он поставит задачу. Ему пришла в голову мысль, что пока ничего конкретного он не решил, объяснить причину развертывания работ чем-то другим. Например, соображениями безопасности. А что, это была не такая уж плохая идея.

Как мог он выразил эту мысль на совещании с работниками аппарата и представителями нескольких профильных департаментов, которое его помощник Дорель, посвященный в истинную суть

предстоящей работы, организовал в короткие сроки.

- У нас недостаточно хорошо соблюдается принцип безопасности людей, - отметил он. - В том случае, если вдруг возникнет какая-то внештатная ситуация, например, техногенная катастрофа, нам негде будет разместить людей, нечем будет их накормить и напоить. Нам придется позаботиться об этом. И начать эту работу надо как можно быстрее.

Выступая на совещании, Ют Кале наблюдал за людьми в зале, многих из них он знал немало лет. По выражению их лиц он пытался понять, не удивятся ли они такой неожиданной задаче. Его правительство, да и многие другие правительства до него, насколько он помнит историю того времени, активно развивали индивидуальную сферу жизни людей, строили современные удобные и комфортные апартаменты, инфраструктуру мегаполиса, создавали транспортные ресурсы. Нет, конечно, нельзя сказать, что на коллективную безопасность совсем никто не обращал внимания, строили и модернизировали убежища и эвакуационные пункты, поддерживали их в рабочем состоянии. Но они практически не использовались, и постепенно о них забывали. Потом вдруг вспоминали снова, обновляли и вновь предавали эту тему забвению.

И вот теперь Кале в очередной раз поднимает этот вопрос. Возможно, в свете последних событий в природе кого-то из его работников это насторожит, он удивится и станет задавать вопросы. Такое вполне могло быть. Случись такое, пришлось бы придумывать что-то еще, чтобы дать разумную мотивацию этой задаче. Но, к счастью для Кале, никто из собравшихся на совещание не задался таким вопросом. Чиновники внимательно слушали правителя Средиземноморья и делали пометки в своих блокнотах.

И только один вопрос из прозвучавших немного смутил Кале.

Его задал глава департамента безопасности Стивен Хэнк, как человек ответственный и пунктуальный, он хотел уяснить одну немаловажную деталь.

- Господин Кале, на какое количество людей мы должны ориентироваться при проектировании новых эвакопунктов? – спросил он.

Кале и Дорель обменялись взглядами. Кале соображал, что бы такое ответить.

- А разве мы не должны быть ориентированными на общее количество жителей мегаполиса? – задал Дорель Хэнку встречный отвлекающий вопрос, который бы оставил Кале время для маневра.

- На весь мегаполис? – поразился Хэнк.

- Но мы ведь должны заботиться о безопасности всех людей, - гнул свою линию Дорель.

От масштабности задачи, грозящей его департаменту, Хэнк разволновался.

- Но, господин Дорель, не за один же присест, так сказать, - воскликнул Хэнк, вытирая платком пот со лба. – Не за раз ведь.

Кале зацепился за эти слова Хэнка.

- Никто и не утверждает, что эту работу надо сделать за раз, - сказал он, обращаясь к Хэнку. - Пока будем ориентироваться по числу округов. Скажем на каждый округ необходимо запланировать по три эвакопункта. Справимся с этим, запланируем следующие. Да, и еще пожелание к архитекторам. Надо изучить возможности уже существующих зданий, начальные этажи, подвальные помещения.

Аудитория пришла в движение, все зашевелились, стали переговариваться друг с другом. В общем, процесс пошел. Через несколько дней у них уже будут конкретные данные.

- Господа, надеюсь, вы тщательно изучите этот вопрос. Через два дня прошу представить мне ваши наработки. Эту работу мы должны сделать в кратчайшие сроки, - сказал Кале, завершая совещание.

Намеченная им работа мало помалу начала разворачиваться. Но небольшое успокоение от этого разбивалось вдребезги, как только он начинал думать о будущем. И даже не столько о самом будущем, сколько о своем отношении, как правителя Средиземноморья, к этому самому будущему. Это доставляло Кале немало моральных терзаний, лишало покоя и сна. По-прежнему он не знал, как поступить с той информацией, которой владел.

Однажды на связь с приемной Юта Кале вышел святой отец Егереон, видный религиозный деятель Средиземноморья, автор множества трудов и монографий. Он просил о безотлагательной встрече с правителем Средиземноморья. Лично со святым отцом Кале знаком не был, но он был немало наслышан о нем, читал его труды, а как-то раз правителю довелось присутствовать на религиозном конгрессе, где выступал достопочтенный отец Егереон. И вот теперь святой отец просил о встрече с ним.

Естественно, Ют Кале согласился встретиться с отцом Егереоном. И даже более того, Кале с любопытством ждал этой встречи. Интуитивно он чувствовал, что цель визита святого отца – события, развивающие теперь вокруг них. И ему было небезынтересно узнать, что же может предложить религиозный деятель, коль скоро ученые помочь уже бессильны.

О приходе отца Егереона ему доложили строго в назначенный час, и он появился на пороге кабинета Юта Кале. Тот встал навстречу святому отцу, тепло приветствуя его. Кале старался по его лицу определить, с чем же пожаловал отец Егереон. Но лицо

его ничего особенного не выражало, взгляд по-старчески прозрачных глаз был спокоен и невозмутим. Он слегка склонил голову в ответ на приветствие и опустился в кресло, любезно предложенное хозяином. Несколько мгновений они молча, слегка испытывающе смотрели друг на друга. Кале гадал, начнет ли отец Егереон беседу с главного или приступит к ней издалека. Святой отец заговорил первым.

- Господин Кале, должно быть, я вас весьма удивил своей просьбой об аудиенции. Но я считаю, что повод для этого имею веский и безотлагательный.

- Пожалуйста, говорите, отец Егереон. Я со вниманием вас слушаю.

- Возможно, вам покажется странным то, что я вам скажу. Быть может, даже вы решите, что я не совсем в себе. Но я уверен, обдумав тему всесторонне, вы все поймете правильно.

Отец Егереон замолчал, собираясь с мыслями. Кале безмолвно ждал продолжения его речи.

- Вам, наверное, известно о том, что в Средиземноморье побывал философ-странник, пророк по имени Пришедший.

Кале утвердительно кивнул.

- Простите, я говорю глупости. Конечно, вы не могли об этом не знать. Иначе этот человек не мог бы публично ораторствовать в городе. Мне ведомо, что его выступления были разрешены также правителями многих государств.

- Да, именно так, - согласился глава Средиземноморья.

Кале удивило такое начало их беседы, он не понимал, к чему клонит отец Егереон, и при чем тут, собственно, философ, который странствует с религиозными проповедями по разным землям. Разве может это быть причиной для безотлагательной встречи?

- Так вот, меня заинтересовал этот философ, - невозмутимо продолжил свой рассказ отец Егереон. - Поначалу я был удивлен лишь тем, как ему удается подчинять себе толпу, люди готовы слушать его часами. Как-то я, подобно другим людям, вышел на площадь, чтобы услышать его. Но он уже окончил свою речь. Я хотел, во что бы то ни стало, непременно поговорить с ним, узнать о его взглядах и мыслях. Уже на улице я догнал философа и тех, кто повсюду был с ним. Я пригласил их в свой дом. Они были моими гостями несколько последних недель, из всех тех, что они провели в Средиземноморье. Я не знаю, способны ли люди без подготовки понять его взгляды, и самое главное, разделить их, поверить в них, но я их принял полностью. Скажу больше, они стали именно тем звеном, коего недоставало в цепи моего мироощущения и миропонимания. Как человек мыслящий, в общем-то я правильно смотрел на мир, на его проявления и события, но упущенное звено мешало мне выстроить целостную, логичную систему, объясняющую все, что происходит не только со мной, но и вокруг меня.

- Вы предлагаете и мне выстроить эту систему? - с легкой иронией спросил Кале.

- Да, - серьезно ответил отец Егереон. – Вам она необходима, быть может, даже более, чем любому другому человеку.

Кале вдруг почувствовал разочарование. А он-то думал, что отец Егереон скажет ему что-то важное. Оказалось же, что он пришел всего лишь прочитать ему религиозную проповедь. Но разве в этом нуждался сейчас правитель Средиземноморья? Однако он вынужден был слушать святого отца, ведь не мог же он выставить за дверь всеми уважаемого человека. Рассуждения святого отца были длины и витиеваты, так что временами Кале терял связь его

мыслей – оторвавшись от их течения, и уносясь в свой мир, он, очнувшись, уже запоздало попадал в их поток. Но вдруг с уст отца Егереона слетели слова, вернувшие Кале к действительности.

- Планета готовится уснуть, цикл заканчивается.

- Уснуть? – удивился Кале – Как это уснуть?

- Как я уже сказал вам, все развивается циклами, - терпеливо продолжил свои объяснения отец Егереон, - оказывается, еще древние люди знали о том, что у планеты есть свой век, он состоит из дней и ночей. На заре нового дня зарождается новая жизнь, затем она развивается, проходит все стадии своего развития, после чего, когда день планеты идет к закату, жизнь, да и сама планета начинают медленно угасать. Планета же на новые свои несколько миллиардов лет, составляющие теперь ночь, погрузится в сон, чтобы с зарей на очнувшейся ото сна планете снова начался жизненный виток. Но когда пройдут сто дней и ночей планеты, минет ее век и она будет разрушена Творцом навсегда.

- И что же, вы полагаете, теперь происходит именно это?

- Пришедший считает, что теперь лишь заканчивается очередной день Земли, но не ее жизнь. Но для нас, полагаю, это не имеет особого значения, потому что в отличие от Земли нынешние ее сыны и дщери будут поглощены наступающим закатом.

- Но с чего вдруг мы должны верить этому философу? – вяло возразил Кале. - Разве мало было подобных ему во все времена, разве мало было предсказаний и пророчеств о конце света? Они ведь не сбылись. Ничего из всего этого не сбылось.

- Вы абсолютно правы, те предсказания не сбылись. Библия гласит: …Если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», - не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избран-

ных…

- Вот видите, сказано же – не верьте, – заметил Кале.

- …И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого…

- Солнце померкнет, - задумчиво повторил Кале, - силы небесные поколеблются…

Кале смотрел в ясные, незамутненные ни тревогой, ни сомнениями глаза отца Егереона, и вспоминал свой разговор с доктором Бореем. Доктор, целиком полагающийся на научные изыскания, сказал ему то же, что и теперь говорит отец Егереон, опирающийся на предсказания странствующего пророка. Только использовали они для этого разные слова и термины. Но общий смысл был неизменен. Им не выжить, а уж как назвать это трагическое событие, коллапсом, взрывом, закатом, окончанием цикла, не имеет особого значения.

- Вы считаете, этот пророк и есть Сын Человеческий? – удивленно молвил Кале. – Второе пришествие Христа?

Отец Егереон внимательно взглянул на Кале и ответил, слегка уклончиво:

- Сие мне неведомо. Но святые книги указывают на это.

- О, великий Боже, еще и это! – всплеснул руками Кале. - И что же нам делать со всем этим?

- Господин Кале, вам сейчас нелегко, - сказал отец Егереон, - вам труднее во сто крат, каждого из нас, ибо вам придется быть во главе своего народа до конца. Вам, в отличие от любого простого смертного, нельзя укрыться в своем доме, впасть в отчаяние,

потому что за вами люди. Вы ответственны за них. Когда-нибудь с вас спросится. Есть и еще что-то очень важное. Вы сильный человек, вы сможете помочь слабым не потерять себя, достойно уйти. Когда наступит закат.

- Знаете, святой отец, - тяжело вздохнув, сказал Кале, - наука уже давно подозревает наше Солнце в плохом сюрпризе. Ученые знают о том, что Солнце остывает. Я уже давно знаю об этой секретной хартии астрофизиков. Да и вы, наверное, знаете.

Святой отец утвердительно кивнул головой.

- Но, как смертный, а значит, не очень дальновидный человек, я все еще пытался уверить себя в том, что ничего страшного все-таки не произойдет. Что все останется на своих местах – Солнце, небо, звезды, люди. Ну, знаете, когда человек уже болен и дни его сочтены, а он все еще продолжает цепляться за жизнь, все еще делает вид, будто ничего не происходит. И только потом, когда уже идет разрушение всего организма, он перестает сопротивляться своей участи. Так, наверное, и мы. Мы еще не верим, еще не осознаем, что смертельная болезнь рядом, мы еще пытаемся вести свою обычную жизнь, суетимся, хлопочем о чем-то своем привычном. Нам уже едва ли не в открытую говорят, что это конец, надо готовиться, а мы все еще думаем, что нет, мы еще поживем.

- Когда-нибудь мы это поймем, - спокойно молвил отец Егереон. - Сей миг еще нет, но после обязательно. Пусть не все. Да всем, наверное, и не нужно, по крайней мере, не теперь. Но иные поймут.

- У вас есть, что мне предложить, святой отец?

- Да, поэтому я здесь.

Отец Егереон немного помолчал, словно собираясь с мыслями или подбирая нужные слова.

- Люди нуждаются в поддержке, - продолжил он. - Вместе легче пережить даже и смерть. Это мудрость от века. Пока есть время, стройте укрытия, общественные дома с теплом и пропитанием. Там надо собрать все запасы продовольствия, какие есть в государстве.

- Мы начали делать это, - сказал Кале.

- Правда? – обрадовался святой отец. – Значит, я опоздал со своими советами.

- Нет, вы пришли вовремя. Мы делаем это, но остаются сомнения. Разве так мы кому-то поможем?

- Безусловно. Собрав людей, отчаявшихся, нуждающихся в материальной и моральной поддержке, мы укрепим их души знанием, что это не конец. Что конец жизни – это начало новой. Имеющий уши слышать, да слышит. Что же касается моральной поддержки, то я готов стать пастырем для народа Средиземноморья, готов поделиться с ним тем, что узнал от Пришедшего, что знаю сам. Главное, быть внутренне готовым к тому, что нам всем предстоит.

После ухода отца Егереона Кале сидел, не двигаясь, обдумывая то, что он узнал святого отца.

В кабинете появился Артур Дорель. Он с любопытством взглянул на Кале.

- Говорят, у вас побывал отец Егереон?

- Да. Я узнал много интересного. И что самое удивительное, наука и религия теперь, похоже, за одно.

Кале вкратце рассказал своему помощнику обо всем, что он услышал от отца Егереона, включая и странствующего пророка. Дорель, по своему обыкновению, слушал внимательно и вдумчиво, не перебивая никакими уточняющими вопросами. Кале видел, как

все задумчивее становятся глаза Артура.

- Меня настораживает этот Пришедший, - признался Кале, - его влияние на отца Егереона. Возможно, не следует его слова воспринимать так уж всерьез.

- Да нет, думаю, вы неправы, - возразил Дорель.

- Почему? Вы что же тоже встречались с ним? – удивился Кале.

- Нет, но слышал, о чем он говорит.

Кале с недоумением посмотрел на своего помощника.

- Я слышал его выступление на площади, кажется, это была площадь Революции, - пояснил Дорель. – Наверное, вы будете удивлены, но мое присутствие там не было случайным, я нарочно туда пошел, чтобы узнать, о чем говорит этот человек.

- Откуда в вас такой интерес к провидцам?

- Как и любого человека, меня волнует то, что происходит вокруг. Пусть у меня нет семьи, но и собственная участь мне небезразлична. А то, что творится теперь с природой, может свести с ума любого человека. Я хотел разобраться.

- И что же, Пришедший говорил о конце света? – решился затронуть самую больную для себя тему Кале. – Он говорил, что подходит к концу день, приближается ночь?

- Нет, этого он не говорил.

- Не говорил? – удивился Кале. – О чем же он тогда говорил?

- Он говорил вообще, - Дорель сделал какой-то неопределенный жест рукой, - о людях, о Боге, он называл его Единым Богом, о вере, о спасении души, и еще много о чем. Но говорил он так, что прямо мурашки по коже.

- И что же, он так и не обмолвился о конце света? – допытывался Кале. - А как же отец Егереон? Он-то уверяет меня в том, что это собственные слова Пришедшего.

- Ну, это ведь совсем не означает, что Пришедший не мог сказать этого святому отцу в приватной беседе, - возразил Дорель.

- Но почему в приватной? – недоумевал Кале. – Если он пророк, он должен говорить свои пророчества людям.

- Полагаю, что не всё и не всем можно сказать. Тайны должны быть всегда.

Кале задумался. До него вдруг стал доходить смысл, до этого постоянно ускользавший от него. Ну, конечно, как же он этого сразу не понял. Ни один здравомыслящий человек не станет манипулировать такими страшными вещами, широко распространяя их среди людей. А этот Пришедший, видимо, и впрямь великий человек. В отличие от него, недальновидного и через чур прямолинейного, но зато, словно в насмешку, наделенного огромной властью и обязательствами перед своим народом.

- Знаете, Артур, мне пора в отставку, я, видимо, уже слишком стар для этого поста, - Кале, наконец, тяжело поднялся и стал ходить вдоль кабинета. – Это называется, старческое помешательство или что-то в этом роде.

Дорель рассмеялся, ему показалось забавным, что Кале, которому не было еще и пятидесяти, относит себя к старикам.

- Нет, вы напрасно смеетесь, – воскликнул он. – Вы не представляете, сколько времени я потратил на размышления о том, не сказать ли мне моему народу всю правду. Всю, всю правду. Я хотел вылить на них всю эту чертовщину – про Солнце, про холод, про этот треклятый белый карлик. А что, пусть разбираются, как могут. Пусть сходят с ума, мечутся в панике. Пусть! Главное, я выполню свой долг и скажу правду. Вот ведь я какой смелый и честный. Никто не может сказать правду, а я могу. Глупец!.. Господи, какой же я глупец!..

- Перестаньте, господин Кале, я вас прошу, - Дорель поднялся навстречу правителю. – Нелегко вот так сходу разобраться сразу во всем, когда такое вдруг сваливается на тебя. Нелегко понять, каким же путем пойти.

- Но другие-то, по крайней мере, не отважились на такую глупость, - продолжал сокрушаться Кале.

- И вы не отважились, и у вас были сомнения. А, что касается других, кто знает, может быть, именно теперь они как раз об этом думают.

Наступило молчание.

- Господин Кале, а святой отец приходил только затем, чтобы рассказать вам о пророчествах? – спросил Дорель.

- Да нет, не только. Он предлагает свой план действий.

- И каков же он?

- Он похож на наш. Отец Егереон предложил собирать людей в убежищах или общественных домах, специально построенных для этой цели. Там должны быть запасы питания и топлива. Святой отец придерживается того мнения, что вместе легче и смерть принять.

- Ну вот, видите, значит, мы на правильном пути, - улыбнулся Дорель.

- Да, будем как-то выживать, что еще нам остается, - вздохнул Кале. – И вот что удивительно. Я все время об этом теперь думаю. Миллиарды лет человек воспринимал планету и Солнце, как что-то постоянное, непоколебимое, данное Богом навсегда. Человек знал, что Земля и Солнце дают питание и тепло. Так было и так должно было быть, по человеческому разумению. Никто, наверное, и не задумывался, что все кончается. Конец есть у всего. Так и остался не изобретенным вечный двигатель, а сколькие старались, потому

что вечного ничего нет. Так почему же люди не думали о том, что и Земля с Солнцем не могут быть вечными, почему они не готовились к этому?.. Почему мы не готовились к этому?..

А я вам скажу, почему. Потому что самонадеянный человек, возомнивший о себе бог весть что, считал себя едва ли не творцом всего и вся. Он полагал, что ему все подвластно, что он сможет подчинить себе любые силы природы, создать, что захочет, и разрушить, что ему не по нраву. Мы много учились, мы многое узнали, но главное так и осталось скрыто от нас. Мы даже и не пытались. Мы так и не узнали самого главного - себя, свою суть, свою душу. Кто мы, зачем приходили сюда, и куда отправимся после. Мы не хотели этого знать, мы спешили жить, занимались какими-то делами, суетились, уезжали и возвращались. А зачем? Мы об этом никогда не спрашивали себя. И теперь, когда пришла эта общая наша беда, мы растерялись, мы ни черта не понимаем, что происходит, и что нам теперь делать.

- Да, с этим не поспоришь, - усмехнулся Дорель.

Наступило молчание.

- Ну ладно. Пока еще не наступил этот коллапс, будем работать. Сейчас у нас главное эвакопункты.

Кале, до этого нервно мерящий шагами свой кабинет, подошел к рабочему столу, при его приближении вспыхнул ярким белым светом плоский плафон. Он достал свой электронный блокнот, ткнул несколько раз в разные значки, открылись скупые записи, он бегло их прочел.

- На сегодня у нас с вами поездка по мегаполису. Мы должны осмотреть то, что предлагают архитекторы.

- Да, - подтвердил Дорель, сверяясь со своим электронным блокнотом. - А расширенный координационный совет у нас назна-

чен на завтра.

- Знаете, давайте проведем его сегодня. Сколько времени понадобится, чтобы всех оповестить?

- Полагаю, двух часов хватит, - ответил Дорель, вводя в свой блокнот распоряжения главы Средиземноморья.

- Прекрасно. Значит, к ночи мы уже сможем собрать всех в конференц-зале южного крыла резиденции. За работу, дорогой Артур. Да, и спасибо вам огромное за поддержку.

Кале крепко пожал руку своему помощнику и тот, немного смутившись, быстро покинул кабинет.

Глава XI. Молчание гор

Ани очнулась от холода и боли. Стояла зловещая тишина. Уже опустились серые сумерки. В этой тусклой и унылой серости даже ее собственные руки, судорожно сцепленные на штурвале мобиле, казались ей призрачными, почти нереальными. Осознание самое себя возвращалось к ней медленно. В голове звенело множество колокольчиков, они пели на все голоса, отвлекая ее от себя самой. И все же, ощущая боль в спине, она отняла голову от пилотского кресла и осмотрелась вокруг. Почти закрывая небо, со всех сторон ее обступали горы. Вокруг царило безмолвие. Ани окончательно пришла в себя и поняла, что, замкнутая в своей мобиле, как в каменном саркофаге, она оказалась затерянной где-то в безмолвных горных глубинах.

В первые мгновения этого страшного осознания она сидела, не двигаясь, объятая ужасом и смятением. В голове шумело, мысли носились беспорядочной стаей от одного события к другому. Однако была в этом хаосе мыслей одна, подавлявшая другие, мысль о том, что ей уже не выбраться. Наверное, именно она приходит к человеку, живому и здоровому, еще вчера радовавшемуся белому свету, а теперь навсегда скрытому от живых, похороненному заживо. Что бы только он не отдал, чтобы вновь ступить на землю, оказаться среди других людей, почувствовать свое единение с ними. Но он не может. Ему не вырваться из этого смертельного плена. Чья-то злая воля стала тому преградой.

Ей казалось, что откуда-то из темной прозрачности лобового стекла на нее смотрят глаза Юрга, полные ненависти и мести.

- Господи, но зачем, почему он сделал это? – простонала она.

Ее голос страшно прозвучал в тишине. Она сама испугалась его.

Зачем она вопрошала, разве она не знала ответа? Теперь знала. Теперь, когда так преступно оказались развенчанными все ее надежды и мечты. И значит, она должна перед смертью взглянуть правде в глаза.

Ани не помнила, когда именно она начала догадываться о существовании еще одного Юрга, с кем она никогда не была знакома. В общем-то, особо он не изменился с тех пор, как они заключили свой союз, был все также внимателен и нежен, но вскоре после венчания появилось в нем что-то, чего раньше она не замечала. Цветов больше он ей не дарил. Нередко теперь он бывал рассеян. Говоря с ним, она вдруг замечала его отсутствующий вид и странный мечтательный взгляд, как если бы он думал о чем-то приятном и заманчивом, притягательном лишь для него одного. Случалось, он подолгу отсутствовал. Она возвращалась домой, а его еще не было.

Как-то раз, когда это произошло впервые, она связалась с господином Радде, чтобы узнать, все ли в порядке в концерне отца, когда же Радде отпустит своих подчиненных. Но к удивлению Ани Радде ей сообщил, что господин Юрг предупредил его о болезни и на работу не вышел. Ани почувствовала себя крайне неловко, но поддержала ложь, сказала, что, должно быть, Юрг отправился к доктору. С пылающим лицом она отключила связь, и решила для себя, что чтобы ни случилось, она никогда больше не будет его разыскивать. Вскоре Юрг вернулся домой, был весел и оживлен, сказал, что ездил договариваться с выставкой для своих картин. После ужина он подошел, чтобы поцеловать ее на ночь, он накло-

нился, и она почувствовала незнакомый, сладковатый аромат.

Ани не знала, верить ей ему или нет. Ее настораживали его отлучки, но она ни за что не хотела выяснять отношений, устраивать сцен, допытываться, есть ли кто-то у него. Она боялась полностью разочароваться в нем. В ту пору Ани создавала свое архитектурное агентство, и она с головой ушла в работу. Теперь они стали видеться совсем мало, больше по вечерам, за ужином. Ани не знала, чем он занимается, ходит ли на работу, пишет ли дома картины, или, быть может, уезжает куда-то. Она не спрашивала, избегала разочарований, а может быть, она просто прятала голову в песок, чтобы не видеть реальности, чтобы жить в своем вымышленном мире, где были любовь и счастье. Иногда украдкой она заходила в его мастерскую и видела, что на картину, начатую еще несколько месяцев назад, так и не лег ни один мазок. Она тяжело вздыхала и уходила к себе.

Недавно между ними впервые произошла ссора, даже не ссора, ведь она-то в ней не участвовала. Это был, скорее, всплеск гнева и ненависти, его ненависти. Тогда она обожглась о его взгляд, в котором полыхало пламя. Она испугалась. Но почему не сделала никаких выводов, не приняла решения? Нет, она и тогда нашла отговорку, объяснение, глупое и вздорное, лишь бы не смотреть правде в глаза. Она решила, что работа в концерне ему не подходит, что ему нужно творчество, выставки, встречи, путешествия. Она была согласна на все, лишь бы удержать его. Разве мало ей было глаз Юрга, которые так выразительно тогда смотрели на нее? Какие еще ей нужны были доказательства? В тот миг он и был самим собою, единственно настоящим Юргом, без прикрас и ретуши.

И все-таки она снова и снова покупалась на его ложь. Напри-

мер, в тот день, когда состоялся этот разговор, изменивший всю ее, отвернувший ее от жизни к смерти. Зачем, зачем она тогда поверила ему? Господи, зачем, зачем?! Теперь от бессильной ярости ей хотелось бить и крушить все, что только было под рукой, а тогда она раскисла от его фальшивой нежности и любви, принятых ею за истинные.

И в один миг все произошедшее с нею яркой картиной всплыло перед глазами. Вот они каждый в своих мобиле приземляются в пожухлую траву неподалеку от коттеджа у подножия заснеженной горы. Она выбирается из машины и с восторгом осматривается вокруг. Ани с удовольствием вдыхает чистейший горный воздух.

- Как тебе дом? – спросил с улыбкой Юрг, махнув рукой в сторону коттеджа из белого камня.

У Ани загорелись радостью глаза.

- Сказка!

- Хочешь взглянуть?

- Конечно.

Юрг взял ее за руку и повел к дому. У входа он приложил ладонь Ани к датчику на входной двери.

- Ты снял дом на мое имя? – удивилась она.

- Да. Это сюрприз.

- Отлично.

А потом он показал ей дом, представил его так, словно он и вправду собирался провести здесь вместе с Ани выходные дни. Она поразилась, как же убедительно он лгал. Зная точно, что через короткое время ее уже не будет в живых, он спокойно смотрел ей в глаза и дарил нежные улыбки.

- Ты проголодалась? – спросил Ани Юрг. – Давай здесь поза-

втракаем.

- Нет. Мне не терпится отправиться в горы.

- В горы?.. Ну что ж, не будем откладывать задуманное. Начнем сразу с главного.

Наверное, именно в этих его словах был скрыт настоящий смысл, но она, естественно не могла его распознать, ведь она безоглядно верила ему.

- Да, сначала дело, а потом отдых, - сказала она.

- Конечно. Это девиз настоящего делового человека. Правда?

Она помнила, что недоуменно посмотрела на него, в этих его словах ей почудился иной смысл. Но Юрг ничем не выдал себя. Он легкой походкой подошел к окну, за которым видны горы.

- Смотри, какая красота, - непринужденно сказал он ей. - Ну что полетели туда? Там нас ждет нелегкая работа.

- Полетели, - легко согласилась она.

Потом она вспомнила, как они приземлили свои мобиле на плато, живописно свисавшем к огромной горной пропасти. Юрг по связи ей сказал, что хотел бы на этом месте немного поработать. Она в ответ улыбнулась и махнула рукой. Ани приземлилась позже, решив прежде, пока Юрг устраивает все для работы, еще полюбоваться в полете на горы с их заснеженными вершинами. Величественная и завораживающая картина открылась ее взору в полете. Она с восторгом смотрела на эти горы, дремавшие здесь от века. Но Юрг позвал ее, и она осторожно посадила свою машину на краю плато.

Она еще не успела отключить систему безопасности, державшую ее тело в фиксированном положении, как вдруг почувствовала, что ее мобиле чуть вздрогнула и начала медленно сползать к краю пропасти. Инстинктивно ее рука метнулась к при-

борам управления, чтобы завести двигатель, но в этот миг она увидела в боковом стекле серое лицо Юрга. Она даже не поняла сначала, что он делает, подумала, что пытается ее удержать. И только встретившись с его взглядом, в котором пылала дикая ненависть, она поняла, что он толкает ее к пропасти. Собственными руками он собирается сбросить ее в зияющую пустоту. Она растерялась и потеряла драгоценные мгновения, которые еще могли бы ее спасти. Оцепенение сковало ее всю. Не в состоянии пошевелиться, она, как завороженная, неотрывно смотрела в его глаза.

Мобиле, пронзительно шаркнув краем кабины о гранитное плато, устремилась кубарем вниз. Она помнила страшную круговерть перед глазами. Тело Ани было прочно прикреплено ремнями безопасности к пилотному креслу. Видимо, это ее и спасло. Потом удар и наступило небытие. Ее будто не стало на этой земле. И вот она опять здесь, она вернулась, раздавленная и уничтоженная ненавистью и подлым предательством.

Она все силилась связать воедино ускользающие обрывочные мысли и образы, чтобы понять, что же такое она ему сделала, почему он так поступил с ней, с ней, которая так сильно его любила. К ней пришло четкое осознание того, что он ХОТЕЛ ее смерти, он думает, что она умерла. Он думает, что уничтожил ее. Но зачем ему это?

И тут к ней пришло озарение. Он ведь в последнее время был недоволен своей работой, своей зависимостью от нее, от ее отца. Видимо, так он хотел стать хозяином своей жизни, стать хозяином ее дела, ее денег, ведь в случае ее смерти все бы перешло к нему. Наивный! Он даже не удосужился узнать, на чьи же деньги он живет. Архитектурное агентство, как и все остальное, все принадлежало ее отцу, Филиппу Бине. Она просто управляла его

имуществом. И только после его смерти Ани должна была стать полноправной хозяйкой богатства Филиппа.

И вот из-за этого она здесь!? Из-за всех этих игрушек висит на волоске ее жизнь!? В ней проснулась ярость, та ярость, которая способна собрать тающие силы и бросить их все на борьбу за жизнь. Нет, она не может умереть. Она не может умереть из-за прихоти глупого и никчемного человека, в котором она так жестоко ошиблась.

Ани огляделась по сторонам. Она сумела разглядеть, что ее покореженная машина лежит на выступе горы, подобном тому, с которого ее сбросил Юрг. Видимо, в этом было ее временное спасение. Не окажись этой горной площадки, лежать бы ей сейчас на самом дне горного ущелья. Должно быть, прошло уже немало времени, свет почти совсем померк, надвигалась ночь. В машине стало холодно. Она ясно представляла себе, что произойдет с нею всего лишь через несколько часов. Никто не мог прийти ей на помощь. Лишь горы, далекие и холодные, молча смотрели на нее.

И тогда в ее воспаленном мозгу, где беспорядочные мысли все еще искали путь к спасению, всплыл образ отца. Она вспомнила, что однажды отец с сердечным приступом попал в госпиталь. Но самое страшное было то, что приступ его застал, когда он собирался взлететь с ангара своего концерна. Время было позднее, никто его не сопровождал, в машине он был один. По его словам, боль была так сильна, что он не мог пошевелиться. Ему удалось нащупать какую-то кнопку где-то на панели управления, которая и была предназначена для того, чтобы послать на пульт спасательной службы сигнал бедствия. Помощь подоспела вовремя.

Ани с отчаянием стала, что есть сил давить на все кнопки, какие попадались ей под руку на панели управления. Но ни одна

из них не отозвалась в ответ. Ее рука обессилено сползала, все еще цепляясь за выпуклости клавиш управления, как вдруг пальцы нащупали одну, что была больше и объемнее других, они задержалась на ней, что-то щелкнуло и открылась небольшая крышка, под нею оказалось металлическое отверстие с какими-то бумагами. Ани вытащила их оттуда, она очень близко поднесла их к глазам, чтобы в сумерках суметь их рассмотреть. Это было нечто похожее на руководство по управлению мобиле. Она удивилась: бумаге теперь мало кто доверяет. Но, может быть, кто-то дальновидный положил их сюда как раз на случай аварии, когда питание мобиле не работает, и нет доступа к бортовым компьютерам.

Перед глазами Ани прыгали буквы и знаки. Похоже, это было описание блоков и узлов ее мобиле, она беспомощно скользила взглядом по листам, не находя ничего из того, что могло ей пригодиться. И вдруг перед ее глазами промелькнули слова: аварийное питание. С безумной надеждой она впилась в текст глазами, но смысл ускользал от нее. Она еще и еще вчитывалась в какие-то слова, но безрезультатно. Читать становилось все труднее, темнота вокруг нее сгущалась. И тогда она последним усилием воли сконцентрировала все свое сознание на нужных, таких необходимых для нее символах. Чтобы не потерять сути, она решила действовать постепенно, точно следуя тому, что было написано. Время уходило, пока она, то и дело теряя текст, отыскивала нужные клавиши и указатели. Она полностью выбилась из сил и уже почти отчаялась, едва отыскав последнюю из указанных клавиш.

И вдруг мобиле вздрогнула, и вся озарилась ярким светом. Он ослепил Ани, так что она даже закрыла глаза руками. Она знала, что только система связи может ее спасти. Но она боялась прикоснуться к ней, понимая, что в сей миг решается ее судьба. Решается,

быть ей живой или умереть, мучительно и жутко. Надо рискнуть. Пока еще работает аварийное питание. Дрожащими, холодными пальцами она тронула панель включения бортового компьютера. Она бросила полный безумной надежды взгляд на монитор, но тот остался серым. Она со всех сил давила пальцем панель включения. Но ничего не происходило. Бортовой компьютер не работал. Ани охватила дикая ярость. Она со всей силы била руками пульт управления и кричала:

- Сволочь!.. Сволочь!.. Дрянь!..

Потом она уронила голову на руки и разрыдалась.

Глава XII. Растерянность и отчаяние

В этот вечер Дария и Филипп Бине против обыкновения были дома еще засветло. Выходные они нередко посвящали работе, встречались дома за ужином или отправлялись в ресторан. Но сегодня в выходной Филипп почему-то не стал задерживаться у себя в концерне. Как-то неуютно и тревожно было нынче его сердцу.

Вообще-то с утра день начался строго по плану. Филипп из своего рабочего кабинета провел видеосовещание с участием всех топ-менеджеров. За неделю накопилось немало производственных вопросов, которые нельзя было отложить на потом. Он начал видеосовещание с вопроса об отгрузке готовой продукции. Несмотря на все усилия, эта тема остается злободневной в любое время года.

- Как идет работа по обеспечению заявок? И в частности, заявок наших зарубежных партнеров? Успеваете?

Ответ руководителя отдела поставок порадовал его:

- Сейчас уже справляемся. Задействовали все свои летательные аппараты, кроме того, еще нашли поставщика под аренду аппаратов.

- Кто этот поставщик?

- Концерн Михаэля Тропоса из федерации северных стран.

- Далековато.

- Из соседей все заняты.

- Понятно. Хорошо.

- Всё под контролем, господин Бине. Не волнуйтесь.

- Отлично, - ответил Филипп.

На мониторе появилось изображение сразу нескольких людей, участвующих в видеосовещании. Среди них – господин Радде, отвечающий за новые разработки концерна. И Филипп вспомнил, о чем еще хотел спросить.

- Да, вот еще что. Что с новой серией косметики? Дата презентации назначена, господин Радде?

- Пока нет. Еще работаем.

- На чем остановились?

- Держит только упаковка.

- Надо поспешить. Мы не можем стоять на месте.

- Хорошо, господин Бине. Мы постараемся, - заверил Раде Филиппа.

После совещания Филипп с удовольствием выкурил хорошую сигару. На связь вышла Дария. Она уже закончила свои дела. Филипп обратил внимания, что вид у его жены, обычно всегда прекрасно выглядевшей, был очень усталый.

- Привет, дорогой, - сказала Дария.

- Привет, - с улыбкой ответил Филипп. - Как ты?

- Нормально. Ты обедал?

- Еще нет, думал, ты составишь мне компанию.

- Хорошо.

- Встретимся в нашем ресторане?

- Знаешь, я что-то немного устала. Давай пообедаем дома? Ты не против?

- Нет, я только за. Ну тогда я предупрежу Даниила.

- Хорошо. Пока, дорогой.

И все-таки что-то в этот день было не так. Отчего-то тревожно

было ему. За обедом Дария тоже была сама не своя. Они почти не прикоснулись к еде. Необычно тихо было за столом.

- Дорогая, ты здорова? – первым нарушил напряженную тишину Филипп

Дария подняла на него глаза, такие же темные, почти черные, как у Ани, и сказала:

- Да, я в порядке.

- Но что-то не так?

- Что-то не так, - вздохнув, согласилась Дария.

- Что же?

Дария вздохнула:

- И сама не знаю. Сердце что-то не на месте.

Они помолчали.

- Ты, кажется, говорила, что вчера разговаривала с Ани? – вновь спросил Филипп.

Дария говорила медленно, через силу, с трудом роняя слова.

- Да. Она связалась со мной сама. Она была такая веселая, прямо ее не узнать.

- Веселая? Почему? Что-то случилось?

Дария внимательно посмотрела на Филиппа.

- Ты думаешь, что-то случилось с Ани? – со страхом спросила она.

- Да нет, ничего я не думаю. Просто тебя спрашиваю.

- А ты знаешь. Я вот только что вспомнила. Она ведь сказала, что они собираются в горы.

- В горы? – с тревогой переспросил Филипп.

Дария молча смотрела на мужа, ее лицо стало еще бледнее после того, как она уловила тревогу мужа. А Филипп и сам не знал, почему вдруг от этого сообщения так сжалось сердце. Наверное,

потому что он никогда не доверял своему зятю. Вот и сейчас ему не верилось, что эта вылазка в горы могла быть невинным путешествием. Какие горы в такую-то погоду? Никто туда уже давно и носа не кажет. А все он, этот мерзавец. Ох, чует его сердце, что без него здесь не обошлось. Неужели он что-то задумал?

- Может, связаться с Ани? – предложил Филипп.

Дария немного оживилась:

- И, правда, давай.

Дария бросила быстрый взгляд на монитор видеотелефона, находившийся в поле ее зрения. Пошел сигнал вызова, но экран оставался серым. Связи с бортом Ани не было.

- А домашний номер, - подсказал Филипп.

- Да-да, точно.

Ее нетерпеливый взгляд вновь упал на монитор. Произошло соединение и загорелся экран. Они оба воодушевились, но уже в следующий миг их охватило горькое разочарование. На экране они увидели горничную Ани, биоробота Лилию.

- Будьте добры, Лилия, пригласите госпожу Ани, - сказала Дария.

Ответ горничной окончательно расстроил родителей Ани.

- Сожалею, но госпожи Ани нет. Она вместе с господином Юргом улетела в горы. Ей что-то передать?

Филипп и Дария обменялись обеспокоенными, полными тревоги взглядами.

- Нет-нет, ничего, - растерянно произнесла Дария.

Экран погас. А вместе с ним, как будто погасла и их надежда. Супруги Бине молчали, каждый из них боролся со страхом в душе, они боялись, что уже никогда больше не увидят свою дочь.

- Я знаю, что нам делать, - решительно сказал Филипп.

Дария вопросительно смотрела на мужа.

- Надо вызывать спасателей.

- Ты думаешь, что Ани, - она не договорила страшные слова и замолчала.

- Нет, я не думаю. Но надо, чтобы они нашли ее, определили место, где она находится.

Филипп поднялся и подошел почти вплотную к монитору, он смотрел на него с безумной надеждой. Соединение произошло в считанные секунды, и супруги Бине увидели молодого мужчину в форменной одежде диспетчера спасательной службы.

- Господин Бине, вы не знаете хотя бы примерно, куда могла отправиться ваша дочь? – спросил диспетчер после выяснения всех обстоятельств дела.

- Нет, она не сказала.

- Навигатор не находит ее машину. Должно быть, система отключена.

Дария закрыла лицо руками.

- Погодите! – воскликнул Филипп. - А ее муж? Она была с мужем. Может быть, его машину можно найти?

- Номер машины подскажете?

Филипп силился вспомнить:

- Номер… Номер… Черт его знает, какой у него номер…

- Хорошо, минутку. Найдем по имени. Не отключайтесь, - сказал диспетчер, отводя взгляд к поисковой системе.

Дария и Филипп замерли в ожидании.

- Есть. Вижу ее.

- Где? Где это? Далеко? – взволновался Филипп.

- Нет, недалеко. Район ресторана «Лотос».

Филипп и Дария, пораженные услышанным, смотрели друг на

друга, не зная, что предполагать, не зная, что думать.

Глава XIII. Последний шанс

Прошло время и Ани затихла. Она перестала плакать, мысли беспорядочно роились в ее голове, перескакивая с одного на другое. Становилось все холоднее. Изморозь затягивала потрескавшиеся стекла ее борта. Она дыханием старалась согреть посиневшие от холода пальцы. Свет заморгал и стал тускнеть. Ужас ледяными щупальцами сжал ее сердце, она поняла, что совсем скоро он погаснет. Ей придется принять смерть в кромешной тьме и холоде. Она почувствовала, как в ее душе паника сменилась яростью, мысли ускорили свой бег. Нет, она не может умереть здесь, в этой каменной ловушке. Она не может. Надо что-то придумать. Она должна что-то придумать. Дома ее ждут родители, ее гибель убьет их.

Она заговорила вслух сама с собой. Так ей было проще сконцентрироваться.

- Спокойно… спокойно… ладно… двигатель не работает… ладно… и черт с ним… зачем он мне сдался… лететь я все равно не могу… лететь я не могу… ладно… но что-то же должно работать… что-то должно работать… что-то обязательно должно работать…

Она грела дыханием пальцы и напряженно смотрела на панель управления. Освещение моргнуло еще раз. Ани испуганно сбросила глаза вверх к осветительным приборам. Свет стал еще глуше. Она вдруг почувствовала резкое головокружение, тошнота подступила к горлу. Ани положила голову на спинку кресла лицом к противоположной двери и устало закрыла глаза. Свет замигал

вновь, она вновь взглянула на приборы освещения. И в это время ее взгляд наткнулся на маленькие белые буквы АБ, видневшиеся на синем. Это был ее рабочий портфель с персональным компьютером.

Она вдруг ясно вспомнила, как обнаружила свой забытый в мобиле портфель, когда она села в машину утром, чтобы лететь в горы.

- Растеряха, - попеняла она тогда сама себе и засунула портфель в карман двери.

Глаза Ани загорелись безумной надеждой.

- Господи, я спасена!.. Я спасена!..

Она лихорадочно освободилась от ремней безопасности, и потянулась к двери. Порывистыми движениями достала портфель, вынула компьютер. Она положила его на колени и вдруг ее охватил ужас, он сковал ее всю. Ани знала, что этот была ее последняя надежда, последний шанс. И другого уже точно не будет.

Она осторожно открыла компьютер, вперила взгляд. Монитор от ее взгляда не загорался. Это ничего, попыталась успокоить она себя, есть еще сенсоры. Но она не могла заставить себя коснуться их. Она оставалась неподвижной, боясь неудачи. Освещение в салоне опять замигало. И Ани решилась. Осторожно она дотронулась рукой сенсора. Секунды ей показались вечностью. Но вот она увидела значок загрузки. Значит, компьютер работает. Слава Богу, он остался цел. Но расслабляться еще рано. Ани следила за загрузкой напряженным горящим взглядом.

- Давай! Ну давай же! - шептала она.

Компьютер загрузился и работал в штатном режиме. Теперь ей надо было установить связь со спасателями. Она нашла нужный символ и ткнула в него. Вновь пошла загрузка. Значок плавал в

виртуальном пространстве, а она не спускала с него глаз.

- Связь установлена, - раздался голос компьютера. – Просьба передать ваше сообщение. Пожалуйста, передайте ваше сообщение.

Этот звук заставил сердце радостно встрепенуться, кровь сильнее пульсировала в ее теле, внутренний жар вдруг охватил ее.

Ее голос, раздавшийся в кабине мобиле, звучал неестественно и напряженно. Она сама не узнавала его.

- Борт 545-й терпит бедствие!.. Борт 545-й терпит бедствие!.. Ответьте борту 545!..

Ани замолчала. Наступила тишина, никто не ответил ей.

- Ответьте борту 545!.. Ответьте борту 545!..

И вдруг на экране появилось изображение диспетчера спасательной службы. Ани едва сдержалась, чтобы не закричать от радости.

- 545-й, слышу вас!.. Что случилось с вами?..

На ее глазах выступили слезы, она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

- Авария… в горах…

- Как вы, 545-й?

- Немного ранена, - превозмогая сильнейшее волнение, сказала она. - Но ничего… ничего страшного…

- 545-й, ваши координаты установлены. Держитесь, помощь спешит к вам. Держитесь, 545-й!

- Да-да… Я… я постараюсь…

Экран погас. Силы покинули Ани, она откинулась на спинку кресла. Больше не было причин сдерживать себя. Слезы потоками полились по ее лицу.

Глава XIV. В конце восьмого вечернего часа

В доме супругов Бине стояла напряженная тишина. Дария и Филипп так и не ушли из столовой. Они сидели друг напротив друга за столом, с которого незадавшийся обед уже был давно убран. Вместо блюд на столе стояли флаконы с лекарствами, стакан и сосуд с водой. Дария нервно сжимала в руке носовой платок, время от времени поднося его к покрасневшим от слез глазам. Сердце Филиппа, и без того надорванное трагизмом ситуации, в которой оказалась его дочь, разрывалось еще и от жалости к жене.

Они почти не говорили, слова не шли. Только время от времени растерянно смотрели друг на друга, будто спрашивая взглядом, что бы еще придумать, что бы предпринять, чтобы помочь своей единственной дочери. Им, как воздух, был нужен ее голос. Только бы им его услышать! Тогда сразу свалился бы с души этот камень тоски и отчаяния. Но чем больше проходило времени, тем все тягостнее была тревога, тем меньше, как им казалось, оставалось надежды на то, что они вновь услышат свою дочь и увидят ее живой и невредимой.

Где-то в половине восьмого вечернего часа дворецкий доложил о том, что прибыл господин Юрг.

- Юрг? - едва ли не в один голос воскликнули они.

Дворецкий горестно кивнул и ушел. Вскоре появился Юрг с хмурым, печальным лицом и странным блуждающим взглядом.

- Что?.. Где Ани?.. Что с ней?.. – Дария и Филипп бросились к

нему, все еще надеясь на чудо.

- Простите!.. Простите меня, я не уберег Ани!.. – воскликнул Юрг.

Дария тихо осела на стул и уронила голову на руки.

- Что с ней? – не своим голосом спросил Филипп.

- Мы… мы… были в горах… ее мобиле… машина… потеряла управление… она упала… она упала… в пропасть…

Филиппу показалось, что у него останавливается сердце. Страшные слова Юрга набатом бились в голове. Он едва мог владеть собой. И только мысль о Дарии, которой, он был уверен, не пережить этого горя, только эта мысль заставляла его контролировать себя.

С Дарией было плохо. Она медленно сползала со стула. Сознание оставило ее. Филипп подхватил ее на руки.

- Доктора! – сверкнул он глазами в сторону Юрга. – Быстро доктора!

Филипп понес жену в гостиную, уложил на диван. Потом подумал, надо бы в спальню. Хотел нести ее снова, но передумал. Но силы изменили и ему. Мысли путались. Он опустился в кресло рядом с диваном, где с бледным лицом лежала Дария.

Вбежал дворецкий Даниил в сильнейшем волнении. Он бросился к Филиппу.

- Господин Филипп, врач будет тот час же. Вы не волнуйтесь.

Филипп кивнул головой Даниилу. Он не мог сейчас ни с кем разговаривать. Даниил с поникшей головой вышел из комнаты понурой старческой походкой.

Вскоре прибыл их семейный доктор, господин Август. Он спешно поздоровался с Филиппом и принялся осматривать Дарию.

- Доктор, она без сознания, - сказал Филипп. – Мы не знали,

что надо делать.

- Ничего страшного, госпожа Дария уже приходит в себя.

- Ей будет очень больно.

- Понимаю. Я введу ей легкое снотворное и успокоительное.

- Да-да, доктор, пожалуйста.

В гостиной вновь появился Даниил, он принес плед. Когда доктор Август ввел Дарии лекарство и принялся укладывать лекарства в свой портфель, Даниил бережно укрыл Дарию пледом и приглушил свет лампы.

- Госпожа Дария проспит несколько часов, - сказал доктор Филиппу. – Пока не надо ее беспокоить.

- Хорошо, - сказал Филипп.

- Держитесь, Филипп. И надейтесь на лучшее.

Филипп ничего не ответил, только крепко пожал доктору руку.

- Ушел этот мерзавец? – спросил Филипп Даниила, когда доктор скрылся за дверями.

- Нет, господин Филипп, ваш зять все еще в гостиной.

Лицо Филиппа потемнело от сдерживаемой ярости.

- Хорошо, пойду потолкую с ним.

- Я пойду с вами, - поспешно засеменил вслед за Филиппом Даниил.

Филипп остановился и положил руку на плечо дворецкому.

- Не беспокойся, дружище, я в порядке. Убивать я его не собираюсь.

- Ладно. Хорошо. Тогда я останусь здесь.

Филипп кивнул.

- И вот еще что, Даниил, принеси мне выпить.

Даниил вопросительно посмотрел на хозяина. Он не понял, что именно хочет выпить Филипп, который пил почти всегда лишь

сок да кофе.

- Что-нибудь покрепче. Да, и если хочешь, принеси бокал и для себя.

Даниил горестно покачал головой и направился к дверям.

Филипп вошел в столовую. Часы пробили восьмой вечерний час. Юрг стоял у окна. Он повернулся к тестю и обжегся о его взгляд, пылавший яростью и болью. Некоторое время Филипп молча смотрел на Юрга, словно пытаясь по его виду понять, какова его роль во всей этой истории. Юрг, опасаясь возможного нападения, на всякий случай ушел в другой конец комнаты.

- Ты вызвал спасателей? – спросил, наконец, Филипп, сверля Юрга злым взглядом.

Юргу было очень неуютно под этим взглядом, поэтому он все время старательно отводил глаза в сторону.

- Нет, - тихо ответил он.

- Почему? – грозно спросил Филипп.

- Ну… вы … понимаете…

- Что я должен понимать? Что я по-твоему должен понимать?

- Там была такая обстановка. Было не до спасателей. Да и признаться, я растерялся.

- Что ты все время юлишь? Что ты юлишь? Я тебя спрашиваю! – вне себя от ярости закричал Филипп.

- Там… было так высоко… такая глубокая пропасть… что… что я подумал, там… там уже никого не найдешь…

- Ах, ты подумал, – Филипп подступал к Юргу, как будто собираясь его схватить и вытряхнуть вон его душу. – Может, ты и о другом о чем-нибудь подумал?.. А?..

- О чем мне думать? - заговорил Юрг, отступая. – Да и о чем мне думать? Что мне думать?

- Ну, например, о том, чтобы устранить Ани и прибрать к рукам ее деньги.

Юрг слегка побледнел.

- Что вы, как вы могли такое подумать? – срывающимся голосом сказал он.

- А очень легко можно такое подумать. На эту мысль наталкивает само твое поведение. Ты сбежал и даже не попытался оказать ей помощь. Даже не сделал вид, что ты пытаешься оказать эту помощь.

Филипп вплотную подступил к Юргу, когда в гостиную вбежал дворецкий. Дыхание его было прерывисто, он торопился о чем-то известить хозяина.

- Что там, Даниил?

- Только что сообщили… сообщили из спасательной службы… на их пульт пришло сообщение… от… от… госпожи Ани…

Юрг изменился в лице. Филипп в один прыжок оказался около дворецкого, он схватил слугу за хрупкие старческие плечи.

- Что?.. Что ты сказал?..

- Госпожа Ани… жива…

- Господи, моя дочь жива!

Даниилу кое-как удалось перевести дух и он мог теперь говорить более или менее ровным голосом.

- Да-да, она сама передала сообщение. И там в этой службе определили ее координаты. Диспетчер сказал, что спасатели уже на пути к этому месту.

- Слава Всемогущему Богу!

Старый верный слуга и его хозяин в едином порыве крепко обнялись, будто бы они были братьями, пережившими общее горе. Юрг, как оглушенный, смотрел на все это и не верил своим ушам.

Филипп, немного справившийся со своим волнением, вновь устремил на зятя свой гневный взгляд.

- А относительно тебя я намерен подать заявление в полицию.

- При чем здесь я? – взвизгнул Юрг. – Ее машина отказала в полете. Я ни в чем не виноват!

- Разберемся, - спокойно сказал Филипп. - Но ты помни одно, что бы там ни выяснилось, а тебе не выкрутиться из этой передряги. Хватит и того, что ты не оказал Ани помощи. Но если не дай Бог, - он подошел близко к зятю и схватил его за куртку, - если не дай Бог выяснится, что ты имеешь отношение ко всему этому, то берегись, плохо тебе придется. А теперь пошел вон. Чтобы духу твоего больше не было в моем доме.

Юрг, испуганно пятясь, выскользнул из комнаты. Филипп проводил его брезгливым взглядом. Он подошел к окну и прижался лбом к его холодной поверхности.

Филипп чувствовал себя полностью опустошенным. Он испытывал чувство огромной усталости, как будто работал несколько суток подряд. Его переполняли разные чувства: радость, великое облегчение оттого, что все кончилось, но в то же время и страх за жизнь дочери. Он ведь еще не знал, в каком она состоянии. А еще он никак не мог отделаться от странных подозрений в нечестности и, быть может, даже преступной подлости Юрга. Сразу же с первого взгляда Филиппа насторожил нервный вид зятя, а главное, его ускользающий взгляд. Это был взгляд человека, которому есть что скрывать. За все время, что Юрг пробыл в доме Бине, он ни разу открыто не посмотрел в глаза Филиппу. Это было очень подозрительно.

Раздался позывной сигнал видеотелефона, Филипп поспешил к нему. На мониторе засветилось сообщение: управление спа-

сательной службы. Филиппа охватило волнение, что-то они ему сейчас сообщат. На экране появился тот же диспетчер, с которым он уже говорил.

- Господин Бине, ваша дочь в безопасности. Спасательный корвет провел ее эвакуации из горного ущелья.

- Скажите, в каком она состоянии, - прерывающимся от волнения голосом спросил Филипп.

- Состояние удовлетворительное. Ее доставили в госпиталь, там скажут конкретнее. Но согласно первичному осмотру, у нее только ушибы и ссадины. Она во время падения она была прочно зафиксирована в кресле пилота.

Филипп вздохнул с облегчением.

- Не знаю, как вас благодарить. Вы не представляете, что вы сделали для моей семьи. Вы спасли мою единственную дочь.

Диспетчер улыбнулся.

- Это наша работа.

Чувства переполняли Филиппа. Он закружил по огромному безмолвному залу, его беспокойные шаги скрадывал пестрый ковер. Филипп то подходил к окну, вглядывался огни мегаполиса, то опять принимался мерить пространство шагами. Наконец, он не выдержал этого напряжения и устремился прочь из дома, ему захотелось побыть на воздухе.

Он вошел в кабину лифта никем не замеченный. Он не стал подниматься в ангар, чтобы взять мобиле. Он не хотел никуда лететь. Вместо этого он тронул сенсор, направляющий лифт на нулевой этаж. Внизу Филипп пересек холл и вышел из дома.

Дул холодный пронизывающий ветер. Филипп поднял ворот куртки и зашагал по пустынной улице. Его движение не имело определенной цели, Филиппу лишь хотелось дышать полной гру-

дью, чтобы успокоиться и обрести душевное равновесие.

Мегаполис жил своей обычной жизнью. В небе светились огни летящих куда-то мобиле. Где-то за площадью Революции послышался шум скоростного поезда. Ночные бары и казино уже зазывали посетителей разноцветными рекламными щитами.

Ярко освещенная улица повернула в сторону небольшого сквера. Это был клочок выжившей среди цивилизации живой природы, зажатый со всех сторон каменными гигантами. Раньше, когда было еще не так холодно, Дария и Филипп нередко по вечерам гуляли здесь. Они шли не торопясь по дорожке среди вековых дубов, о чем-то беседуя. И если не поднимать голову, то можно было подумать, что находишься где-то вдали от цивилизации среди природы, которой почти не осталось теперь в реальной жизни.

Филиппу почудились голоса. Он уже хотел было повернуть обратно - еще чего доброго наткнешься на лихих людей, - но потом передумал и, не сбавляя шаг, двинулся вперед. Голоса слышались не впереди, а где-то сбоку. Филипп повернул голову и в стороне от аллеи он увидел троих мужчин, одетых кое-как. Они спасались от холода у огня, разложенного посреди пожухлой травы. Странники заметили Филиппа.

- Не подскажете, который час? – спросил один из них.

Филипп замедлил шаг и окинул странников любопытным взглядом.

- Что-то ближе к восьмому вечернему часу, - ответил он.

Неожиданно для себя Филипп вдруг свернул с дороги к ним. Ему было любопытно, почему эти люди в мегаполисе под открытым небом греются около огня. О таком способе обогрева теперь можно было только узнать из архаичных книг или фильмов какого-нибудь стародавнего времени. Костер тем временем разгорелся,

огонь неровными отсветами падал на запыленные лица странников. Впрочем, их можно было бы разглядеть и без костра – освещение вокруг было достаточно ярким.

- Что, холодно? – обратился к ним Филипп.

Люди вокруг костра настороженно и пытливо смотрели на него. По их виду, а главное, по их взглядам, в которых он не усмотрел ни злости, ни коварства, Филипп понял, что это не грабители.

- Греемся, как можем, - тихо отозвался один из них, пожилой странник с седой бородой в длинной одежде, не то в линялом халате, не то в рясе. – А ты, добрый человек, почему интересуешься нами, сирыми и бездомными?

- Я и не знаю, ноги сами вышли на вас, - ответил Филипп.

- Ну, так добро пожаловать к нашему огоньку, - сказал другой странник, был он моложе первого, без бороды, с пытливым любознательным взглядом.

Филипп присел к костру, протянул руки к огню.

- Откуда путь держите и почему ночуете под открытым небом? – поинтересовался Филипп.

- Здесь мы недавно, и пришли ненадолго, - неопределенно ответил старший, – а истории наши разные. У всякого своя причина странствовать. Роднит нас одно – желание обрести истину.

- Истину? Какую истину?

- Для всякого она своя. Кто-то хочет знать, как быть богатым, кто-то – как найти власть, а кто-то – как обрести себя и вечную жизнь. У всякого истина своя. Мы хотим узнать истину мироздания из уст великого пророка, странствующего по земле. Говорят, что теперь он здесь, в Средиземноморье, проповедует правду о мире и Едином Боге. Мы пришли сюда увидать и услыхать его.

- Что же это за пророк? – спросил Филипп. – Как его имя?

- Говорят, что он зовет себя Пришедший.

Филипп пожал плечами.

- Не слышал о таком. Я не особенно интересуюсь этими вопросами. Они где-то в стороне от меня, - признался он.

- А в Бога-то веришь? – спросил пожилой странник.

- Ну да, верю. Как верит обычный человек.

- Это как же? – уточнил странник.

- Как? Вспоминает, когда прижмет беда.

Странники закивали головами.

- Сегодня я несколько раз вспомнил и поблагодарил Бога, - неожиданно для себя добавил Филипп.

- Что-то случилось с вами? – спросил участливо молодой странник.

- С моей дочерью случилась беда. Она чудом осталась в живых.

Странники сочувственно смотрели на Филиппа. Должно быть, о бедах они знали не понаслышке.

Филипп подумал, что ему пора возвращаться домой. Но что же эти люди, они так и останутся здесь на холодном ветру у этого своего жалкого костра, голодные и бесприютные? Отчего-то ему было неловко идти в свой теплый и красивый дом, в то время, как они будут стыть всю ночь на холодном ветру. Он решительно поднялся, отряхнул с колен травинки и сказал:

- Я приглашаю вас в свой дом, предлагаю вам ночлег и еду. Если хотите, я дам вам и одежду, в моем доме найдется все.

Старший из странников пытливо посмотрел на Филиппа, в его взгляде было великое удивление. Видно, он не встречал такого за всю свою жизнь.

- И что же ты приведешь нас в свой дом, нас, оборванных и

грязных? – спросил он.

- Что с того? – пожал плечами Филипп. - Вы же люди. А каждый из людей заслуживает человеческого к себе отношения.

Странники нерешительно переглядывались. Никто из них не знал, как поступить. Наконец, старик с бородой поднялся, всем своим видом давая понять, что они принимают его приглашение.

- Я вижу, ты добрый и великодушный человек, - сказал он Филиппу. – В библии сказано, когда придет день суда и настанет время разделить людей, скажет царь тем, кто по правую руку от него: «придите, благословенные Отца моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира, ибо алкал я, и вы дали мне есть, жаждал, и вы напоили меня, был странником, и вы приняли меня, был наг, и вы одели меня, был болен, и вы посетили меня, в темнице был, и вы пришли ко мне». Но когда мы делали это тебе, воскликнут они? …И царь скажет им в ответ: «истинно говорю вам: то, что вы сделали это одному из братьев моих меньших, то сделали мне», - странник приблизился к Филиппу, смущенному и озадаченному его речью, и поклонился ему в пояс. - Благослови тебя Господь. Ты достойный сын Отца нашего небесного.

Даниил был немало удивлен, когда Филипп появился на пороге своего дома в сопровождении такой компании. Странники изумленно озирались вокруг, пораженные невиданной ими роскошью. Пока гости осматривались, Филипп поручил своему верному дворецкому позаботиться о них. Первым делом, проводить в ванную, дать теплую, чистую одежду, накормить, устроить на ночлег.

- Да, и еще, любезный мой Даниил, если наши гости захотят утром покинуть дом в мое отсутствие, обязательно дай им денег на пропитание. Страшно, когда люди голодают.

Филипп, освеженный и взбодренный холодным воздухом, чув-

ствовал себя намного лучше. Он направился в гостиную, где его ждала Дария. Она уже проснулась, но была растеряна и подавлена. Она встретила мужа возгласами и слезами. Она твердила одно, чтобы он сказал, правда ли, что Ани жива. Филипп нежно прижал жену к груди, шептал теплые слова, он умолял ее успокоиться, ведь все уже позади. Сейчас они отправятся в госпиталь к Ани. Главное, что все они по-прежнему вместе.

Глава XV. Плохая новость

Ют Кале готовился отправиться в короткую поездку по странам Запада. Запад он выбрал неслучайно, он намерен был посетить наиболее развитые и влиятельные государства, чтобы в приватных беседах с их правителями обсудить создавшееся положение планеты. Он надеялся, что таким образом он сможет еще найти единомышленников, готовых к совместному со Средиземноморьем строительству космических кораблей. Кале понимал, что эвакуация необходима, только она может спасти хотя бы какое-то количество людей. Однако эта эвакуация должна была отличной от той, что была намечена в ходе видеозаседания всемирного научного совета. По прочному убеждению Кале в списки должны попасть люди разных профессий и возрастов. Только исходя из принципа целесообразности. Никаких родственных или политических связей.

По слухам, среди участников совета по спасению цивилизации, как они его назвали, не было единства. Каждый хотел протащить в списки спасаемых побольше своих людей. При этом сами корабли еще и не начинали строить. На это нужны были средства и немалые. Пока же участники будущей спасательной экспедиции расходились во мнениях насчет долевых вкладов. И потому Кале не оставлял надежд переманить глав некоторых стран на свою сторону. А ресурсы и возможности для строительства космических кораблей в Средиземноморье были.

Совет по спасению цивилизации не мог смириться с тем, что глава Средиземноморья не с ними. Совет рассчитывал именно на те ресурсы, которые хотел задействовать и Кале, если бы сумел

найти единомышленников. И если сразу они не особенно горевали по поводу его отступничества, то позже, просчитав свои возможности, поняли свою оплошность.

Совет пытался переубедить Кале. Посланцем его выступил шеф космического агентства федерации северных стран, назначенный ответственным за создание кораблей господин Браун. Он связался с Ютом Кале по видеотелефону.

- Господин Кале, приближаются тяжелые времена и нам надо объединить все наши силы, чтобы достойно провести спасательную операцию, - попытался переубедить его Браун.

- Эту, как вы называете ее, спасательную операцию невозможно провести достойно, - усмехнулся Кале. – Она больше походит на позорное бегство.

- Но ведь вы же не оставите свой народ на погибель.

- Народ? А сколько человек мне разрешит взять ваш совет? Сто, двести? Наверняка, не более. А это не народ. Это какие-то избранные люди. Спасательная операция должна быть намного масштабнее. И проводиться она должна иначе, не так как предлагает совет. Так что если совет готов принять мои условия, я в свою очередь готов войти в состав совета.

Господин Браун, понявший, что Кале с места не сдвинуть, зло сверкнул глазами.

- Вы обрекаете своих людей на гибель, вы не оставляете им шанса.

- Это мое решение. Но хочу еще отметить, господин Браун, что и вы своим людям даете не слишком-то много шансов на спасение.

Кале просматривал предстоящий маршрут, когда на связь вышел Артур Дорель. Он появился на мониторе видеотелефона, в его глазах была тревога.

- Господин Кале, неутешительные новости. Плохой прогноз синоптиков.

- Что там?

- Торнадо.

- Торнадо? – обеспокоено спросил Кале. - Когда ожидается?

- Через несколько часов.

- Что? – поразился Кале. – Артур, я надеюсь, вы шутите?

- Нет, теперь не до шуток. Говорят, торнадо будет невиданной силы.

Кале рассердился. Нет, синоптики, похоже, даром едят свой хлеб.

- А куда смотрели синоптики? Почему не предупредили? Шутки это что ли!

- Они говорят, что не наблюдали никаких признаков, - возразил Дорель. – Откуда взялся этот торнадо никто понятия не имеет.

- Безобразие! Так, Артур, - нетерпеливо заговорил Кале, - пока у нас еще есть время, срочно вызовете ко мне спасателей, военных, врачей. Надо наметить наши действия. Если еще что-то можно сделать.

- Хорошо, господин Кале.

Кале был в ярости. Он сильно сомневался, что они справятся с этим бедствием. Его беспокоило, что все происходило в экстренном режиме, не было времени, чтобы подготовить помощь, развернуть пункты временного размещения с горячим питанием. Да что там питание, не было времени, чтобы просто оповестить людей, предупредить их о приближающейся опасности.

Правитель Средиземноморья совершенно вышел из себя, он кричал не своим голосом на руководителя центра погоды и аномальных явлений, почему его работники прохлопали ураган,

почему никто не увидел его приближение. В результате миллионы жителей остались, по сути, наедине с огромной опасностью, о которой они даже не имеют никакого понятия.

- Кто ответит за это? – гремел по залу совещаний голос рассерженного Кале, обращенный в адрес главы центра погоды, который испуганно и растерянно смотрел на правителя Средиземноморья. – Вы, вы будете отвечать за всех ваших подчиненных, которые зря едят свой хлеб! Я лишаю вас должности! Я увольняю вас! Черт бы вас побрал!

Поспешно доложили о готовности своих служб глава спасателей, руководитель центра медицины, представители департаментов связи и энергии. Кале, выпустив пар, молчал. Слушал и молчал. Он понимал, что разговор об этом теперь неуместен, он запоздал. Вот если бы раньше, хотя бы на день. Тогда можно было бы организовать эвакуацию, разместить людей в безопасных местах вдали от предполагаемого эпицентра. Тогда можно было бы кого-то спасти. А так… Он знал, что жертв будет много, и от собственного бессилия теперь он мог лишь яростно сжимать кулаки: ничем он не мог помочь своим согражданам. Лишь одно только ему и оставалось – помолиться за них.

Заканчивая совещание, он распорядился начать срочное оповещение всего Средиземноморья. Он надеялся, что те, кто об этом услышат, быть может, как-то укроются от урагана.

Глава XVI. Прощение

Спасатели доставили Ани в госпиталь. Ее в считанные мгновения поместили в директорию для экстренных обследований. Ани уже почти не воспринимала происходящего с нею. Пережив страшное потрясение, отнявшее у нее все ее жизненные силы, она была недвижима и безразлична. Доктора обступили ее вокруг, подключали и отключали датчики и приборы, подкатывали какие-то аппараты к ее ногам. Она взглядом фиксировала все движения вокруг, но не вникала в их суть, не пыталась понять, что они ей принесут. Ей это было безразлично. Вряд ли что-то может быть хуже того, что она пережила.

Она очень устала. Ей хотелось, чтобы ее оставили в покое. Ани так и сказала, точнее, прошептала это прерывающимся голосом молоденькой медсестре, стоявшей у изголовья и с жалостью смотревшей на нее. Девушка тотчас отошла и что-то шепнула на ухо пожилому мужчине, отдававшему здесь всем указания. Он строго посмотрел на девушку, будто собираясь возразить, но потом согласно кивнул головой. Она исчезла из вида Ани, но вскоре появилась вновь, в ее руках был небольшой прямоугольный предмет, в нем пузырилась прозрачная жидкость. Она слегка коснулась им руки Ани, и та почувствовала легкое покалывание. Вскоре сон принял ее в свои объятья.

Очнулась Ани уже в другом помещении. Через окно, закрытое жалюзи, струился скупой рассвет. Она приподнялась в постели и увидела своих родителей. Они дремали в креслах у ее постели. Должно быть, они здесь провели всю ночь. Ани не верилось, что

она снова видит родителей. Слезы подступили к ее глазам. Там в горах ей казалось, что они больше уже никогда не встретятся.

Дария открыла глаза первой, она радостно улыбнулась дочери. Проснулся и Филипп. Нежно улыбаясь, они обступили Ани с двух сторон, будто загораживая от сюрпризов жестокого мира. Ани во все глаза смотрела то на Дарию, то на Филиппа и через силу улыбалась им. Ей было очень тяжело, она чувствовала себя уничтоженной подлым предательством. Ани хотелось прижаться к родителям и разрыдаться. Ее душа разрывалась от боли, но она не могла. Она не хотела, чтобы они знали, что с нею произошло. И потому она улыбалась, через силу, но улыбалась.

- Как ты, дорогая? – спросил Филипп, держа дочь за руку.

- Нормально.

- Что-то болит? – задала свой вопрос Дария.

- Нет, ничего. У меня ничего не болит.

Дария тихонько гладила Ани по плечу.

- Доктора говорят, что ты легко отделалась. Порезы, ушибы, но позвоночник, слава Богу, цел.

- Милая, ты, наверное, здорово перепугалась? – спросил Ани отец.

- Да, немного.

У Дарии на глазах появились слезы.

- Знаешь, а мы очень перепугались, - сказала она. – Очень.

- Простите меня, - сказала Ани.

- За что? – удивился Филипп.

- За то, что я была так неосторожна.

- Что ты, разве же ты виновата в этом, - воскликнула Дария.

- Дорогая, полиция будет вести расследование, - сказал Ани Филипп. – Я думаю, что Юрг приложил к этому руку. Я уверен в

этом.

Ани побледнела при упоминании этого имени.

- Не надо, сейчас не время, – мягко остановила мужа Дария. – Мы потом поговорим об этом, когда все успокоимся. Хорошо?

- Как это не время. Надо разобраться, как все это произошло, а ты говоришь не время, - возразил Филипп.

- Нет, папа, не надо никакого расследования, - неожиданно сама для себя твердо сказала Ани. – У меня, действительно, отказала мобиле. Прямо в полете. Он тут не при чем.

Филипп недоверчиво смотрел на дочь, что-то настораживало его во всей этой истории.

Ани же и сама до конца не понимала, почему она не сказала родителям правды. Она не знала. Может быть, она щадила их, или защищала себя, защищала от новой боли и страданий. А может быть, она защищала его, того, кого когда-то любила, от позора и унижений. Конечно, он не достоин ее помощи, как, наверное, недостоин был и ее любви, но она не станет мстить и уничтожать его. Не станет поступать так, как он поступил с нею. Она хочет только одного – никогда больше не видеть эти глаза, смотревшие на нее с такой нечеловеческой ненавистью, не видеть эти руки, толкавшие ее в пропасть. Она должна постараться навсегда вычеркнуть из памяти тот страшный день, тот страшный миг. Она начнет жизнь заново. Но она прощает его, вернее, постарается его простить, пусть живет, как может. Бог ему судья.

Глава XVII. Терпящие бедствие

Утром инспектор полиции Даррелл Митчелл прилетел в госпиталь к Ани Бине. Вообще-то не он должен был расследовать происшествие в горах, случившееся с дочерью Филиппа Бине, известного в Средиземноморье и за его пределами производителя парфюмерии и косметических средств. Проверка по этому делу была поручена Аде, но с той с самой вдруг приключилось происшествие, но в отличие оттого, что произошло в горах, Адино было приятное и волнующее: она вышла замуж.

Даррелл скептически относился к ухаживаниям за их Адой инспектора криминального отдела, Лютера, приземистого, говорливого, дотошного малого. Поводом для острот Даррелла был маленький рост Лютера, он был едва ли не на полголовы ниже Ады. Но та, похоже, не считала это большим препятствием. На ироничные колкости Даррелла она не обижалась, только отшучивалась в ответ и продолжала встречаться со своим Лютером. И вот на днях они, благополучно минуя стадию помолвки, объявили всем о своей свадьбе. Ну что же поделаешь с этой молодой порослью? Пришлось поздравить и самому взяться за расследование горного происшествия.

Прежде чем отправиться к пострадавшей Ани Бине, он детально изучил результаты технической экспертизы ее мобиле и полетал над местом происшествия. Кривая расщелина бездонного ущелья, казалось, не спадала к земле, а уходила куда-то сквозь ее

поверхность в бесконечность. Вид этого ущелья поистине представлял собою устрашающую картину. Не верилось, что кто-то смог выжить, упав в эту пропасть. Поэтому его поразила случайность, выпавшая на долю Ани и спасшая ей жизнь. Он заметил два плато, расположенных почти параллельно друг другу, с той лишь разницей, что нижнее немного дальше выступало над пропастью.

Но кое-что здорово настораживало Даррелла. Каким же образом мобиле могла оказаться на этом нижнем плато, если она начала падение, находясь в полете? Каким ветром ее туда занесло? Другое дело, если мобиле падала с верхнего плато, вот тогда у нее были некоторые незначительные шансы очутиться там. Но Юрг Корн говорит о том, что машина Ани отказала в полете. Инспектор решил осмотреть верхнее плато, на котором, по его мнению, могла бы быть Ани.

Чуть повисев в воздухе, чтобы приобрести устойчивое равновесие для посадки на наклонную плоскость, мобиле мягко села на плато. Инспектор отключил систему безопасности и выбрался из машины. Вокруг царила первозданная тишина, такая, как если бы мир только что был рожден. Заснеженные горы тонули в густом, призрачном тумане. Даррелл с наслаждением вдыхал воздух, пьянящий своей необыкновенной чистотой и свежестью. Он подошел к боковому краю плато и, наклонившись вперед, к пропасти, попытался взглянуть вниз. Странное и незнакомое чувство охватило его, - человека не робкого десятка, бывшего под пулями и обстрелами, - его душу леденящим холодом вдруг пронзил страх смерти, как будто бы он собирался прямо сейчас шагнуть туда, в это небытие, грозно зияющее чернотой. Невольно он отпрянул назад.

Что же, подумалось ему, должен был чувствовать человек, падающий туда? Не верилось, что всего лишь несколько часов

назад здесь, на этом самом месте, разыгралась настоящая трагедия. Теперь он не сомневался, что все произошедшее с Ани Бине, не было роковой случайностью. Против этого свидетельствовали свежие следы от какого-то большого предмета, медленно сползавшего здесь к пропасти. Похоже, что их оставила мобиле Ани. Он пошлет сюда экспертов, и они все это установят. Да и, кроме того, против роковой случайности свидетельствовало и техническое заключение состояния мобиле: оно утверждало, что не было никаких сбоев в работе систем машины, до своего падения она была исправна. Вывод, таким образом, можно было сделать только один – Юрг Корн или кто-то еще, кто действовал с ним заодно, был виноват в разыгравшейся трагедии.

Даррелл прибыл в госпиталь в дурном настроении. За годы своей работы в уголовной полиции он насмотрелся всякого, но это преступление среди немногих других, поражало подлостью и особым коварством. Поднимаясь в лифте на 116-й этаж, где, как ему сказали в справочной службе госпиталя, была размещена Ани Бине, и потом, позже идя по госпитальному коридору вдоль ряда дверей, он все думал, как ему построить этот разговор, что сказать, чтобы не усугубить душевное состояние госпожи Бине. Но так и не смог ничего придумать.

Он отворил дверь и увидел совсем еще молодую женщину с красивыми темными волосами, убранными на затылок, и грустными глазами. Даже если бы он и не знал, что с нею случилась страшная беда, он бы сразу это понял по ее глазам, они отражали все чувства, обуревавшие ее. Жгучая боль и обида переполняли их, готовые, казалось, в любой момент выплеснуться наружу горькими слезами. Это были глаза человека, пережившего настоящую беду и утратившего веру в людей.

- Инспектор уголовной полиции Даррел Митчелл, - представился он.

Ани встретила инспектора настороженно, она понимала, что придется давать ответы на непростые для нее вопросы. Но она надеялась, что для инспектора это дело будет пустой формальностью, ведь она не собирается давать показаний против Юрга, да и вряд ли кто-то стал всерьез заниматься расследованием. Однако Ани совсем не знала Даррелла Митчелла. И скоро она это поняла.

- Госпожа Бине, я понимаю, что вам тяжело говорить на эту тему, и я заранее прошу у вас извинения за свои вопросы, но работа есть работа.

- Ничего, я понимаю, - голос Ани был вялым и безразличным.

- Расскажите, пожалуйста, как произошла катастрофа?

Она стала говорить, как будто повторяла хорошо заученный урок.

- Я была в мобиле одна, мой муж был в другой машине. Мы летели почти вровень друг с другом. Неожиданно произошел какой-то сбой в моей машине, она стала терять высоту, потом началось падение. Это все. Больше мне нечего вам рассказать.

- Скажите, а вы садились на гранитное плато? – спросил Даррелл, по профессиональной привычке, пристально глядя в глаза своему собеседнику.

Было заметно, что Ани немного смутилась. Вопрос был неожиданным, он заставлял подозревать, что инспектор себе на уме, и его не собьешь с толку придуманными историями.

- Нет, - неуверенно произнесла она.

- Извините, но вы ведь садились, - с мягкой настойчивостью возразил Даррелл. – Там остались следы от вашей машины. Почему вы это скрываете?

- Зачем мне что-то скрывать? – с показным безразличием пожала плечами Ани. – Я же не преступник.

- Вы – нет.

- А кто?

- Ваш муж или тот, кто ему помогал. Что вы на это скажете?

Ани молча смотрела инспектору в глаза, она старалась понять, что же он за человек, и как ей с ним разговаривать, чтобы он оставил ее в покое. Даррелл, по-прежнему не сводя с нее глаз, принялся ей излагать свою версию случившегося. По мере его короткого рассказа менялось лицо Ани, оно становилась все бледнее. Так, значит, он все знает. И он успел это узнать за считанные часы. А она-то думала, что это навсегда останется ее тайной.

- Вы не будете давать показаний против своего мужа?

- Нет.

- Но почему, он же хотел вас убить? Вы все равно не сможете ничего возразить против фактов, когда их предъявят суду.

- Суду?.. Нет, не надо!.. – Ани с мольбой смотрела на Даррелла. – Я прошу вас!.. Ну что вам стоит!.. Не надо никого судить!.. Не надо, умоляю вас!..

- Понимаю, вам его жаль. А вот он вас не пожалел, - сказал Даррелл.

- Видно, я другая. Как оказалось, мы вообще с ним очень разные люди. Понимаете, инспектор, да дело даже не только во мне самой. Хотя и это тоже. Но еще мои родители. Отец подозревает Юрга, но если ему это будет известно наверняка, он… он не сможет спокойно жить. Ему очень больно будет это узнать. А я… я хочу забыть навсегда об этом человеке и никогда… никогда больше его не видеть.

Даррел внимательно слушал Ани.

- Понимаю, - произнес он, - но что прикажете делать с доказательствами?

- Доказательства?.. А вы выбросите их в мусорную корзину.

За разговором, давшимся Ани с большим трудом, ни она, ни Даррелл не заметили, как вдруг все стемнело за окном. Бог весть откуда подступившая мгла нависла над Средиземноморьем. До этого момента серое небо, теперь почти сплошь закрытое иссиня черным, из бездонных глубин которого то здесь то там выпадали изломы стремительных молний, казалось, изменив декорации, готовилось представить новый, еще невиданный нынешними людьми спектакль. Вдали слышался грозный шум, извещая о приближении не то шквалистого дождя, не то мощного ветра. С каждой секундой шум все нарастал. Жалобно звякнув от его вибрации, задрожали сначала окна, потом и пол под ногами. Казалось, что дрожит сама земля, а вместе с нею и все, что есть на ее пропыленной ветрами поверхности.

Ани и Даррел обменялись недоуменными взглядами.

- Что это такое? – тревожно воскликнула Ани.

Даррел бросился к окну, судорожно открыл жалюзи. Он увидел, что на мегаполис с разных сторон приближаются мощные торнадо.

- Это ураган! – воскликнул он.

Они не видели, как телеэкран на стене, работавший без звука, стал показывать страшные картины уже начавшихся разрушений в Средиземноморье, снятые в прямом эфире. Корреспонденты с испуганными лицами что-то кричали своим зрителям. Но вскоре не стало корреспондентов, остались одни картинки. На быстро мелькавших кадрах было видно, как в один миг сносило фрагменты огромных зданий, в потоке обломков, уносимых куда-то мощным

вихрем, летели, переворачиваясь машины и мобиле.

- Вы можете идти? – крикнул он ей.

Ани с ужасом смотрела на Даррела. Стоял невообразимый гул. Из коридора доносился гомон и топот ног.

- Я попробую!

Она откинула покрывало и спустила с постели ноги, одна из которых была забинтована. Даррел помог ей подняться. Она сделала несколько шагов, морщась от боли.

- Больно? – прокричал он ей.

- Ничего! Идемте!

- Погодите! Я вам помогу!

Даррел подхватил Ани на руки и устремился к выходу. Коридор 116 этажа был до отказа забит людьми. Медсестры везли в креслах тяжелых больных. Испуганные люди кричали и толкали друг друга. Они боялись, что им не хватит времени и они погибнут. Поток людей двигался в одном и том же направлении – к кабинам лифта, которые двигались вниз в подвальные помещения.

- Спокойно! Спокойно! – кричал какой-то доктор с испариной на лбу. – Не напирайте! Все успеют!

Даррел быстро оценил ситуацию. Как он понял из криков докторов, пытавшихся хоть как-то руководить эвакуацией, пациентов персонал госпиталя был намерен разместить в специальном убежище, оставшемся, судя по всему, еще со времен последних военных действий, когда Средиземноморье захватили выходцы из восточных стран. Правда, это было уже несколько веков назад, но убежище, видимо, все еще сохранялось. Теперь там хотели укрыть людей от разрушительного урагана.

Но Даррел не собирался отсиживаться в подвале госпиталя. Ему надо было попасть наверх, в ангар здания, к своей мобиле.

Он надеялся, что она уцелела в этом хаосе. По крайней мере, на его личном пульте горел индикатор связи с нею. Значит, она была в нормальном состоянии, она была готова взлететь. Оставалось только лишь выбраться наверх. Но как? Будь он один, тогда все было намного проще. Но с раненой женщиной на руках это было почти невозможно. И вдруг ему пришла в голову мысль, что, наверняка, в госпитале лестницы между этажами оснащены устройством для перемещения кресел. Он знал, что одно время такие приспособления использовались. Это же госпиталь, черт возьми, здесь полно больных людей, наверняка, они должны быть в действии. И он, превозмогая движение потока, двинулся в обратную сторону, в конец коридора, где, по его мнению, должны были быть выходы на межэтажные лестницы.

- Куда вы? – тревожно прокричала Ани.

- Там должен быть другой выход!

Поток испуганных людей двигался им навстречу. Гул снаружи нарастал. Даррел прижимался к стене, чтобы уберечь поврежденную ногу Ани от толчков толпы. Но это плохо удавалось, спешащие люди то и дело натыкались на ногу Ани. Она сжимала зубы от боли.

- Ничего-ничего, уже скоро! - пытался Даррел приободрить Ани.

- Я в порядке!

В конце коридора сбоку они нашли довольно широкую дверь, Даррел распахнул ее ударом ноги и увидел ступени с автоматическим подъемником для кресел. Странно, но лестница была пуста. Может быть, подъемник не работает, тревожно подумал он. Но как только он осторожно опустил Ани на площадку и встал сам, одновременно загорелись два индикатора - зеленый со стрелкой вверх

и синий со стрелкой вниз. Даррелл ткнул пальцем в зеленый, и площадка медленно поползла вверх.

Ани с ужасом наблюдала за всем происходящим. Ей не верилось, что все это наяву. - Куда мы? – громко спросила она его.

- Там на крыше моя мобиле!

- Мобиле! – со страхом воскликнула Ани. – Вы собираетесь лететь?! Это опасно!

- Другого пути нет! Здесь оставаться нельзя! – прокричал Даррел ей в ответ.

Так, перемещаясь от этажа к этажу, они оказались на последнем 125-м. Теперь им предстояло выбраться на взлетную площадку ангара, где ждала мобиле. Но оказалось, что и здесь был подъемник, только обнаружить его с первого взгляда было непросто. Видимо, им уже давно никто не пользовался, он был завален какими-то коробками и жестяными банками не то со старыми лекарствами, не то с перевязочным материалом. Даррелл расчистил проход к площадке и помог Ани пройти туда. Они начали восхождение на свой последний рубеж.

Мобиле, действительно, была цела и невредима, ее только немного отнесло ветром к парапету открытого ангара, но, слава Богу, не перевернуло. Скорее всего, она оказалось в стороне от эпицентра вихря, и благодаря этому уцелела. Даррелл открыл кабину, помог Ани сесть и закрыл дверь с ее стороны.

Он прыгнул в кабину и включил двигатель. Перед взлетом он бросил тревожный взгляд на черное небо, которое угрожающе висело над ними. Несколько мощных торнадо хозяйничали в мегаполисе. Один из них стремительно надвигался на госпиталь.

- Торнадо! – крикнула она Даррелу, показывая рукой.

- Ничего, успеем!

Мобиле резко пошла на взлет и, круто повернувшись, ушла вправо. На короткий момент они вздохнули с облегчением. Но сильный ветер стал относить мобиле куда-то в том направлении, где буйствовал еще один торнадо. Стоял невообразимый гул. В черном небе кружили с десяток воронок торнадо. Смерчи опустошали все на своем пути. После себя торнадо оставляли лишь руины.

Прямо перед мобиле Даррела маячила другая машина, которую тоже несло к эпицентру буйствующего вихря. Ани и Даррел ясно различали искаженные ужасом лица молодых мужчины и женщины. Пилот терпящей бедствие мобиле что есть силы тянул штурвал, но это плохо помогало, машину неудержимо влекло в поток. Ани смотрела на это расширенными от страха глазами.

- Господи, их затягивает! – прокричала она.

Даррел ничего не ответил, он лихорадочно давил сенсоры бортового компьютера. Он видел, что их машина тоже может последовать за той, что уже была обречена, и потому осматриваться по сторонам он не мог. Ани бросала на него беспокойные взгляды.

- Что вы делаете?

- Меняю курс!

Спустя секунды машину, пилот которой боролся до последнего, накрыло черной волной, она исчезла в воронке. Ани, не мигая, смотрела на это широко раскрытыми глазами. А мобиле Даррела резко начала снижение и резко ушла в сторону. Смерч прошел неподалеку. Гул немного поутих.

- Надо лететь к окраине, - сказал Даррел. – С той стороны вроде не видно непрошенных гостей.

Они тревожно смотрели вниз, ужас охватил их, они про-

сто не верили своим глазам. Вихрь разметал целые кварталы, искорежил дома-гиганты, у некоторых из них снес только верхние этажи, иные же были обезображены наполовину. На улицах между домами теснились груды порушенного, занесенного пылью металла, обломков сооружений, вырванных неистовым ветром кусков кровель.

- Что же будет теперь? Весь город разрушен, - печально сказала она.

- Пока нам надо переждать стихию. Я знаю тут одно местечко. Это на окраине.

Ани, не отрывая взгляда от разрушенного мегаполиса, молча кивнула. Даррел пытливо взглянул на нее. Он опасался, что с Ани может случиться истерика или что-то в этом роде. Но она не плакала, ее глаза были сухими, а взгляд, устремленный вниз, был неподвижным, почти безжизненным. Было похоже, что ей все равно, где она и что ее ждет, ибо не осталось в ней больше сил ни для чего, ни для жизни, ни для смерти.

Глава XVIII. Ют Кале снова на связи

Кале, стоя на верхней террасе своей резиденции, оттуда все Средиземноморье было как на ладони, видел, как небо, от края и до края затянулось вскипевшими серой пеной тучами, потемнело и почти погасло. Среди почерневшего дня зажглись огни Средиземноморья, словно стараясь сохранить видимость мира и покоя. Но до покоя было далеко. Стоял невообразимый вой от набиравшего силу ветра. Тьма становилась все гуще. А вскоре появились торнадо, они наступали со всех сторон. Все закрутилось, смешалось в хаосе ветра и пыли. Началась настоящая вакханалия. Сразу погасли огни, и Средиземноморье погрузилось в сумрак.

В первые минуты после начала ветра Кале еще не покидала надежда, что, быть может, торнадо пройдут где-то стороной. Он даже и не хотел уходить с террасы, где был развернут своеобразный пункт наблюдения с установками локации и связи. Вместе с Кале на террасе находились его помощник Артур Дорель и глава департамента безопасности Стивен Хэнк. Оба с почерневшими лицами и тревогой в глазах. Но хуже всех было все-таки Юту Кале, потому что именно он ощущал на своих плечах бремя ответственности за жизни своих сограждан.

Кале напряженно всматривался в даль, туда, где уже буйствовали торнадо.

- Черт возьми! – в сердцах воскликнул Кале.

Средиземноморье было отдано урагану. Никто бы не смог ему

противостоять.

- Торнадо наступают! – закричал Дорель, указывая рукой вдаль.

- Надо уходить! – встревожено прокричал Хэнк. – Ураган приближается! Нас сметет!

- Да! – Кале тоже старался перекричать гул стихии. – Спускаемся! Живее!

Как потом оказалось, налетевший ураган снес крышу вместе с террасой, откуда они вели наблюдение. Замешкайся они немного, и участь всех троих была бы мгновенно решена. Уже потом, когда все улеглось, и небо немного просветлело, Кале, осматривая то место, где была терраса, а теперь там зияла огромная рваная дыра, вдруг подумал о том, что, может быть, и не стоило так спешить, убегать, спасая свою жизнь. К чему? Все бы было кончено для него.

По запасной лестнице они устремились вниз, в подвальное помещение, приспособленное под эвакуационный пункт. Пол дрожал под их ногами, гул нарастал. Казалось, что здание вот-вот развалится на куски.

В эвакопункте резиденции правителя Средиземноморья были почти все работники аппарата. Они сидели с унылыми испуганными лицами. Наверняка, их души терзал страх не только за себя, но и за своих близких, оставшихся где-то там наверху. Времени, прошедшего с момента оповещения о стихии, было так мало, что почти никто не был уверен, нашли ли надежные убежища их семьи. И только, пожалуй, одна госпожа Жанна не унывала. Она разливала прохладительные напитки и предлагала их своим коллегам.

Появление в эвакопункте Юта Кале и его помощников вызвало некоторое оживление, все обступили их, засыпали вопросами.

- Надолго это, господин Кале?

- Не знаю.

- А что говорят синоптики?

- Синоптики не знают, что сказать, - усмехнулся Кале. – Видно, у них был выходной.

- А что там наверху творится?

- Там торнадо.

- Один?

- Нет, их несколько, - не стал скрывать правду Кале.

- Что же будет теперь?

- Что будет? – переспросил Кале. – Будет жизнь. Что же еще будет.

К Кале протолкнулась госпожа Жанна. Она принесла на подносе минеральную воду для правителя и его помощников. Он поблагодарил ее искренней улыбкой и жадно выпил воду.

- Друзья мои, не волнуйтесь, нам надо переждать стихию, - обратился он к расстроенным людям. – Немного надо подождать. Будем молить Бога о благополучном исходе.

Они провели в эвакопункте в томительном ожидании почти час, прислушиваясь к гулу торнадо. Его вой не прекращался. Только спустя час гул стал стихать и они рискнули покинуть подвал.

Лифты не работали, Кале и работники его аппарата поднялись по лестнице. Каждый из них хотел побыстрее увидеть, насколько сильным был ураган. Все надеялись, что, быть может, все обошлось. И только Кале, Дорель и Хэнк знали, что это не так.

- Слава Богу, ураган прошел, - тихо радовалась госпожа Жанна.

Они знали, что из холла третьего этажа можно было попасть на самый нижний балкон. Все направились туда. Люди из аппарата

Кале вышли на балкон и замерли от ужаса развернувшейся перед ними картины.

- Господи Боже!.. Что это?..

- Где наш город?..

- Где всё?..

Все обернулись к Кале, который вместе с Дорелем стоял позади.

- Господин Кале, что же нам теперь делать?..

- Где же мы теперь будем жить?..

- Друзья мои, не будем падать духом, - стараясь выглядеть убедительным, сказал Кале. – Мы разберемся. Обязательно разберемся со всем этим. Дайте только время.

- Господин Кале, мы можем уйти с работы? – спросила госпожа Жанна.

Кале кивнул головой.

- Конечно, вы можете идти. На сегодня всё.

Впервые в жизни Кале чувствовал себя очень неуверенно. Почему-то ему было стыдно смотреть в глаза этим людям, словно именно он своими руками создал эту треклятую ненасытную стихию, сожравшую едва ли не весь их многомиллионный каменный мегаполис. И все-таки он не должен опускать руки, просто не имеет права. Он обещал своим людям с этим разобраться, значит, он должен разобраться.

Час спустя Кале в сопровождении Дореля и Хэнка летел в своем околоземном корабле, на котором должен был сегодня отправиться в поездку по странам Запада. Но вместо этого он странствовал над своим Средиземноморьем. Они отправились в путь сразу же, как только восстановилось энергоснабжение. Кале необходимо было своими глазами увидеть, что осталось, а что

утрачено навсегда. Утрачено было многое. Их взорам открывалась удручающая страшная картина. Повсюду были порушенные дома без верхних этажей, груды металла, обломки конструкций, фрагменты зданий. Кале с тоской и скорбью смотрел вниз на развалины мегаполиса. Он пристально вглядывался в развалы домов, словно посылая свое последнее прости тем, кто остался там навсегда.

- Господин Хэнк, что-нибудь известно о действиях спасателей?

- Связи пока нет, - ответил Хэнк. – Но сейчас проверю снова.

Хэнк принялся настраивать свой аудиосканер, но тот гудел и хрипел, не издавая ни звука человеческой речи.

- Извините, господин Кале, но связи нет, - разочарованно сказал Хэнк. – Придется лететь к ним на базу.

- Распорядитесь, чтобы пилот взял нужный курс, - устало произнес Кале.

Он не представлял, как им удастся локализовать такие разрушения да еще при полном отсутствии связи.

Вскоре они прибыли на базу спасателей. Та была пустынна и почти необитаема. Ангар для воздушных кораблей стоял распахнутым. Внутри него не было ни одного корабля. Ничего и никого.

- Похоже, что их самих ветром сдуло, - невесело пошутил Дорель. – Где же здесь кого отыскать?

- Вот что, господин Кале, вы оставайтесь здесь с пилотом, - предложил Хэнк, - а мы с Дорелем отправимся на поиски. Здесь должен быть диспетчер. Мы его найдем.

Кале обреченно махнул рукой и взялся за ручку трапа. Он медленно взошел по нему и дверь, ведущая в салон, распахнулась перед ним. Он, тяжело вздохнув, опустился в кресло.

Никогда еще Кале не было так трудно, никогда он не чувствовал себя таким жалким и растерянным. Он лихорадочно пытался

собрать вместе свои мысли, но те разбегались в разные стороны. Он совершенно не представлял, что ему делать. И это было мучительно. Ведь он знал, что он один отвечает за всех и вся, он один отдает здесь все главные приказы и распоряжения, но ужас, от которого стыла кровь, заключался как раз в том, что он никак не мог уяснить для себя, что же он должен сделать, что сказать, что предпринять. Что, черт возьми, здесь можно предпринять?! Кругом руины и запустение. Да с этим не разобраться и за целую вечность.

Вскоре вернулись Дорель и Хэнк. И они выглядели растерянными. Оказалось, что найти диспетчера им удалось, но тот не знал, где находятся спасатели и чем они заняты в данный момент. Связи не было. А может быть, и некому уже было выйти на связь.

- Нам надо вернуться в резиденцию, - сказал Дорель, – нам надо разделиться. Мы с Хэнком возьмем себе по мобиле и отправимся…

Дорель неожиданно замолчал, так как и он не мог придумать, куда бы важнее отправиться.

- Знаете, что, – заявил вдруг Кале, к нему стали возвращаться более или менее разумные мысли, – для нас сейчас самое главное связь. Дорель, вы отправитесь на поиски тех, кто занимается связью. Их действия надо скоординировать, чтобы побыстрее ее восстановить. Вы, Хэнк, найдете своих людей. Их надо срочно собрать, чтобы тоже скоординировать действия. А я возьму мобиле и буду искать спасателей.

- Но, господин Кале, - горячо возразил Дорель, - вы не можете подвергать свою жизнь опасности.

- Это еще почему? – рассердился Кале.

- Вы же правитель Средиземноморья, вам надо беречь себя.

- И что же я, по-вашему, должен делать? Отсиживаться в своей

резиденции? – все больше вскипал Кале.

- Не отсиживаться, а руководить, отдавать приказы, - стоял на своем Дорель.

- Ка-а-ак? Как? Черт вас возьми! Ничего ведь нет! Ничего! Ни связи, ни людей! Никого и ничего!

Дорель и Кале стояли напротив друг друга. Кале, охваченный бешенством, готов был наброситься на своего помощника с кулаками. Его бесила непонятливость Артура, который, видимо, так до конца и не осознал, что прежнего их мира уже нет. И им теперь придется играть совсем по другим правилам. Но, похоже, разум вернулся к Дорелю, он отступил и извинился, сказав, что говорит глупости.

- Вот именно, глупости, - уже спокойнее заметил Кале. – Ну все, хватит болтать. Пора за дело. Хэнк, скажите пилоту, чтобы он взял курс на мою резиденцию.

Он летел в своей мобиле и пристально смотрел вниз. Он видел людей, они, пробираясь через завалы, двигались куда-то к окраинам. Возможно, они направлялись в те немногочисленные эвакопункты, которые они успели организовать за короткое время. Если, конечно, они знали об их существовании.

Молчание эфира нарушил радостный голос Дореля. Пока только голос. Но и это уже было огромное достижение.

- Господин Кале, слышите меня? Господин Кале!

- Да, Артур, я слышу вас! – воскликнул Кале. – Я чертовски рад вас слышать.

- Вы в порядке?

- Да, не волнуйтесь. Артур, у вас есть адреса эвакопунктов?

Дорель озадачился:

- Адреса? Кажется, нет.

- А у Хэнка они есть?

- Я сейчас узнаю. А что вы задумали?

- Вижу людей, они куда-то бредут, хочу, используя громкую связь мобиле, начать оповещение.

- Вы лично собираетесь этим заниматься? – поразился Дорель.

- Конечно. У меня есть свободное время для этого.

- Господи, мир перевернулся, - вздохнул Дорель.

Кале усмехнулся.

- Ну так что, Артур?

- Сейчас, господин Кале.

Через короткое время Дорель передал Кале нужную информацию. Он набросал адреса в электронный блокнот. Их набралось всего-то около двадцати. Да, немного же они успели. Но что ж, хотя бы это они сделали. Кале взглянул вниз, он увидел еще одну группу людей. Он перевел мобиле в режим снижения и взялся за микрофон.

- Внимание! Внимание!

Люди остановились и подняли голову к небу.

- В связи со стихийным бедствием открыты эвакуационные пункты с теплом и горячим питанием. Ближайшие пункты расположены, - Кале заглянул в свой блокнот, - в районе морского вокзала дом 569 корпус А и площадь Роз, дом 245/57 корпус С. Как слышите меня?

Они услышали его и замахали руками. На душе у Кале немного полегчало. Он тоже махнул им рукой и полетел дальше, пристально глядя вниз.

- Господин Кале, это Хэнк, - раздался звук аудиосканера.

- Слушаю вас, Стивен.

- Докладываю вам, что несколько групп спасателей уже рабо-

тают, господин Кале.

- Где?

- Пока в центральном и юго-западном округах. И еще создаем отряды.

- Хорошо.

- Но работы столько, что не знаем, за что браться.

- Понимаю. Но слава Богу вы уже взялись. Спасибо, Стивен. Что с госпиталями? Есть информация?

- Почти все уцелели. Медики разворачивают еще аварийные пункты.

- Молодцы!

В это время Кале увидел очередную группу людей.

- Ладно, Стивен, у меня тут работа. Держите меня в курсе. Я на связи.

- Обязательно. До связи.

- Внимание! Внимание! – заговорил Кале в микрофон.

Только к утру Кале вернулся домой. Он, едва держась на ногах, поставил таймер и, не раздеваясь, бросился в постель. Перед его взором замелькали какие-то беспорядочные, хаотичные картинки. Сигнальные огни его борта, редкие огни Средиземноморья за бортом, и его метание по небу в мобиле то к югу, то к западу, то снова к югу. Но вот все погасло и его поглотил крепкий сон. Таймер показывал цифру два. Именно столько часов выделил себе для передышки правитель Средиземноморья.

Глава XIX. Последнее признание

Хорошо, что человеку не дано знать своего будущего. Филипп Бине убедился в этом еще раз. Покидая ночью свой дом, чтобы отправиться в госпиталь к Ани, он и представить себе не мог, что никогда больше сюда он уже не вернется. Но если бы только это. Что там какой-то дом, их у человека может быть с десяток за всю жизнь, а то и больше, когда на кону у судьбы, как оказалась, стояла сама его жизнь. Его и Дарии. С рассветом наступил последний день его и ее жизни. Сегодня они должны были умереть.

Они полночи провели у постели Ани. Хотя бы это они успели. Смогли убедиться, что с нею все в порядке. Увидели ее в последний раз, услышали еще раз ее голос.

Там, в госпитале, утром еще ничего не предвещало беды. Этот день обещал быть обычным. Они радовались с Дарией счастливому спасению дочери и надеялись, что все самое плохое теперь у них уже позади, в прошлом. Но им надо было передохнуть, эти страшные события, случившиеся с Ани, отняли у них, казалось, все силы. Они вышли из госпиталя совершенно опустошенные. И, тем не менее, домой они не поехали.

- Надо поспать, - сказал он Дарии, когда он включил двигатель мобиле в ангаре госпиталя. - Чувствую себя совсем разбитым. А ты?

- А я, боюсь, не усну.

- Почему?

- Слишком возбужденное состояние. Как в лихорадке.

- Давай прогуляемся где-нибудь, подышим воздухом, – предложил Филипп.

- Можно и так, но сначала я бы выпила кофе.

Филипп согласился. Мобиле зависла в ячейке ангара и устремилась к выходному порту. Небо ему не понравилось сразу. Оно угрожающе висело над землей.

- Что за черт? Ураган что ли будет? – сказал он.

Дария тоже с беспокойством смотрела на небо.

- Да, не очень красивый вид, - согласилась она. – А прогноз есть?

- Кто его смотрел.

- Ну да.

- Может, все же домой? – спросил он.

- Дорогой, мы в последнее время все время любуемся на такое вот небо. Ты забыл?

- Ну не совсем такое, - вяло возразил он. – Ну ладно, решили, значит, решили. Если что переждем непогоду в ресторане.

Прокручивая позже этот разговор, он спрашивал себя, был ли бы у них шанс, если бы они отправились домой. И ответа не находил. Как говорится, случилось так, как случилось. И ничего уже не исправить.

Они благополучно добрались до ресторана «Первый», где они нередко обедали или ужинали. Им нравилось здесь. Ресторан находился на самом верхнем этаже бизнес-комплекса, оттуда открывался красивый вид на западный округ Средиземноморья.

В этот час в обеденном зале было всего лишь несколько ранних посетителей, зашедших, как и они, на чашку утреннего кофе. Они заняли столик у окна. Филипп время от времени бросал бес-

покойные взгляды на все больше чернеющее небо.

- Дорогой, не беспокойся, - сказала Дария, накрыв его руку своей, - ничего не будет. Вот увидишь. А вот и кофе.

Официант принес две чашки и пирожные. Дария с аппетитом принялась есть. Филипп нехотя пил кофе, к пирожному он так и не притронулся.

- Сегодня я на работу не поеду, - делилась своими планами Дария. – Немного надо успокоиться. А знаешь, сегодня я, наверное, займусь собой, слетаю в спа-салон и к своему парикмахеру.

- Хорошая мысль, дорогая, если только не будет непогоды, - напомнил Филипп.

Он вновь бросил взгляд на небо и вдруг увидел сразу несколько торнадо, взявшихся неизвестно откуда.

- Черт! Это еще что такое? – воскликнул Филипп.

- Торнадо! – изменилась в лице Дария.

Она со страхом смотрела на мужа.

- Может, они пройдут стороной? – неуверенно предположила она.

- Дай Бог, - покачал с сомнением головой Филипп. – Лететь уже нельзя. Надо спуститься в подвал. Здесь наверняка он есть. Должен быть. Пойду узнаю.

- Я с тобой! – подскочила Дария.

Теперь торнадо увидели все, кто был в зале. Люди вскакивали со своих мест и побежали прочь из зала.

- Здесь есть убежище? – крикнул Филипп официанту, который тоже поспешно покинул обеденный зал и бежал недалеко от них.

- Да. Конечно.

Они бежали к лифту, и никто еще не думал о плохом. Все были уверенны, что вот сейчас они спустятся на нулевой этаж и

там переждут стихию. Но, оказалось, что они не должны были так уж сильно на это уповать. Взволнованные люди толпились у кабин лифтов, но их все не было. Вскоре на табло загорелась устрашающая надпись: «Внимание! Перегрузка!».

- Да что же это такое? – в испуге озиралась по сторонам какая-то женщина, она держала на руках беспрестанно тявкающую маленькую собачку.

- Сейчас лифты подойдут, - не совсем уверенно сказал взволнованный официант.

- Как же, подойдут, держи карман шире, - мрачно проговорил полный мужчина. – Не одни мы тут в этом чертовом бизнес-комплексе.

Дария испуганно посмотрела на Филиппа. Он ничего ей не ответил. Между тем, они услышали нарастающий гул приближающегося торнадо.

- А лестница здесь есть? – прокричала женщина с собакой. – Где здесь лестница?

- Мадам, какая лестница, вы забыли на каком вы этаже? – сказал полный мужчина.

И все-таки Филипп еще надеялся. Трудно было поверить, что все кончится именно сейчас и кончится таким вот нелепым образом. Нет, он бы хотел еще пожить, продолжить свое дело, увидеть своих внуков. Филипп, крепко держащий за руку бледную испуганную Дарию, бросился к ближайшему окну. То, что он увидел, повергло его в шок. Он понял, что шансов у них нет. Мощные воронки торнадо были повсюду, они наступали, как солдаты в строю. Дария прижалась к нему и задрожала.

- Господи, Филипп, мы пропали!

Испуганные люди тоже припали к окнам.

- Боже! Боже мой! – с ужасом воскликнула дама с собачкой.

- Да мы все в заднице! – проревел полный мужчина

Филипп крепко прижал к себе дрожащую Дарию. Гул все нарастал, так что закладывало уши. Послышался звук бьющихся окон. Люди испуганно закричали и бросились врассыпную в надежде где-то укрыться. Дария и Филипп остались одни в холле. Пол колебался у них под ногами.

- Мы не пойдем? – громко спросила она.

Филипп отрицательно покачал головой.

- Дорогая, я люблю тебя! - превозмогая гул стихии, прокричал он ей. - Спасибо тебе!

Дария грустно улыбнулась и спрятала лицо на груди мужа. И вдруг она подняла голову, в ее глазах светился ужас.

- А как же Ани? Как она без нас?

- Бог ее сохранит… Я верю в это…

Крепко обнявшись, Филипп и Дария стояли посреди холла. Мысленно они благодарили Бога за то, что прожили долгую и счастливую жизнь в любви и согласии, за то, что он послал им прекрасную дочь, дал каждому из них любимое дело. В их доме всегда было добро и благополучие. Они благодарили Бога за то, что свой последний миг они встретят вместе, поддерживая и ободряя друг друга.

Вскоре наступило для них небытие. Неумолимый торнадо обрушился на бизнес-комплекс всей своей мощью, он начисто снес верхушку небоскреба. Пыль медленно оседала на открывший нижний этаж.

Глава XX. Тщетные надежды

Вокруг все шумело и грохотало. Юрг с трудом продрал глаза, не понимая, где он и что такое происходит. Вчера он здорово набрался. Он приподнял голову с постели, осмотрелся и увидел, что черное небо висит над окном, а в стекла хлещет страшный ветер. Он со всех ног бросился окну. Пол вдруг повело куда-то в сторону под его ногами. Он ухватился за подоконник. Он взглянул в окно и ужаснулся. Торнадо были повсюду, и он понял, что надо спасаться. Но как? Куда бежать? Голова шумела с похмелья, он плохо соображал. Он, как вкопанный застыл у окна, не зная, на что решаться, подниматься ли в ангар или, наоборот, спускаться на первый этаж.

Из соседней комнаты послышался какой-то шум, как будто бы там падала мебель. Вскоре чьи-то ноги затопотали в коридоре и распахнулась дверь. Он обернулся, не выпуская из рук подоконника, и увидел Виту. Ее лицо было скаженно ужасом.

- Юрг! – закричала она. – Надо бежать! Что ты стоишь?

И тут в мельчайших подробностях он вспомнил тот самый день, который должен был стать днем его триумфа над ненавистным семейством Бине, а стал днем жестокого разочарования и позора. В этот день он впервые за всю свою жизнь испытал животный страх за собственную шкуру.

Когда он планировал убийство Ани, ему бы и в кошмарном сне не привиделась такая развязка. Он все продумал, тщательно выбрал место, несколько раз слетал туда, чтобы еще раз просчитать и убедиться в неотвратимости кончины своей дражайшей супруги.

Он радовался тому, что удачно выбрал место действия для решающего акта своей жизненной пьесы. Ущелье было такое глубокое, что никто бы не уцелел там, у него самого кружилась голова, когда он пытался заглянуть в него. И вот это-то его и подвело. Надо было спуститься туда на мобиле и все хорошенько осмотреть. А он положился на то, что увидел лишь одним глазом, стоя на самом краю плато. Надо же было такому случиться, чтобы где-то там внизу оказалось еще одно плато, шире и массивнее того, с которого он ее столкнул. И ей удалось спастись.

Когда он услышал об этом, там в доме своего уважаемого тестя, он просто не поверил своим ушам. Никто не мог там выжить, даже несмотря на это другое плато, а она смогла. Ну, конечно, иначе она не была бы Бине, частью этого проклятого семейства. Надо было действовать по-другому, действовать наверняка, чтобы раздавить это отродье, стереть с лица земли. Но нет, Ани Бине выжила, а ему теперь была уготована очень незавидная участь. Она видела его, и значит, сообщит об этом полиции при первом же допросе.

Он выскочил из дома своего разъяренного тестя, не чуя ног под собой. Времени у него было мало. Надо было срочно собрать вещи и бежать из дома своей жены, куда глаза глядя. Иначе нагрянет полиция, чтобы его арестовать. И тогда все, ни жизни, ни свободы. Уж они его засадят, эти его родственнички, в этом он не сомневался.

Дома он бросился собирать свои вещи. Его одежда не входила в сумку, пришлось принести еще пару штук. Он лихорадочно распихивал вещи по сумкам, когда вдруг его пронзила мысль о том, на что же теперь он будет жить. Он заскрежетал зубами, ведь он не готов был к такому плачевному исходу. И тогда он принялся соби-

рать по дому все, что попадалось под руку, что могло иметь хотя бы какую-то ценность.

Юрг снимал старинную картину со стены гостиной, когда туда вошла Лилия. Она удивленно смотрела на хозяина.

- Ну что застыла? – зло сверкнул он глазами. – Делать нечего больше?

- Что вы делаете с картиной, господин Юрг? – спросила она. – Зачем вы ее снимаете?

- Какое твое дело? – загремел он. - Я переезжаю отсюда. Поняла? Довольна?

- А госпожа Ани тоже переезжает?

- Нет! Только я!

- Госпожа Ани знает о том, что вы увозите ее имущество? – стояла на своем Лилия.

Юрг хотел снова на нее заорать, но потом передумал, что толку орать на биоробот. Вот ведь какая ирония, даже горничная с проводами вместо мозгов и та соображает, кто в этом доме настоящий хозяин. Он ничего не ответил Лилии, схватил картину в охапку и выскочил из гостиной.

Он снял еще несколько картин и прихватил пару антикварных ваз. Еще ему нужны были деньги, но он знал, что живых денег в этом доме отродясь не бывало, только именные электронные счета. Юрг зло скривил губы. Нет, конечно, был и у него такой, но то, что туда капало, были сущие крохи по сравнению с тем, чем владели они.

Вещей набралось немало, так что ему пришлось несколько раз возвращаться, чтобы забрать все, что он упаковал. Наконец, все сумки были уложены в мобиле, а он сидел, соображая, куда бы ему теперь отправиться. Эх, были бы деньги, с горечью подумал он.

Тогда он мог преспокойно отправиться в любую страну и начать там новую жизнь. Но теперь, когда он не только ничего не приобрел, а напротив, потерял даже то, что имел до этого, ему ничего другого не оставалось, как отправиться к своей Вите. Ну что же, это тоже вариант. Никому и в голову не придет искать его там, потому что никто не знает о ней.

Вита обрадовалась ему, выпорхнула навстречу, нежно прижалась и обвила его шею руками. Но сегодня у него было совсем не лирическое настроение и он слегка отстранил ее.

- Что-то не так? – настороженно спросила она.

- Все не так, - с легким раздражением ответил он.

- А поподробнее нельзя?

- Можно. Я же сказал все не так.

- Так ты убил ее или нет? – нетерпеливо спросила она.

- Вита, погоди с расспросами, дай мне что-нибудь выпить, - сказал он, стараясь держать себя в руках.

Они прошли в гостиную и она плеснула немного вина на дно бокала. Он выпил залпом и налил себе сам, на этот раз больше почти вдвое. Вита следила за ним напряженным взглядом.

- Так ты убил ее? – вновь спросила она. – Или нет?

Юрг чертыхнулся про себя, но внешне вида не подал, ведь ему надо было здесь жить. А потому он должен был как-то сохранить эти отношения.

- Я сделал все, что задумал, но ей удалось выжить, - сказал он и налил себе еще вина.

- Выжить? – удивленно спросила она. – А что ты с ней сделал?

- Я столкнул ее вместе с мобиле в глубокое ущелье.

- И ей удалось выжить? – уточнила она. – В таком случае, Юрг, ты просто жалкий неудачник.

Вита насмешливо смотрела на него, и это ему было просто невыносимо. Мало ему всех этих Бине, так еще и она теперь будет тыкать его.

- Я не неудачник, - ледяным тоном сказал он. – И я тебе это докажу.

- Каким образом? – невозмутимо спросила она. – Да, кстати, а что ты теперь намерен делать?

- Я ушел от Ани и хочу теперь жить с тобой, - он выдавил из себя улыбку.

- Со мной. А на что мы будем жить? На что? У тебя есть деньги?

К такому вопросу он готов не был, он не знал, что отвечать.

- Ну как на что? – тянул он время. - Я буду писать картины, мы устроим выставку.

- Выставку? Ты издеваешься? Оставь эти басни для своей жене, когда снова с ней встретишься. Ты забыл, я-то не богачка, как она. Я сама рассчитывала на ее деньги. Думала, ты заберешь ее деньги и мне поможешь.

- Ну не вышло! – не выдержал и закричал он. – Это случайность! При чем тут я!

Он нервно зашагал по комнате. Вита сидела, надув губки. Потом она поднялась и направилась к двери. На пороге она повернулась и сказала:

- Сегодня можешь переночевать здесь, но завтра ты уедешь.

- Но почему? – воскликнул он.

- Потому что я сама зарабатываю себе на жизнь, если ты забыл об этом. И мужчина, который платит, не станет терпеть другого мужчину. Все понятно?

И тогда он напился. Он выпил все, что было в доме Виты, а

потом провалился в черную яму сна.

- Юрг, ты оглох? – кричала Вита, держась за дверь. - Выведи меня отсюда!.. Сделай что-нибудь!.. Юрг!..

Он отлично слышал ее, но он и сам не знал, что надо делать. А может быть, он просто боялся оторваться от подоконника, который казался ему надежным и непоколебимым.

Торнадо был совсем близко, пол колебался под их ногами. Но Юрг все еще надеялся, что, может, стихия пройдет стороной, а если не пройдет, то дом выдержит, обязательно выдержит. Ну что может случиться с таким мощным многоэтажным сооружением? И, кроме того, разве не безумие сейчас садиться в мобиле. Вот там-то как раз верная смерть. А здесь они отсидятся, и ничего не будет.

И в это время страшный удар сотряс весь дом, и черная волна накрыла их. Он не помнил, где он был. Очнулся он в кромешной темноте. Стояла тишина. Ему было трудно дышать. Он пошевелился, чтобы подняться, но его рука уткнулась в какое-то препятствие. Он стал шарить руками вокруг себя, и повсюду были каменные препоны, из которых ему уже не выйти. И тогда он закричал, что было силы. Но никто ему не ответил. Он кричал снова и снова, пока силы не покинули его, и тогда он заплакал. Его слезы очень скоро превратились в истерику, он кричал и бился о стены своего нового жилища. Но никто ему так и не ответил. Никто не пришел ему на помощь.

Глава XXI. Бар «Лунная дорога»

Запыленная мобиле Даррела приземлилась недалеко от бара «Лунная дорога». Этот район торнадо обошел стороной, все дома уцелели. Лишь заносы песка и мусора напоминали о свалившемся на Средиземноморье бедствии. Безучастный взгляд Ани скользил по местности.

Она чувствовала себя совершенно разбитой, дурные предчувствия и тревога сжимали ее сердце. Ее сознание не могло справиться со всеми событиями, которые произошли с нею всего-то за два дня. Ей казалось, что все это происходит с нею во сне. Скоро она проснется в своей постели, сонно протрет глаза и станет собираться на работу. Как делала каждый день. Что бы только она не отдала, чтобы это стало реальностью. Но реальность теперь у нее была совершенно другая: по злой воле судьбы ее жизнь разрушилась вместе с ее родным Средиземноморьем. Но самое страшное, что беспокоило ее теперь более всего остального, была участь ее родителей. Она боялась и думать о том, что их дом разрушен. В этом случае она не представляла, где она будет их искать. Мысли же о том, что они могли погибнуть, она просто не позволяла даже толком сформироваться. Это было бы самое ужасное, что могло произойти в ее жизни.

- Это здесь, - сказал Даррел, отстегивая ремни безопасности. – Сейчас я разузнаю, как и что. А вы пока будьте в машине.

Ани молча кивнула. Даррел выбрался из машины. Двери

бара были плотно закрыты. Инспектор постоял у дверей, но автоматически они так и не открылись. Тогда он стал стучать. Вскоре дверь отворилась. На пороге появилась полная женщина с хмурым лицом, судя по всему, хозяйка бара. Ани видела, что ее совсем не обрадовал визит полицейского, она смотрела на него настороженным взглядом, словно ожидая подвоха. Он что-то говорил ей, та, видимо, раздумывала, соглашаться ли. Несколько раз она взглянула в сторону мобиле Даррела, где сидела Ани. Инспектор настаивал. И хозяйке пришлось отступить. Она нехотя кивнула головой

Даррел вернулся обратно. Он открыл дверь мобиле со стороны Ани и подал ей руку.

- Пока вы останетесь здесь.

- А это надолго? – обеспокоилась она.

- Пока я не выясню, куда бы я мог вас отвезти.

Ани слегка побледнела. Она поняла, что Даррел собирается отправиться на поиски ее родителей. Хотя, быть может, она ошибалась. Возможно, он просто хотел найти ближайший госпиталь. Она не стала бы его осуждать за это. В конце концов, он и не должен искать ее семью. Это вообще не входит в его обязанности. Она подала свою руку инспектору и он помог ей выбраться из машины. Ани пошла сама, осторожно ступая на перевязанную ногу.

. Хозяйка терпеливо ждала, когда они войдут. Затем она закрыла на ключ входную дверь и махнула рукой куда-то в темноту. Как, оказалось, там была скрипучая старинная лестница, она жалобно отзывалась на каждый их шаг. Ани, никогда не видевшая в жизни такого сооружения, с опаской подумала, не развалится ли эта лестница прямо под ними. Но все обошлось. Они благополучно ступили на второй этаж. Здесь отвратительно пахло плесенью.

Хозяйка бара шла впереди по полутемному, обшарпанному

коридору, освещаемому лишь мутным оконцем в боковой стене. Она толкнула рукой какую-то дверь и отошла в сторону.

- Входите, - сказала она.

Ани и Даррел вошли в крохотную комнатку, оклеенную старой линялой бумагой. В углу к стене приткнулась старинная узкая кровать со старым линялым покрывалом, рядом ветхая тумбочка. На окнах висели короткие занавески с давно стертым от стирок рисунком.

- Можете прилечь, - сказала хозяйка, обращаясь к Ани, - вам надо отдохнуть.

Ани кивнула головой.

- Спасибо, - тихо произнесла Ани.

Комната и вся обстановка в ней не внушали никакого доверия. Все казалось здесь Ани запыленным и неопрятным. Поэтому для себя она решила, что самое большее, что она сможет здесь себе позволить, так это только присесть на краешек этой постели.

- Госпожа Бине, - обратился к ней Даррел, - вы пока располагайтесь, а я выясню все и вернусь за вами.

- Хорошо, господин Митчелл. Я буду вас ждать.

Даррел поспешно вышел из комнаты. А Ани осталась наедине с хозяйкой бара. Они помолчали. Потом женщина вдруг спросила:

- Вы где живете?.. В смысле жили? – поправилась она.

Ани помрачнела еще больше. Она вновь вспомнила, что прошедшее время уместно теперь, видимо, в применении ко всей ее жизни.

- Я жила в районе ратуши юго-западного округа, - тихо отозвалась она. – Неподалеку от 92 транспортной развязки.

Хозяйка бара наморщила лоб, вспоминая, где это находится. Потом она закивала головой.

- Это почти центр?

- Да.

- Так вы из богатых? – неожиданно спросила хозяйка бара. – Там не живут простые люди. Кто ваши родители?

- Мой отец владелец концерна косметических средств. Филипп Бине.

- Да-да, а я еще думаю, где я слышала эту фамилию, когда инспектор ее назвал. Она на каждой упаковке с косметикой. А что вы не думайте, я раньше тоже покупала, чтобы выглядеть достойно. Теперь-то, конечно, уже мне это ни к чему, а раньше покупала. Мне нравились эти средства. И по цене доступные.

Ани и не ожидала, что хозяйка бара, встретившая их не особенно приветливо, будет с нею такой разговорчивой.

- А вы давно знаете инспектора? – спросила в свою очередь Ани.

- Нет, что вы, я его и не знаю почти. Я видела его всего-то один раз. Недавно они нагрянули ко мне как-то под вечер со всей своей бригадой. Здесь неподалеку убили какого-то парня. Стали расспрашивать да выспрашивать. Конечно, работа у них такая, ничего не поделаешь. Но знаете, не люблю я полицию. От них никогда не знаешь, чего ожидать. Я вот и сейчас неохотно его впустила, но он сказал, что надо оставить раненую женщину. И я ему обещала, что присмотрю за вами. Ладно, я пойду. А вы устраивайтесь тут, как можете. Отдохните, у вас совсем измученный вид.

Хозяйка бара ушла, прикрыв за собой скрипучую дверь. Ани тихонько присела на краешек кровати. Из окна открывался унылый вид на грязный двор, по которому ходили куры. Ани с любопытством смотрела на них. До этого она никогда не видела этих птиц вживую. Домашние птицы не обитали в современном мегаполисе,

их выращивали в специальных фабрикаториях. Но здесь остался уголок, нетронутый цивилизацией. И эта ветхозаветная картина, которую она наблюдала из окна, опять натолкнула ее на мысль, что это сон. Она с тоской смотрела в окно, ей страстно хотелось проснуться. Ани ущипнула себя за руку и горько усмехнулась. Конечно же, это был не сон.

Глава XXII. Мегаполис в руинах

Инспектор Митчелл спешил. У «Лунной дороги», где осталась расстроенная Ани, он резко поднял мобиле в небо, даже не включив автопилот. Он должен был срочно уяснить для себя обстановку. Судя по тому, что они видели с Ани, прорываясь сквозь буйство торнадо, мегаполису был нанесен небывалый, ни с чем не сравнимый урон. Ничего подобного Даррел не видел за всю свою жизнь. То, что раньше называли стихийными бедствиями, были игрушки по сравнению с тем, что случилось теперь. Это было понятно еще когда бушевал торнадо, теперь же он увидел это своими глазами. И то, что он увидел, сравнить было не с чем. Разве что с каким-нибудь фильмом ужасов. Но то фильм, а это была реальность, страшная реальность.

Он летел и взгляд его беспрестанно фиксировал разрушения. Многие дома-гиганты были разрушены едва ли не на половину, верхние этажи вместе с ангарами для мобиле смел безжалостный ветер. Улицы и площади были завалены обломками конструкций, металла и строительного бетона. Нетронутыми стихией остались только окраины мегаполиса.

Чтобы как-то определиться, с чего-то начать, Даррел попытался выйти на связь с инспекторатом.

- 1-й, 1-й, на связи инспектор Митчелл, - напряженно вслушиваясь в эфир, заговорил Даррел. - 1-й, 1-й, ответьте инспектору Митчеллу…

Ответом ему было лишь легкое шуршание эфира.

- 1-й, 1-й, ответьте…

Связи не было.

- Отлично, нечего сказать, - вздохнул Даррел. – Чертова связь.

Ему надо было понять, куда же направить мобиле. Он подумал, что сначала он должен определиться насчет Ани. Она не могла находиться в баре долгое время, тем более, что условий там не было никаких. Он бы мог поместить ее в госпиталь, но почему-то эта мысль не казалась ему удачной в сложившихся обстоятельствах. Поэтому самое лучшее, что можно было бы сделать для госпожи Бине, это найти ее родителей, передать ее, так сказать, под их надежное крыло.

- Так, посмотрим, где живет семья Филиппа Бине, - сказал он сам себе, вводя имя отца Ани в бортовой компьютер.

- Филипп Бине. Проспект Мира, 1456/5, верхняя директория №5, - спустя несколько секунд, ответил компьютер его борта. – Приятного полета.

- Верхняя директория, значит, - задумчиво произнес Даррел. – А вот это уже не очень хорошо.

Ничего не было удивительного в том, что семья Филиппа Бине жила в верхней директории. Верхние директории домов-гигантов, как правило, имели самые большие и наиболее комфортабельные апартаменты с собственными закрытыми садами и бассейнами. Естественно, что такое жилье класса А могли себе позволить лишь очень состоятельные люди. Средние и нижние директории занимал средний класс. Люди жили там совсем неплохо, но не так шикарно, как те, что наверху. Даррел, который по роду своих занятий относился к среднему классу, тоже имел апартаменты на одном из этажей средней директории. И жилось ему там вполне нор-

мально.

Однако по злой воле судьбы именно верхние этажи домов-гигантов больше других пострадали от урагана. И потому вряд ли можно было надеяться на то, что апартаменты семьи Бине остались невредимыми.

На горизонте замаячила группа полуразрушенных домов, когда компьютер объявил:

- Подготовка к посадке. Определение параметров стыковки.

Его борт готовился к посадке, а между тем поблизости не было ни одного подходящего для этого дома с целым ангаром. Значит, какой-то из разрушенных домов и есть дом 1456/5.

И точно, вскоре компьютер сообщил ему:

- Внимание! Посадка невозможна! Отсутствие заданного стыковочного узла! Внимание! Посадка невозможна!

Даррел помрачнел. Получается, что судьба родителей Ани неизвестна, и где они, узнать не у кого. Оставалось только надеяться, что стихийное бедствие не настигло их дома. Хотя оно вполне могло настигнуть их в любом другом месте, например, на работе. И все-таки вряд ли они после происшествия с Ани отправились бы утром на работу как ни в чем ни бывало. Это ему представлялось маловероятным. Но они могли полететь, к примеру, в ресторан. А многие фешенебельные рестораны также располагались в верхних директориях.

- Да-а-а, дела, - сказал он сам себе.

В следующий момент ему пришла в голову мысль найти дом самой Ани. Все-таки она небедный человек, в доме, наверняка, есть прислуга, будет кому о ней позаботиться. Правда, ее прохвост муж тоже, скорее всего, находится там. Но в этом он мог ей помочь. И вероломный супруг убрался бы оттуда в два счета. Однако и на

это он рассчитывать не приходилось. И скоро его опасения подтвердились. Дом, где еще недавно жила Ани Бине, тоже лежал в руинах.

- Внимание! Посадка невозможна! Отсутствие заданного стыковочного узла! – вновь сообщил компьютер.

Даррел тяжело вздохнул. Что же, госпожа Бине стала бездомной, впрочем, как и множество других жителей Средиземноморья. Теперь ему оставалось выяснить, не стал ли бездомным и он сам. Слабый огонек надежды тлел еще в его душе. Все-таки его жилище находилось в средней директории, и кто знает, может быть, ураган не добрался до него.

Все еще кружа над руинами дома Ани Бине, Даррел задал мобиле новый маршрут. Компьютер его борта тут же подтвердил новую информацию:

- Курс – дом Даррела. Приятного полета.

Даррел усмехнулся.

- Спасибо. Постараюсь получить удовольствие.

Мобиле развернулась и легла на курс в заданном направлении. Теперь Даррелу оставалось только ждать. От юго-западного округа, где жила Ани, до его дома прилично лета. Жил он почти у самой окраины северного округа. Раньше иногда он огорчался по поводу удаленности своей работы, особенно, когда выдавались тяжелые дежурства. Но теперь это давало ему надежду на то, что хотя бы его дом уцелел в этой вакханалии. Он с тревогой ждал приближения, что-то скажет ему компьютер. А определять параметры стыковочного узла навигатор борта начинает заблаговременно. Время шло, но пока компьютер помалкивал. Даррел напряженно ждал.

- Подготовка к посадке. Определение параметров стыковки, -

наконец, раздался электронный голос.

Тишина. Вдали замаячили дома. Даррел напряг зрение, вроде бы они были целы.

- Борт господина Митчелла запрашивает посадку.

Это звучало совсем обнадеживающе. Значит, было у кого запрашивать. Спустя секунду, Даррел услышал другой электронный голос и вздохнул с облегчением.

- Порт D52. Добро пожаловать!

Мобиле была совсем близко от дома, он уже мог видеть его в деталях. Дом был цел, но кое-где вместо окон зияли дыры. Это были сущие пустяки в сравнении с тем, на что он сегодня насмотрелся. Мобиле вошла в ангар и мягко приземлилась в своем секторе. Даррел отключил систему безопасности и выбрался из машины.

Он вызвал кабину лифта. Ее пришлось ждать дольше обычного. Это означало только одно, что дом питается от аварийного генератора. И это уже была плохая новость. Аварийного энергоснабжения не хватит надолго, и значит, дом останется без тепла и света, если основной энергетический канал так и не исправят. Соответственно, жить в доме будет нельзя.

Лифт остановился на нужном этаже средней директории. Даррел шагнул в свой холл. Как обычно, дом встретил его тишиной. Он осмотрел свое жилище, проверил окна. Все было в целости сохранности. Было и освещение. Немного он успокоился. Значит, здесь можно будет еще пожить какое-то время. А там, глядишь, быть может, восстановят и энергоснабжение. Хотя особой уверенности в этом у него не было. Ну что же, теперь ему надо было вернуться в «Лунную дорогу», чтобы забрать оттуда госпожу Бине.

Когда он вошел, хозяйка бара сидела за стойкой, она с задум-

чивым видом тянула спиртное из бокала. На этот раз она встретила его уже приветливее.

- Вы уже вернулись?

- Да.

Не спрашивая, она плеснула в бокал вина и подала Даррелу. Тот взял бокал и устроился напротив нее.

- Что, плохо? – спросила она.

- Неважно.

- Много чего разрушено?

Даррел кивнул головой:

- Так много, что и не передать словами.

Хозяйка бара горестно вздохнула.

- Да-а-а…

Они молча пили спиртное. Даррел внутренне настраивался на разговор с Ани. Он знал, что опять придется ему стать черным вестником. С этой своей работой он столько раз им был, что почти перестал обращать на это внимание. Он и его напарники приезжали к родственникам пострадавшего, сообщали страшную весть, выражали соболезнования, попутно задавали какие-то вопросы и уезжали. В пылу погонь, расследований, а то и перестрелок он мало задумывался о том, какую боль они оставляли после своего ухода в домах этих людей, потерявших близких. Думать об этом им было просто недосуг. И вот сегодня он впервые за долгое время, очень долгое время должен был прежде настроиться, чем идти сообщать плохие новости. Быть может, так было оттого, что дело касалось человека, и без того выбитого из колеи жестокой судьбой. Получалось, что он должен был едва ли не добить Ани Бине своими известиями. Хотя, скорее всего, она уже готова к этому. Но это было очень слабым утешением.

- Нашли пристанище для дамы? – спросила хозяйка бара.

- Кое-что нашлось, - уклончиво сказал он.

- Кое-что? А что же ее дом?

- Все разрушено. И ее дом, и дом ее родителей.

Хозяйка бара вновь горестно покачала головой.

- А ее родители? Они живы?

Даррел пожал плечами.

- Кто же знает, - сказал он. – Никто теперь ничего не знает.

Он допил вино и поставил бокал на стол.

- Пойду, - сказал он, поднимаясь со стула. – Надо сказать об этом госпоже Бине.

- Помоги вам Бог.

Даррел постучал в дверь и вошел. Ани сидела на кровати и смотрела в окно. Она оживилась, увидев его.

- Ну что, инспектор, мы уже можем лететь?

- Ну, в общем-то, да, - неуверенно сказал он.

- А куда? Куда вы меня отвезете? – с надеждой спросила она.

- Госпожа Ани, вы поедете ко мне домой.

- К вам? – поразилась она. – Так, значит…

Она побледнела и замолчала.

- Да, вашего дома больше нет.

- А мои родители?

- Их дом тоже разрушен.

- А они сами? Где они?

Ее глаза погасли, она поняла, какой абсурдный вопрос она задала.

– Ну да, конечно, о чем это я. Вы же не знаете. Никто не знает.

Борясь со слезами, она отвернулась к окну.

- Совсем необязательно, что они погибли, - стараясь быть убе-

дительным, заговорил Даррел. – Возможно, их просто не было дома. Даже скорее всего не было. Мы-то с вами выжили. А почему они не могли? Постепенно все встанет на свои места, вот увидите. Мы обязательно будем их искать. И найдем.

Ани смотрела на Даррела и в ее глазах оживала надежда. Она робко улыбнулась сквозь пелену слез.

- Думаете?

- Уверен. А теперь дайте мне вашу руку, я помогу вам спуститься по лестнице. Здесь ведь лифтов нет.

- Хорошо. Спасибо вам, инспектор. Спасибо.

Он помог ей подняться и повел ее к выходу.

Глава XXIII. Кошка в душе

Ани неуверенно переступила порог дома инспектора Митчелла. Ей было здорово не по себе. Неожиданно волею обстоятельств она оказалась выброшенной из обычной своей жизни, одна без близких, да еще и в совершенно чужом доме.

- Входите смелее, госпожа Бине, - желая ее приободрить, сказал Даррел.

- Ани. Зовите меня просто Ани.

- А я Даррел, - сказал он с улыбкой и протянул руку. – Вот и познакомились.

Они оба рассмеялись и обменялись рукопожатием.

- Давайте я вам покажу, где что находится, - продолжил Даррел. – Конечно, у меня не хоромы, но жить можно.

- Это теперь не имеет никакого значения, - погрустнев, заметила Ани. – Только одно важно.

Даррел вопросительно посмотрел на Ани.

- Я вас точно не стесню? – спросила она.

- Точно. Я же сказал вам, что в этом доме нет никого кроме меня. Да и меня, видимо, скоро не будет. С моей работой в обычное-то время я здесь редкий гость, а уж теперь…

Даррел махнул рукой.

Инспектор жил в обычных апартаментах среднего уровня. Она бывала раньше в таких домах.

- Здесь гостиная, - показывал Даррел жилые помещения, - а это столовая. Это бытовое помещение, здесь есть все, чтобы приготовить еду или кофе. Ох, извините, Ани, - слегка смутился

инспектор. – Не все, здесь есть не все.

- Не все? – с улыбкой уточнила Ани.

- Точно, не все. Здесь почти нет продуктов.

Ани кивнула головой.

- Это важное дополнение.

- Нет, ну не то чтобы уж совсем. В холодильном шкафу есть овощные консервы, немного хлеба и упаковка джема. А еще есть макароны. Да, макарон тут достаточно.

Для подтверждения своих слов Даррел распахнул дверь шкафа для продуктов, внимательно его осмотрел.

- Ну да, так и есть, - грустно сказал он. – Придется где-то достать продуктов.

- Не беспокойтесь, Даррел, это неважно.

- Ладно, разберемся. Ну что, а теперь давайте я покажу вам комнату. Это комната для гостей. И вы будете там первой гостьей. Но вы не подумайте, там есть все необходимое. Там вам будет удобно.

Комната, куда ее привел Даррел, была довольно просторной с выходом на открытую террасу. Ани нравились такие помещения, в них не чувствовалось замкнутости пространства, характерной для каменного мегаполиса. В любой момент можно было выйти на открытый воздух. Такая комната была у нее в родительском доме. Конечно, она была намного просторнее, да и террасу скорее можно было назвать открытым садом, но комната для гостей в доме Даррела ей сразу же напомнила то ее жилище. И кошка с острыми когтями опять заскреблась в ее душе.

Вдруг раздался резкий звук аудиосканера Даррела, он достал его из кармана своей форменной куртки.

- Инспектор Митчелл, на связи спасательная служба западного

округа, дежурный Адам Привер.

- Да-да, Адам, я слушаю.

- Даррел, объявлена всеобщая мобилизация спасателей и полицейских. Сможешь связаться со своей группой? Сбор у сквера на площади Революции.

- Понял. Скоро буду. Попробую разыскать ребят. Да, вот еще что, Адам. Мне надо отыскать своих знакомых.

Ани замерла в напряжении, она поняла, что инспектор сейчас будет говорить о ее родителях.

- Ладно, помогу, чем смогу. Скажи их имена.

- Филипп и…

- Дария, - поспешно подсказала Ани.

- Филипп и Дария Бине.

- Это владелец какого-то концерна? Ничего себе, какие у тебя знакомые, Даррел, - удивился Адам. – Их дочь еще недавно попала в аварию?

- Их дочь сейчас рядом со мной и слушает тебя, - прервал Адама Даррел, не давая ему наговорить лишнего.

- Ясно. Я записал, появится информация, сообщу. Ну так ты, Даррел, не задерживайся.

- Уже бегу.

Аудиосканер погас, сеанс связи был завершен. Ани вопросительно смотрела на Даррела.

- Ну что же, Ани, я покидаю вас, - сказал он ей. – А вы тут сами разберетесь, что к чему.

Она кивнула.

- Спасибо, Даррел. Спасибо за все.

- Пустяки, - сказал он, направляясь к двери.

В холле раздался звук закрывающихся дверей лифта. Насту-

пила тишина. Ани осталась одна.

Еще никогда она не чувствовала себя такой одинокой и неприкаянной. Всегда она много работала. Ее жизнь представляла собой направленное движение от одной цели к другой. И ей это было не в тягость. Как и ее родители, она любила свое дело, каждый новый рабочий день она начинала с радостью в приятном предчувствии новых дел и встреч. Летела в свое агентство, и пока еще не собрались ее подчиненные, изучала чертежи, делала наброски, строила планы. А теперь впервые, как она себя помнила, Ани бесцельно бродит по чужому дому, не зная, чем себя занять.

Она постояла у окна в гостиной, откуда в промежутке между высотными домами напротив, виднелись страшные разрушения Средиземноморья. Мысль о родителях вновь пронзила ее сердце острой стрелой. Она тяжело вздохнула, на глаза ее навернулись слезы. Но она строго приказала себе не раскисать. Ничего еще неизвестно, и может еще быть, что родители ее спаслись, миновала их трагическая участь. Вполне возможно, что они ищут ее, так же, как и она, страшно переживают и не знают, где ее искать. Но кто знает, вдруг уже к вечеру у Даррела будет какая-то информация об ее родителях. И она, устроившись поудобнее в глубокой кресле в гостиной, стала в нетерпении ждать его.

Ждать пришлось долго. Часы текли медленно и томительно. Ани все время боролась с усталостью, сон мягко подступал к ней. Тогда она включила телеэкран. Она увидела картины одна страшнее другой. Встревоженные репортеры с оторопью в глазах скороговоркой передавали свои комментарии. Вот на экране появился вымотанный Ют Кале, он давал интервью каким-то телеканалам, стараясь говорить уверенно и бодро, но это ему плохо удавалось, в глазах его были усталость и тревога.

- Ситуация под контролем, - говорил Кале, - полным ходом идут спасательные работы, ведется разбор завалов, пострадавшим оказывается медицинская и моральная помощь.

- А что с энергоснабжением? – спросил его кто-то из репортеров.

- Энергоснабжение? Восстановим обязательно. Работы уже идут.

Блоки новостей сменяли один другой. На телеэкране появился ведущий какого-то внеочередного выпуска. Он с мрачным видом сообщил о том, что Средиземноморье понесло небывалые потери, число погибших исчисляется тысячами, еще больше пропавших без вести. Он призвал тех, кто сейчас был у телеэкранов, внимательно смотреть кадры камер наблюдения, которые до разрушения зданий поступали на пульты департамента охраны правопорядка.

- Возможно, вы увидите своих близких и узнаете об их участи, - сказал репортер.

Ани насторожилась. Неизвестно от чего сердце у нее взволнованно забилось. Она впилась в экран взглядом. Картинки с камер показывали испуганные лица людей, застигнутых стихией в самых разных местах - в торговых центрах, библиотеках, ресторанах. Несчастные люди метались в поисках спасения, но не находили его. Но вот очередной кадр показал пару, неподвижно стоящую посреди какого-то помещения среди всеобщей суеты. Женщина стояла, прижавшись к мужчине и уткнув голову ему в грудь. Ани удивилась спокойствию этих людей. Но вот она отняла лицо и Ани с леденящим ее душу ужасом вдруг узнала в этой женщине свою мать.

- Мама! – с ужасом воскликнула она и бросилась телеэкрану.

В один миг Ани оказалась около него. Теперь она видела и

отца, он что-то говорил Дарии. Она слегка улыбнулась и вновь прижалась к груди мужа. Ани напряженно до боли в глазах вглядывалась в лица родителей, понимая, что видит их в последний раз. В следующий миг наступила темнота.

Ани медленно оседала вниз. Слезы душили ее.

- Господи!.. Да что же это!.. – закричала она. – Что же это такое!.. Господи!.. Помоги мне!..

Она упала на пол и разрыдалась.

Глава XXIV. Отчаяние

Даррел прилетел на площадь Революции сразу после того, как он нашел по связи всю свою группу. Все, к его большой радости, были живы и здоровы. На площади уже толпились полицейские и кое-кто из спасателей, кого, видно, не сразу нашли после урагана. Инспектор Митчелл с горечью отметил про себя, что людей собрали не так уж много. Видимо, и в их рядах потери.

Инспектор искал глазами своих напарников. Тех пока что не было. Но вот приземлилась мобиле Лютера, мужа их Ады. Она выбралась из машины и принялась озираться по сторонам. Даррел махнул ей рукой и она заспешила к нему.

- Господи, Даррел, ты цел! – бросилась к нему на шею Ада. – Как же я рада тебя видеть! Я уж и не думала!

- Но-но, хватит обниматься, - шутливо упрекнул Аду подошедший Лютер.

Даррел пожал ему руку.

- Так, значит, наши парни тоже в порядке? – радовалась Ада.

- Скоро прилетят, - ответил Даррел. – А вы-то как уцелели?

- Да кое-как уцелели, - ответил Лютер.

- Мы случайно оказались на окраине, - заговорила Ада. – Представляешь, случайно. Отправились в гости к тетушке Лютера, а тут такое началось. Но там-то слава Богу только краем задело. А ты, Даррел?

- Я был в полете, удалось увернуться.

- Здорово, - с улыбкой сказала Ада. – Ну что, куда нас бросят?

- Наверное, разбирать завалы, - предположил Лютер.

- Да, куда же еще, - согласился Даррел. – Это теперь, наверное, самое основное.

- Смотрите, а вот и Роберт со Стеном, - радостно воскликнула Ада и бросилась обнимать своих напарников.

- Я уж думала вас не увижу, - призналась она, крепко держа их за руки.

- Ну ладно-ладно тебе, Ада, - немного смущенно сказал Стен.

- Дай нам и с Даррелом поздороваться, - поддержал Роберт. - Черт, Даррел, рад тебя видеть.

Даррел обменялся крепким рукопожатием со своими напарниками.

- И я рад, ребята, - от души сказал он.

Они ждали уже с полчаса, но приказа все не было. Прилетел корабль службы спасения, чтобы забрать спасателей.

- А нам приказа не передавали? – спросил Даррел у командира спасателей, прилетевшего на корабле.

Тот пожал плечами.

- Мне сказали забрать только спасателей.

- Так, а что спасательные работы идут? – спросил Даррел.

- Да ни черта они не идут, - нехотя ответил тот.

- Почему? – удивился Даррел.

- Нет у нас столько техники, чтобы разобрать все, что упало. Только начали разбирать пару-тройку небоскребов. А смысл? Кого мы там спасем такими темпами?

- Что он говорит? – спросила Ада, когда Даррел вернулся.

- Да ни черта никто не знает, - уклончиво ответил он.

Чтобы не торчать на площади попусту, Даррел связался с Адамом из службы спасения, который вызвал их сюда.

- Адам, ну что там, для нас не поступило указаний?

- А к вам никто не подлетел?

- Никто.

- Ну тогда я не знаю.

- А кто давал указание нас собрать?

- Да вроде бы ваше руководство. Знаешь, Даррел, между нами говоря, - Адам чуть понизил голос, - здесь теперь мало кто представляет, что делать. Сам черт ногу сломит. Вот такие дела, дружище.

- Понятно, - вздохнув, сказал Даррел. - Ну а о семье Бине нет новостей?

- Нет, пока ничего.

К инспектору подошла Ада, она услышала конец их разговора с Адамом.

- А с чего это ты интересуешься семьей Бине? – полюбопытствовала она.

- Да так, по работе. Если ты помнишь, мне пришлось взять это дело из-за твоей свадьбы.

- Это я помню. Так, а интересуешься-то ты ими с чего? Случилось что-то?

- Они пропали без вести.

- Ужас! – округлила глаза Ада. – И ты их ищешь?

- Приходится.

- Но почему?

- Работа у меня такая, Ада, - почти теряя терпение, ответил Даррел.

Полицейские, уставшие ждать приказов, громко ругали свое начальство. Они подождали еще, но никто так и не появился. Тогда они, посовещавшись друг с другом, решили отправиться восвояси, кто куда. А завтра они должны были собраться утром на площади

перед инспекторатом, вернее, перед тем, что от него осталось. Правда, если верить рассказам тех, кто сделал над ним пару кругов, пострадала только взлетная площадка, да верхний этаж. Значит, работать там будет можно.

Даррел вернулся домой еще засветло. Он вошел в холл и прислушался. Из гостиной доносился звук работающего телеэкрана. Даррел обрадовался. Значит, Ани чувствует себя здесь уже, как дома. Оставив куртку в холле, он пошел в гостиную. Телеэкран действительно был включен, но Ани там не было. Тогда он решил, что она, видимо, ушла в комнату для гостей и уснула. Однако он должен был убедиться в этом. Он должен был увидеть своими глазами, что с нею все в порядке.

Он тихонько постучал в дверь. Никто не ответил. Он прислушался, ему почудились какие-то сдавленные звуки. Тогда он отворил дверь и осторожно вошел. Он увидел Ани, лежащей на постели, она уткнулась в подушку, плечи ее вздрагивали. Она плакала.

- Ани, что с вами? Почему вы плачете?

Он подошел ближе. Она не повернулась. Инспектор растерялся, он не знал, как ему поступить.

- Ани, почему вы плачете? – вновь спросил он. – Что случилось?

Наконец, Ани обратила к нему свое заплаканное лицо.

- Все кончено, Даррел, - сказала она дрожащим голосом. – Все кончено.

- Что кончено? – не понял он.

- Мои родители… Они погибли… Их больше нет…

Слезы вновь полились из ее глаз. Она едва держалась, чтобы не зарыдать.

- С чего вы это взяли? – удивился он.

- Я увидела… увидела… это в новостях…

- Где? – оторопело спросил он.

Срывающимся голосом она рассказала все, что увидела. Даррел не верил своим ушам. Надо же было ей именно в этот момент включить этот злосчастный телеэкран и увидеть собственными глазами гибель своих родителей. Он не мог понять, как могло случиться такое совпадение, нанесшее Ани тяжелую моральную травму.

- А ошибки быть не может?

Ани замотала головой. Она была близка к отчаянию.

- Я их видела отчетливо, как вас сейчас. Господи, я не знаю, что мне теперь делать…

- Я сейчас.

Даррел бросился прочь из комнаты. Вскоре он вернулся со стаканом воды и парой пилюль.

- Выпейте это, - сказал он Ани, - вам надо успокоиться.

Она послушно приняла лекарство из его рук. Ани выпила пилюли и задумалась.

- Это очень тяжело. Я знаю, - старался успокоить ее Даррел. – Но надо держаться. Надо терпеть.

Слезы вновь наполнили ее глаза.

- Господи, я не могу… У меня нет больше сил… Моя жизнь кончена…

Даррел сел рядом с Ани на постель и взял ее за руку, желая хотя бы как-то ее поддержать.

- Я понимаю вас, отлично понимаю. Я потерял своих родителей, когда мне было двадцать. Они утонули. Плыли на корабле и утонули.

Она молча смотрела на Даррела.

- Когда-то это обязательно случается с кем-то из близких, - продолжал говорить он. - Это тяжело. Но что ж делать. Надо смириться. Все равно мы ничего не можем изменить.

- Да, вы правы, - тихо сказала она. – Но мне тяжело… Как же мне тяжело… Знаете, прямо сердце разрывается…

Голос ее снова задрожал, но Ани сдержалась. Она с силой сжала руки, чтобы снова не разрыдаться.

- Извините меня, Даррел. От меня одни проблемы. Теперь вам еще приходится меня утешать.

- Перестаньте, Ани, что вы.

- Это так, - печально сказала она.

- Вам немного полегче?

Ани положила голову на подушку.

- Чуть-чуть.

- Это лекарство. Постарайтесь уснуть.

Она послушно закрыла глаза. Даррел тихонько поднялся. Он осторожно открыл шкаф, достал плед и укрыл им Ани. Он еще немного побыл в комнате, опасаясь, не будет ли она снова плакать. Но она не открывала глаз, а вскоре ее дыхание стало ровным, она уснула. И Даррел вышел из комнаты.

Глава XXV. Путь к спасению

После страшного урагана, обрушившегося на Средиземноморье невиданную мощь, прошло почти полмесяца. Но за это время мало что изменилось в мегаполисе. Город так и не смог оправиться от разрушений. Поначалу завалы еще пытались разбирать, однако власти скоро поняли, что это бесполезно: работы было слишком много, а сил и техники мало. Поэтому ликвидацию разрушений быстро свернули, а технику бросили на строительство эвакуационных помещений, где, по слухам, намерены были собрать всех оставшихся в живых средиземноморцев. А потери людей были огромными. Даррел не знал ни одного человека, кто бы не потерял кого-то из своих близких или друзей.

Ани тяжело переживала потерю родителей и, видимо, не только это, но и вообще все, что свалилось на нее за такое короткое время. Но, как человек сильный, имеющий большую волю к жизни, она мужественно боролась с обстоятельствами, в которых оказалась. Она держала себя в руках и не позволяла раскисать. Возможно, оставаясь наедине с собой, она давала волю чувствам, но в присутствии Даррела она выглядела внешне спокойной, хотя и печальной.

Вместе с Даррелом они проводили много времени. Потому что инспектор почти не бывал на службе.

Прилетев в инспекторат на следующее после стихийного бедствия утро, он нашел на площади некоторых из своих коллег. Они обсуждали последние события и ждали прибытия начальства. Шеф в сопровождении каких-то людей в военной форме вышел из

инспектората. Вид у него был удрученный. Он направился к полицейским, толпившимся на площади. Они увидели его, затихли, ожидая услышать нечто необычное.

- Сожалею, ребята, но работать мы пока что не сможем, - сказал он им.

- Как?.. Почему?.. – раздались возгласы.

- В инспекторате нарушено энергоснабжение. Не работает даже аварийный генератор. Власти подберут нам другое помещение. Скоро что-нибудь подберут.

- Да где они нам его подберут, - сокрушенно сказал кто-то.

Шеф посуровел, нахмурился:

- Раз я говорю, подберут, значит, так и будет. И нечего тут разводить панику.

- А что, работать не надо? – спросил шефа Даррел. – Полицейские теперь уже не нужны?

- Инспектор Митчелл, помнится еще недавно вы говорили совсем другое.

- Тогда была иная ситуация, - невозмутимо ответил инспектор.

- Кто сказал, что полицейские не нужны? Разве я такое говорил? Я сказал, что нам выделят помещение и мы приступим к работе. А пока вас будут вызывать на патрулирования. Так что будьте готовы. И сильно-то не расслабляйтесь, вас могут вызвать в любую минуту.

Все расходились в подавленном настроении. Мало того, что многие потеряли жилье, так еще остались и без работы.

- В нашем доме совсем плохое энергоснабжение, - печально сказала Ада. – Лютер говорит, что надо уезжать. А теперь вот еще и работы не стало.

- Куда поедите? – спросил Роберт.

- На юг, к его родственникам.

- У меня тоже с энергией не очень, - сказал Стен.

- Да уж, с этим теперь у всех проблема, - согласился Даррел.

– И не только с этим. Еще и продукты, - заметила Ада. – Где их теперь брать ума не приложу.

- Это да, - кивнул Даррел, - у меня дома практически одни макароны. Да и те скоро кончатся.

- В эвакопунктах раздают сухие пайки, - сказал Роберт.

- Дожили, - вздохнул Даррел.

- Но хотя бы это, - сказал Стен. – А еще я знаю один склад, там можно набрать крупы.

- Это как набрать? – не понял Даррел.

- Просто набрать. Там разбито все, можно войти внутрь.

- А вот это действительно дожили, - усмехнулась Ада.

Без работы он чувствовал себя неуютно. Он не находил себе занятий дома. Благо телеэкран еще транслировал фильмы и он часть дня проводил в гостиной. Иногда и Ани присоединялась к нему, потому что она тоже не находила себе места. Они смотрели фильм, перебрасываясь короткими замечания. Даррелу было приятно, что в своем доме он не один. А то бы хоть вой, даже словом перемолвиться было бы не с кем.

Поначалу их разговоры были поверхностными, так какие-то несущественные замечания. Он избегал задавать Ани любые вопросы относительно ее прошлой жизни, чтобы не бередить рану. И она ничего не говорила об этом. Но однажды меж ними состоялся серьезный разговор. Разговор этот неожиданно начала сама Ани.

- Даррел, а вам нравится ваша работа? – спросила как-то Ани, когда они вечером пили кофе в комнате для приготовления пищи.

Здесь был небольшой круглый и легкие плетеные кресла. Иногда Даррел, когда остался один, и раньше здесь ужинал. Но в бытность его семейной жизни его жена не допускала такой вольности. По ее мнению, пищу следовало принимать только в столовой, а не где попало.

Ани же не обращала на это никакого внимания. Напротив, она первая ему предложила пить кофе здесь.

- Здесь очень удобно, - сказала она, усаживаясь в кресло, - и главное посуду носить никуда не надо.

Он улыбнулся и устроился поудобнее напротив нее.

Ани спросила его о работе не из праздного любопытства, и не из желания поддержать разговор. Она с искренним интересом ждала его ответа.

- Временами нравится, а временами так осточертевает, что хоть беги на край света от всех этих воров и убийц. А сейчас вот мне здорово ее не хватает. Непривычно сидеть, сложа руки.

Ани кивнула головой, соглашаясь с ним.

- А моя работа – это как взгляд в будущее. Все время представляешь, как и что там будет. Это просто замечательно.

- Да-а-а…

Наступило молчание. Кофе был очень горячим.

- Даррел, у вас есть дети? – неожиданно спросила она.

Он покачал головой.

- Моя жена не хотела заводить детей.

- Почему?

Взгляд его подернулся грустью

- Она считала, что я недостаточно обеспечиваю семью.

- Простите. Я, кажется, наступила на мозоль?

- Нет, давно уже все прошло. Она нашла себе более подхо-

дящую партию. Знаете, где-то я ее даже понимаю. Нелегко быть женой полицейского, мужа дома почти никогда не бывает, а на заработанные деньги не слишком-то развернешься. Совсем другое дело – чиновник из департамента государственных связей, - горько усмехнулся Даррелл.

- Она сама вам сказала об этом?

- Да, сказала сама. Сказала и ушла. Теперь у нее красивая жизнь, быт, уют и всякое такое. Но вы не подумайте, я на нее не в обиде, каждый выбирает свое. Наши дороги разошлись, Мари свернула в одну сторону, я в другую. У нее – свое, у меня – свое. Это жизнь, ничего не поделаешь.

- Да-а-а, вы правы, у каждого свое, - задумчиво отозвалась Ани. – С вами, по крайней мере, ваша Мари была хотя бы честна.

- Мне, правда, от этого тогда было нисколько не легче, - заметил Даррелл.

- Да, я понимаю.

- Ани, а вы замуж вышли по любви?

- Думаю, я любила его. А может быть, это была вовсе и не любовь, а иллюзия, мечта. Перед моими глазами все время маячил образ идеальной пары моих родителей. Наверное, и мне хотелось испытать нечто подобное.

- И вы ничего такого подозрительного не замечали в нем?

- Вы хотите сказать до покушения? – напрямую спросила Ани.

- Ну да.

- Что-то такое было, но я старалась не обращать внимания. В последнее время наши отношения не очень-то ладились. Но потом он вдруг снова стал таким внимательным, как раньше. Мне, наверное, надо было насторожиться, постараться разобраться, что к чему. Но я снова поверила ему. Наверное, я прятала голову в песок.

Просто я и подумать не могла, что надо опасаться самого страшного.

- Странно, зачем же так-то ему было поступать. Ведь можно было просто расстаться и все.

- Все не так просто. Особенно, видно, когда дело касается такого практичного человека, каким оказался Юрг. Мой отец очень состоятельный человек. И Юрг, женившись на мне, буквально купался в роскоши. Ничего подобного у него никогда не было в жизни. Он сам мне это не раз говорил. Вообще, теперь я понимаю, что богатство отца, видимо, и было истинной причиной его чувств ко мне. Его мнимых чувств. А я-то, глупая, думала, что он любит меня. Знаете, мы почти никогда не ссорились. Впрочем, только один раз. Как-то он прямо взбесился, когда я спросила его, как дела на работе. Он работал простым художником-дизайнером у моего отца, он сам когда-то захотел туда пойти, вот с тех пор так и работал там. Мама уговаривала отца перевести Юрга в управляющий офис, но он отказывался. Вообще-то отец всегда недолюбливал его. Надо же, будто чувствовал что-то. Вот ведь так и вышло.

- Но зачем он покушался на вас?

- Он, должно быть, думал, что архитектурное агентство, дом, деньги все это мое. И значит, если со мной что-то случится, то это имущество перейдет к нему. Но мое оно лишь формально, фактически же все принадлежало отцу. Как и другие активы семьи. Это никогда не обсуждалось. Да и не думала об этом. Какая разница, кому что принадлежит, если мы семья, одно целое. В нашей семье все доверяли друг другу.

Они помолчали. Воспоминания немного взволновали Ани.

- Да, скорее всего, именно так все и есть, - согласился Даррелл, внимательно выслушав рассказ Ани.

Даррел знал, что любое горе можно пережить, любую беду пересилить, однако он не знал, что сделать, чтобы выбраться из той ситуации, в которой они оказались. Настроение день ото дня становилось все хуже. Слишком много проблем волновали его. То, что раньше происходило само по себе, теперь стало его головной болью. К примеру, ему бы и в голову не пришло беспокоиться об энергоснабжении, проверять периодически его мощность. Теперь же он беспрестанно включал освещение, чтобы убедиться, что энергия еще есть. Пока она была, хотя и шла на убыль, судя по все убывающей яркости светильников.

Было немало и других вещей в жизни современного человека, которые раньше воспринимались, как нечто навсегда данное цивилизацией. Например, никто из жителей мегаполиса не запасал продукты, мало кто из них вообще питался дома. Лишь утренний кофе готовили они у себя, а все остальное им предоставляла цивилизация. В мегаполисе было великое множество ресторанов и баров, где в любое время дня и ночи можно было вкусно поесть и выпить, появись вдруг такое желание. Теперь же им приходилось добывать себе пропитание, как архаичным охотникам, изображения которых они встречали в учебниках истории. Макароны, которые завалялись в его доме с той поры, как он одно время дежурил едва ли не сутками и выматывался на работе так, что уже не было сил куда-то идти ужинать, уже закончились. Даррелу пришлось, скрепя сердце, несколько раз побывать в эвакопунктах и получить сухой паек. Пара банок консервов, пачка крупы и упаковка макарон. Вот все, чем они теперь перебивались. Хорошо еще в доме оставались острые соусы, они хотя бы немного сдабривали пищу.

Даррел понимал, что должен найти какой-то выход из этого

затруднительного положения. Совсем скоро закончится ресурс аварийного генератора, и они не смогут оставаться больше в этом доме. Надеяться же на восстановление энергоснабжения в мегаполисе не приходилось. Судя по вниманию, с каким власти относятся к строительству эвакопунктов, все ресурсы будут направлены именно туда. Вряд ли кто-то станет в сложившихся условиях заниматься восстановлением подачи энергии в наполовину опустевшие небоскребы. Получалось, что им остается только одно – перебраться в один из эвакопунктов. И как-то раз он все-таки решился обсудить этот вопрос с Ани.

Наступали сумерки. Они сидели в гостиной. Было непривычно тихо, потому что сегодня впервые не включился телеэкран. Ему не хватило напряжения. Да и светильники едва тлели. Это был очень дурной знак.

- Генератор уже все, кончается? – спросила Ани.

- Видимо так.

Они помолчали.

- Ани, нам надо что-то решать.

- Вы о жилье?

- Да. Это самое важное на сегодня.

- Думаете, отсюда нам надо куда-то перебираться?

Даррел утвердительно кивнул.

- Ну да, что же я спрашиваю, - спохватилась она, - это же и так ясно. Без энергии коммуникации работать не будут, не станет ни воды, ни тепла.

- Да, к сожалению, вариантов у нас немного.

- И что же это? – спросила она.

- Эвакуационные пункты.

- А разве такие есть в Средиземноморье? – удивилась она.

- Власти теперь их строят полным ходом. Там уже много людей. Все, кто потерял жилье, давно уже там. Видимо, скоро подтянутся и все остальные.

- А откуда вы знаете, что там много людей? Вы были там?

- Да, был пару раз. Мне пришлось попросить там продуктов.

Ани безмолвно взирала на него. Видимо, это было тяжелым не только для него, но и для нее. Впрочем, для нее, с детства привыкшей к роскоши, особенно.

- Понятно, - наконец, сказала она. – Я должна была догадаться. Мы ведь не сидели голодом все это время. А продукты не могут возникнуть из воздуха. Но ведь это временно? Эти эвакопункты? Как думаете, Даррел?

Это были очень серьезные вопросы. Даже серьезнее тех, что касались их переселения. Эти были глобальные вопросы, даже где-то, быть может, фатальные, если верить тому, что он узнал из разных источников. Например, от господина Тирета. Да и знаменитый пророк по имени Пришедший тоже намекал на что-то подобное. Не говоря уже о собственных наблюдениях Даррела, которые он вел на сознательном и подсознательном уровнях все это время.

Его сознание автоматически фиксировало все неблагоприятные для жизни перемены. Сначала это было изменение климата со всеми вытекающими из этого неприятностями и неудобствами. А потом и само стихийное бедствие, которое, судя по всему, всех в Средиземноморье застало врасплох. Стихия свела на нет всю их хваленую цивилизацию со всеми ее благами, она показала, насколько беспомощны и мало приспособлены люди. Как оказалось, они, избалованные прогрессом, оказались неспособными позаботиться о себе. Так что лично он крепко сомневался в том,

что можно будет ждать чего-то обнадеживающего. По крайней мере, в ближайшие пять-десять лет. Да и то такой прогноз можно было бы отнести к самым оптимистичным. Но не мог же он делиться с Ани всеми этими сомнениями.

- Ну да, временно, - из самых благих побуждений слукавил Даррел. – Любое стихийное бедствие рано или поздно ликвидируют. Пока власти немного растеряны, оно и неудивительно, столько разрушений. Но скоро они придут в себя и станут восстанавливать мегаполис. И с энергией, наверное, все наладится.

Ани недоверчиво смотрела на Даррела. Возможно, ее насторожил его излишне бодрый тон.

- А пока нам придется пожить в этом самом эвакопункте? – уточнила она.

- Видимо, так. Ничего другого не остается.

Она задумалась. Должно быть, ее посетила какая-то удачная мысль, потому что она вдруг оживилась, у нее загорелись глаза.

- Знаете, Даррел, у меня появилась кое-какая идея.

- Хорошо, давайте ее обсудим. У меня идей нет никаких. Сколько я не ломал голову.

- В общем-то, мы могли бы остаться здесь, в этом небоскребе, если бы не энергоснабжение. Правильно?

- Ну да, - ответил Даррел, не понимая, к чему клонит Ани.

- Но здесь мы не можем остаться, потому что на такой огромный дом не хватит аварийного генератора. Так? – инспектор кивнул головой, и Ани продолжила: - А если бы нашелся небольшой такой домик среди живой природы, он бы мог нам подойти?

- Небольшой домик? – переспросил Даррел. – У вас есть на примете такой?

- Нет, погодите, вы не ответили на мой вопрос. Такой дом мог

бы подойти?

- Хорошо, давайте поразмышляем логически, - согласился он. – Небольшой дом со стационарным генератором?

- Да, конечно. А как же еще.

- С минимумом потребления энергии?

- Самым минимумом.

- Если дом на природе, то можно запастись каким-нибудь топливом.

- Да, вероятно.

- Остается решить еще одну проблему, - сказал он.

- Какую?

- Продукты. Где их взять в таком домике?

- Давайте соберем здесь у вас все, что есть и попросим еще два пайка в эвакопункте, - решительно сказала Ани.

- Я думал, вам не понравилось, что приходится добывать продукты таким вот способом.

- Вы наблюдательны, Даррел. Это правда. Меня несколько покоробило. Но знаете, это просто в невольном сравнении с прошлым. Говорят, что человек ко многому может приспособиться. Я тоже отправлюсь с вами туда, и сама попрошу эти продукты. Вы увидите, что я настроена решительно.

- Да я уже и так это вижу, - улыбнулся Даррел.

- А кроме того, - продолжала Ани, - в этом самом домике может быть запас продуктов. Даже, скорее всего, он там есть.

- Наверное. В общем, дело за небольшим, остается только подобрать такой домик.

Ани радостно улыбнулась.

- Такой дом есть, - сказала она.

- Есть? – удивился Даррел. – А, это дом вашей семьи?

- Нет, не угадали, инспектор. Этот дом был снят на мое имя, чтобы как можно успешнее меня убить.

Даррел удивленно уставился на Ани.

- Вы говорите о своем муже? – уточнил он.

- А о ком же еще? О нем самом. Он снял небольшой коттедж в горах по моим дактилоскопическим данным. Он привез меня туда в тот день. Видимо, хотел, чтобы все выглядело убедительно.

Внешне Ани спокойно говорила об этом, словно прошло с тех пор несколько лет, а не несколько недель. Возможно, она просто бодрилась. Даррел не верил, что она могла за такое короткое время забыть о пережитом ею кошмаре.

- Ну, как вам эта идея, Даррел? – спросила Ани.

- Идея неплохая, но в то же время вызывает некоторые сомнения.

- Что ж, давайте обсудим. Я готова к диалогу.

- К сожалению, мы не можем слетать туда на разведку. Причина та же – дефицит энергии. Поэтому мы должны сразу принять это решение. И может статься, что мы окажемся очень далеко от города, где еще есть продукты, с парой банок консервов и парой пачек макарон.

- Звучит не очень-то оптимистично, - сказала Ани. – И все-таки, думаю, вы ошибаетесь, Даррел. В доме, затерянном где-то в горах, обязательно должен быть запас продуктов.

- Звучит не очень-то оптимистично, - улыбнулся он.

- Что? – не поняла она.

- Дом, затерянный где-то в горах, - пояснил он.

Ани вдруг рассмеялась.

- Да уж, - с улыбкой сказала она. – Но там мы будем ближе к природе, к тому, что создал не человек, а Бог.

- Вы считаете, нам это поможет?

- Не знаю, - пожала плечами она, - но говорят, Бог иногда помогает людям.

- Вы верите в Бога?

Ани стала серьезной.

- Мой отец говорил, что в трудную минуту человек всегда вспоминает о Боге.

В тот вечер после этого разговора с Ани, принявшего неожиданный оборот, на душе у него стало немного легче. Возможно, они нашли свой путь спасения. Правда, сейчас он не поручился бы за благополучный исход их предприятия. Но попробовать определенно стоило.

Глава XXVI. Вместе

В кабинете Юта Кале было непривычно много людей. Одни толклись около его стола, что-то переставляя и передвигая, другие настраивали телеэкраны, которые они принесли с собой и развесили по стенам, третьи о чем-то переговаривались друг с другом. Находился в кабинете и его помощник Артур Дорель, он стоял чуть в стороне, молча наблюдая за всем происходящим.

Кале сидел в своем кресле, около него хлопотала девица в брюках и длинном свитере с круто задранной вверх челкой. Сначала она тщательно его причесала, затем чуть отступила, посмотрела оценивающим взглядом, сощурив при этом глаза, затем, видимо, удовлетворенная результатами своих трудов, принялась водить по его лицу чем-то мягким.

Кале окончательно потерял терпение. За кого они, в самом деле, его принимают? За героя фильма или телеведущего? Не все ли равно, в каком виде он запишет свое обращение к жителям Средиземноморья. Тем более, что еще неизвестно, услышит ли его вообще хотя бы кто-нибудь.

- Ну все-все, достаточно, - решительно отстранил он руку девицы от своего лица. – Думаю, меня и без того узнают.

- Но, господин Кале, - попыталась возразить та, - грим еще не наложен.

- Простите, но у меня очень мало времени. Поэтому, господа, давайте уже начнем. Если вы не возражаете.

Они не возражали. Девица, недовольно надув губки, отошла к окну. Пространство около него тот час освободилось, все

поспешно ретировались. Долговязый малый с взъерошенными волосами, который, судя по всему, был у них главным, подал знак своим коллегам, а потом внимательно посмотрел на правителя Средиземноморья. Похоже, он тоже по профессиональной привычке оценивал внешний вид Кале. Судя по всему, вид этот не вызвал у него особых замечаний, потому что он почти сразу же спросил:

- Вы готовы, господин Кале?

Кале кивнул головой.

- Внимание, запись! – скомандовал долговязый малый.

И тут же вспыхнули экраны, на них Кале увидел себя. Он знал, что сейчас командир телегруппы подаст ему знак и можно будет говорить.

- Дорогие средиземноморцы, - начал свою речь Ют Кале после того, как увидел знак. – Я обращаюсь к вам в трудный для всех нас час. Страшное стихийное бедствие обрушилось на наше государство, нанеся огромный ущерб. Десятки тысяч людей лишились крова, многие погибли или пропали без вести. Разрушены коммуникационные сети и источники энергоснабжения.

Кале не готовил длинную речь, тем более что сказать особо ему было нечего. Он бы хотел успокоить своих сограждан, дать им надежду на быстрое избавление от всех этих бед, нежданно свалившихся на них, но это был бы чистой воды обман, а лгать он не любил. Главное, для чего он затеял это обращение, было стремление донести до жителей мегаполиса информацию об эвакуационных пунктах, где они получат кров и питание. Он был уверен в том, что далеко не все знают об этом. Правда, была одна реальная угроза этому его предприятию. Он опасался, что немногие люди смогут увидеть его выступление. И все-таки он должен был использовать любую возможность.

- К сожалению, сейчас мы не можем взяться за восстановление нашего мегаполиса, слишком большие разрушения он получил. Но мы должны позаботиться о жителях Средиземноморья, ведь каждому нужна крыша над головой и еда. Поэтому мы приступили к строительству и созданию эвакуационных пунктов, где вы сможете получить все самое необходимое для жизни. Уже немало сделано в этом направлении. Двери сотен таких пунктов открыты для вас. С каждым днем все больше средиземноморцев приходят туда. Поэтому я обращаюсь к каждому, кто слышит меня сейчас, пожалуйста, приходите в любой из эвакопунктов, приводите туда своих близких, друзей, знакомых, любого, кому вы сможете передать эту информацию. Приходите, мы ждем вас. В это трудное время только сплоченность и выдержка могут спасти всех нас.

Ну вот и все, обращение было записано.

- Когда оно пройдет в эфире? – спросил Кале главного телевизионщика.

- Через несколько минут, - ответил тот.

- Хорошо, - вздохнул с облегчением Кале. – Да, вы его прогоните хотя бы пару раз.

- Не беспокойтесь, господин Кале, оно будет периодически выходить в эфир в течение суток.

Нельзя было сказать, что они сделали много за то время, что прошло со времени наступления стихии, но, по крайней мере, они делали и делали что-то каждый день, не отступая от намеченных планов и не опуская рук. И это было уже немаловажно.

Кале и его помощникам удалось мобилизовать все резервы, чтобы начать строительство новых эвакопунктов и переоборудование под них некоторых старых помещений, уцелевших в урагане. Скрупулезно был проведен учет всех государственных запасов

продовольствия. На имеющемся сырье еще работали фабрики по выпуску макарон и хлеба. Для них даже отвели резервную энерголинию, чтобы хотя бы на какое-то время запастись хлебом, который, впрочем, сразу же шел на засушивание. Ютом Кале был назначен полномочный представитель главы Средиземноморья, строго следивший за производством, распределением и передвижениями продовольствия. Поскольку это теперь стало важной, государственной задачей, представитель главы ежедневно отчитывался перед Кале, куда и какое продовольствие было направлено, и самое главное, сколько есть еще в наличии.

Спустя два или три дня после стихийного бедствия в приемную Кале пришел доктор Борей. Теперь правитель Средиземноморья мало бывал в своей резиденции, днями напролет он не вылезал из мобиле, мотаясь с объекта на объект. Поэтому доктору пришлось немало времени провести в ожидании. Мадам Жанна передала Кале просьбу ученого о встрече, но тот едва выбрал время, чтобы завернуть в резиденцию.

- Господин Кале, извините, что я нарушил ваши планы своим визитом, - сказал Борей после короткого приветствия. – Но я не могу быть в стороне от общей беды. Я здесь, чтобы предложить вам свою помощь. Я готов делать все, что понадобится. Могу разбирать завалы, помогать строителям, да хоть что.

Кале был растроган этими словами. Любая помощь была сейчас кстати.

- Спасибо, доктор. У нас много теперь проблем. Но знаете, какая главная?

- Большие разрушения? – предположил Борей.

- Ну это само собой. Но я имею в виду другое. Наступил такой хаос, что никто не знает, что делать, за что браться и хвататься.

Разбирать и строить есть кому, но мало, очень мало организаторов, таких, чтобы самостоятельно могли принять решение, привлечь людей, ресурсы и выполнить его. Знаете, очень многие руководители растерялись. Раньше они толково раздавали команды своим подчиненным, а в новой среде не знают, как им быть. Растерялись сами и растеряли всех своих работников, и те разбрелись, кто куда. А как у вас в плане оргспособностей, доктор Борей?

Борей пожал плечами.

- Даже и не знаю. Я руководил небольшим коллективом ученых, кое-что приходилось создавать на пустом месте. Но вы-то что-то принципиально иное имеете в виду. Другое дело, другие условия. Но в любом случае, можно попробовать. Постараюсь вас не подвести.

- Вот и хорошо, - обрадовался Кале. – Нам нужны люди с головой. Это, конечно, не научные исследования, но хороший мозг и здесь пригодится. Что нужно? Сейчас поясню поподробнее. Вы, наверное, знаете, что мы открываем эвакопункты. И их уже немало. Но что такое эвакопункт? Это множество людей под одной крышей, и о каждом надо позаботиться, чтобы было питание, тепло, желательно, спокойствие. Сами понимаете, в наших условиях паника может вспыхнуть мгновенно.

Доктор Борей недоуменно смотрел на Кале, он явно не понимал, что же требуется от него.

- Одним словом, нужен человек, который будет всем эти управлять.

- Всеми пунктами? – удивился Борей.

- Нет, конечно, не всеми, для этого понадобятся разные люди. Но вот сейчас у нас в юго-западном округе уже построено почти десять эвакопунктов. И ими надо кому-то управлять. Как, доктор,

возьметесь?

Борей немного подумал и уверенно сказал:

- А что, возьмусь. Думаю, разберусь, что к чему.

- Вот и отлично, - улыбнулся Кале. – А мы поможем вам. В любое время можете обращаться ко мне или к моим помощникам.

Другим помощником правителя Средиземноморья стал отец Егереон. Правда, в отличие от доктора Борея святого отца Кале сам пригласил в свою резиденцию, спустя какое-то время после нашествия торнадо.

Как и в прошлую их встречу, святой отец пришел ровно в назначенный час. Он выглядел спокойным, лишь в глазах его была легкая печаль.

- Вы здоровы, святой отец?

- Вполне. Но почему вы спрашиваете?

- Я спрашиваю, чтобы убедиться, что имею моральное право просить вас о помощи, отец Егереон.

- Здоровье каждого из нас, ваше, мое, любого из ваших помощников, теперь не может рассматриваться вовсе. В тех условиях, в каких мы находимся теперь, никто из нас не может позволить себе такой роскоши, как болезнь.

Кале кивнул головой.

- Вы совершенно правы, святой отец.

- Господин Кале, вы смело можете рассчитывать на меня. Я уже говорил об этом вам в прошлую нашу встречу.

- Я должен поблагодарить вас за ту встречу. Благодаря ей, я многое уяснил для себя. Честно говоря, я не ожидал, что беды уже так скоро придут к нам.

Святой отец вздохнул и развел руками.

- На все Божья воля.

Ют Кале в первую очередь познакомил святого отца с текущей ситуацией и делами, которыми они были заняты. Отец Егереон внимательно слушал и одобрительно кивал головой.

- Как вы понимаете, это все дела материальные, - закончив свой рассказ, заметил правитель Средиземноморья. – Главное же остается вне поля нашего зрения. Я имею в виду моральное состояние людей, боюсь, что в этом мы помочь им не можем. Поэтому-то я и пригласил вас. Я помню, как вы сказали в прошлую встречу, что готовы стать пастырем для народа Средиземноморья. Вы не передумали, святой отец?

- Я не могу передумать, - уверенно ответил он. – И я по-прежнему готов быть в этом вам помощником.

- Отлично.

- Думаю, медлить нельзя. Пусть кто-то из ваших людей мне предоставит данные о место нахождении эвакопунктов. И я уже завтра начну их посещение.

- Это было бы очень кстати. Держите меня в курсе ситуации, святой отец.

С того времени отец Егереон, подобно полномочному представителю по продовольствию, хотя и не ежедневно, но регулярно докладывал Кале о настроениях среди его паствы. Ибо и этот вопрос можно было по праву отнести к жизненно важным вопросам, к вопросам государственным. Нередко поэтому Ют Кале и сам бывал в эвакопунктах, он должен был знать, как и чем живут его сограждане.

Люди мало помалу из своих холодных домов потянулись в эвакопункты, кто один, а кто вместе с семьей. Они приходили, взяв с собою лишь самые необходимые вещи. Они не роптали, но и оптимизма никто не проявлял. Никто не смеялся, даже раз-

говаривать друг с другом не находилось желающих. Бывая в эвакопунктах, всякий раз он с тревогой отмечал царящую там тяжелую, гнетущую тишину, нарушаемую лишь легким шепотом, тотчас, впрочем, смолкающим. Это молчание напоминало ему те скорбные моменты, когда люди собираются проводить ушедшего.

Если раньше он боялся паники и истеричных всплесков, то теперь он думал, что, может быть, было бы лучше, если бы кто-то из них открыто проявил свои эмоции. Можно было бы вступить в обсуждение, начать разговор. А так, все попусту, ибо невозможно говорить с отсутствующими людьми. Он пытался их разговорить, но отклика не было, в ответ лишь безразличные взгляды, полные глухого безмолвия. Об этом же докладывал Юту Кале и отец Егереон.

- Люди очень замкнуты, они говорят неохотно, - сказал святой отец в очередной беседе с Ютом Кале. – Я побывал уже в каждом эвакопункте, провел первые беседы, рассказал о религии и Боге. Но, знаете, люди пока отсутствуют. Они отмалчиваются.

- Да, я тоже заметил, они, как натянутая пружина, - заметил Кале.

- Это так. Но, на мой взгляд, здесь влияет психологический фактор, - ответил отец Егереон. – Со временем это пройдет.

- Какой фактор вы имеете в виду? – не понял Кале.

- Современные люди привыкли к хорошим условиям жизни, к комфортному жилью, они изнежены цивилизацией. Ни они, ни их родители никогда за всю свою жизнь не терпели никаких неудобств. И вдруг они в один миг теряют все это и оказываются в некоем помещении, где кроме них живут еще несколько десятков человек. При этом нет никакой надежды, ничто не указывает на то, что их беды скоро кончатся.

Кале внимательно смотрел на святого отца, удивляясь его проницательности.

- А я об этом даже и не подумал бы, - признался политик.

- Этому есть несколько объяснений, - пряча улыбку, сказал отец Егереон. – Во-первых, у вас великое множество забот и проблем. А во-вторых, вы-то сами не живете в эвакопункте.

- Да, вы правы, я там пока не живу, - грустно сказал Кале. – Я живу здесь, в своей резиденции, пока еще работают генераторы. Но скоро уже мне придется перебраться поближе к народу. А насчет потери комфорта, это вы точно заметили. Так, значит, вы считаете, что это пройдет?

- Думаю, да. Они приспособятся. А мы им в этом поможем.

Кале немного успокоился. Он верил в отца Егереона, что тот обязательно найдет нужные слова, люди поверят ему и пойдут за ним.

Ему же надо было думать о вещах более реальных и осязаемых. Надо было как-то обеспечить людей питанием и топливом. Продовольственных запасов Средиземноморья надолго не хватит, как бы они ни старались их экономить через год-два все выйдет подчистую. И это была не просто проблема, это была его круглосуточная головная боль.

Как-то к нему на огонек заглянул Артур Дорель. Они, как, впрочем, и многие работники аппарата Кале, теперь жили в рабочей резиденции главы Средиземноморья. Это тоже был своего рода эвакопункт. Только в отличие от обитателей общественных пунктов они устраивались на ночлег не в общем помещении, а в своих кабинетах. Они ночевали там, где работали. Правда, в смысле некоторого бытового удобства у Кале все-таки была кое-какая привилегия. Он ночевал не в самом кабинете, а в комнате отдыха,

помещении довольно просторном с кожаным диваном и телеэкраном.

Дорель постучал к шефу, когда тот еще был в своем рабочем кабинете, он просматривал отчеты за день.

- Входите, - громко сказал Кале.

На пороге появился Дорель.

- Добрый вечер, господин Кале.

- Добрый вечер, Артур. Проходите, прошу вас.

Дорель устроился около рабочего стола Кале, там, где он обычно сидел, когда бывал у шефа по делам службы.

- Что бродите? Не спится? – оторвал взгляд от отчетов правитель Средиземноморья.

- Не спится, - вздохнул Дорель. – Сплю все меньше и меньше.

- Да, я тоже ворочаюсь с бока на бок, - признался Кале, - только к утру кое-как засыпаю.

- Знаете, мне все кажется, что мы что-то упускаем.

- Вполне возможно. Трудно сообразить, что делать во всей этой чертовщине.

- А что вас больше всего волнует? – спросил Дорель.

- Меня? – Кале задумался. – В общем, много чего, но больше остального, наверное, все-таки продовольствие.

Дорель задумался.

- Вот интересно, что хуже, остаться без питания или без топлива? – спросил он, наконец.

- И то и другое плохо. Но топлива можно раздобыть, если постараться, всегда найдешь из чего развести огонь. А вот продукты…

- Да, вы правы, без питания человек долго не протянет, - согласился Дорель. – Но где же его найти? Из чего получить?

- Ну, что касается овощей и злаков, их можно вырастить.

- Без солнца, в такую погоду? – засомневался Артур.

- А как же выращивают цветы в северных странах? В закрытых помещениях из стекла и бетона. Точно так же можно попробовать вырастить овощи – картофель, капусту, зелень. А это уже питание.

У Дореля загорелись глаза, он заерзал в кресле.

- А ведь верно, - сказал он, что-то соображая. – Так, а где мы можем это вырастить? Надо ведь, чтобы был грунт и вода. Да, и чтобы было не очень холодно.

Они оба задумались. Кале перебирал в уме адреса всех тех эвакопунктов, которые они не строили вновь, там такого быть просто не могло, а те, что были переоборудованы. Он мысленно шел от одного к другому, отворял двери, осматривал помещения внутренним взором. И тут он вспомнил, что в юго-западном округе они переоборудовали под эвакопункт одно старинное сооружение, где когда-то размещался селекционный питомник. Раньше в нем занимались разведением новых сортов растений. Потом под эти цели правительство Средиземноморья выделило другое, более подходящее здание, а эти площади на окраине юго-западного округа так и пустовали. Пока не случилась беда, тогда-то о бывшем питомнике вспомнили вновь и переоборудовали его под эвакопункт. Но, насколько он помнил, строители приспособили только несколько помещений и, значит, там должны были остаться в наличии закрытые грунты, где выращивали когда-то растения.

У Дореля прямо перехватило дыхание, когда он об этом ему рассказал.

- Это же отличная идея! – воскликнул он. – Просто отличная!

- Ну-ну, погодите, Артур, а вдруг там ничего этого нет. Мы

ведь не знаем. Мы даже еще не смотрели, что там есть.

- Так а давайте, отправимся туда и посмотрим все своими глазами.

Кале уважал своего помощника за многие его качества, но особенно ему было по душе вот это его горячее стремление сделать работу, как можно лучше, не взирая на время суток, болезнь, быть может, личные проблемы. Он всегда был уверен в Артуре, как в самом себе. И ни разу Дорель его не подвел.

- Что, прямо сейчас? – спросил Кале.

- А что тянуть? – ответил вопросом на вопрос его помощник. – Ответы нам нужны уже сейчас.

Кале еще сомневался, стоит ли лететь прямо сейчас, не встревожат ли они людей своим появлением. Но Дорель был неотступен.

- Мы войдем осторожно, никто ничего не поймет. Наконец, мы просто могли туда приехать с проверкой какой-нибудь. Да мало ли что. Тоже хотим туда переселиться.

- Кстати сказать, скоро так и будет. Придется и нам, Артур, подыскать себе общественное жилище.

- Ну вот заодно и присмотримся, может, именно оно нам и подойдет.

Кале рассмеялся и поднялся из-за стола. Его помощник уговорил бы и мертвого отправиться куда-нибудь по делам.

Они прилетели на окраину юго-западного округа поздно вечером. Кругом стояла кромешная темнота. И только эвакуационный пункт освещал окрестность своими окнами. Они пересекли полутемное фойе и оказались в помещении, где жили переселенцы из высотных домов мегаполиса. Кале сразу понял, что здесь что-то происходит.

Взоры людей, находившихся в помещении, были обращены

в сторону девочки лет пяти. Она капризничала, ее настойчивый голосок гулко и одиноко звенел в тишине.

- Мамочка, когда мы пойдем домой? – тревожилась белокурая малютка, теребя мать за руку. – Пойдем!.. Я хочу домой!.. Там много игрушек, там у меня своя комната… Ты разве забыла?.. Я хочу поиграть в своей комнате… Хочу, чтобы Адель испекла мне пирожные… Пойдем!..

- Тише, тише, Патти, - со слезами в голосе старалась уговорить ее мать, - здесь нам будет лучше… Смотри, здесь малыши, тебе есть с кем поиграть…

- Но я не хочу с ними играть, - сердилась Патти, - я хочу играть со своими игрушками!.. Я хочу дом-о-о-ой!..

Девочка горько расплакалась. Успокоить ее матери никак не удавалось. Люди вокруг молча наблюдали за ними. Вскоре к ним по одному стали несмело подходить их соседи по общественному жилищу, некоторые даже постарались найти какие-то слова для утешения ребенка. Но девочка от внимания к себе незнакомых людей заплакала еще громче.

Ют Кале обрадовался возможности вступить, наконец, в диалог. Он не замедлил воспользоваться представившейся возможностью.

- Это кто здесь плачет? – громко сказал Кале, и все расступились, пропуская его. – Кто это так безутешно плачет? Покажите-ка мне этого ребенка!

- Простите, господин Кале, это мы, - виновато ответила мать ребенка, устремив на него свой усталый взгляд, - ничего не могу с ней поделать, хочет домой и все тут. Впору и самой зарыдать.

- Ну-ну, рыдать не надо, - улыбнулся Ют Кале, - а то, не ровен час, у вас появятся и помощники. Сейчас мы во всем разберемся

и все узнаем. Ну-ка покажите мне эту девочку, которая не слушает маму.

Патти вдруг притихла. Она отняла ладони от заплаканного лица, и уставилась на правителя Средиземноморья.

- Как же тебя зовут, юное создание? – ласково спросил он девочку.

- Патти, - прошептала она.

- Патти! Какое хорошее имя. Патти, тебе не нравится у нас?

Девочка решительно замотала головой.

- Ох, как же мне жаль, что тебе не нравится, - сокрушался Кале. – Знаешь, этот большой дом для того и построен, чтобы дети собирались здесь и устраивали веселые игры. Ты любишь играть?

- Я… я хочу… хочу домой, - губы девочки вновь задрожали, а глаза наполнились слезами.

К ним подошел доктор Борей. Когда он появился, Кале не заметил. Доктор кивнул правителю Средиземноморья вместо приветствия.

- И что же ты там будешь делать? – вступил в переговоры доктор Борей. - Дома темно и холодно, а здесь есть свет и тепло. Здесь горят камины.

- Камины?.. А почему они горят?.. – удивилась Патти, вытаращив глазенки.

- А хочешь, я тебе покажу камин и настоящий огонь в нем?

Патти явно заинтересовалась. Не меньший интерес проявляли и еще двое малышей, наблюдавшие за уговорами. Они не отходили далеко от места событий, чтобы и их не забыли в случае чего. Борей взял за руку Патти и махнул рукой малышам, не спускавшим с них глаз.

- Только уговор, руками огонь не трогать. Договорились? –

строго сказал доктор.

Они важно кивнули и направились следом за доктором и юной леди, которую тот держал за руку.

Кале с улыбкой проводил их взглядом. Тишина, царившая там до этого момента в общественном помещении, постепенно рассеивалась. Теперь то здесь, то там возникало негромкое обсуждение. Слезы Патти стали своеобразным поводом к знакомству. Люди под влиянием увиденного вдруг разговорились, стали делиться друг с другом своими переживаниями и мыслями, рассказывать о том, кто они и почему решили сюда прийти.

- Господин Кале, спасибо вам, - тихонько шепнула мать девочки. – Одна бы я не справилась.

- А одной и не надо, - громко, чтобы слышали все, ответил ей Кале, - мы теперь все вместе. Мы собрались здесь, чтобы помочь друг другу в это тяжелое время. Я хочу сказать это всем здесь присутствующим. Если вам плохо, вы не можете справиться с какой-то ситуацией, либо со своими эмоциями, переживаниями, позовите кого-то на помощь, позовите доктора Борея, святого отца Егереона, кого-то из окружающих вас людей, можете позвать меня. Не молчите, не держите боль в себе. Так мы сможем продержаться. И справиться со своими проблемами.

- Да, но зачем? – скользя вокруг обреченным, почти бессмысленным взглядом, спросил худощавый мужчина, стоявший в стороне от всех. – Нам же все одно придется сдохнуть. Так не все ли равно, позову ли я кого, или нет. Разницы нет!.. Нет разницы!..

Люди испуганно замерли.

- Во-первых, никто сдыхать, как вы выразились, не собирается. Мы здесь для того, чтобы выжить, а не чтобы умереть. А во-вторых, если для вас нет разницы, можете уйти, - спокойно

ответил Кале. – Никто здесь никого не удерживает. Но коль скоро вы здесь, то будьте добры придерживаться общих для всех правил. И первое из них, не сеять панику и не нагнетать напряженность. В противном случае, администрация будет вынуждена вас выселить. Вы покинете нас. Вы останетесь один.

Мужчина промолчал, гневно сверкая глазами на правителя Средиземноморья. А тот, словно, и не замечая, спокойно продолжал свою речь.

- Я предлагаю всем познакомиться. Хочу представиться первым – я Ют Кале, правитель Средиземноморья, если вдруг кто-то меня здесь не знает.

В ответ послышались голоса:

- Знаем…

- Мы знаем вас…

- Конечно, знаем..

- А теперь, пожалуйста, назовите ваши имена, - попросил Кале.

Он обратил свой взгляд на мать Патти и сказал:

- Ну с Патти мы теперь все знакомы, а как зовут вас?

- Лаура Минкс, - сказала она.

Вслед за нею и другие стали называть свои имена. Ют Кале с теплой улыбкой приветствовал каждого.

- Пока здесь все еще только устраивается, - продолжил он свое обращение к ним после знакомства, - скоро мы выделим помещение под игровую для детей. Там будет много, очень много игрушек. Думаю, им не будет скучно. Взрослых же хочу попросить помогать администрации - в подготовке пищи, уборке помещений, в запасах топлива. Придется время от времени выходить на поиски топлива. Деревья, старая мебель, и тому подобное, всё, что может дать тепло. Нам надо запастись этим впрок, так как, думаю, с энергией

еще будут перебои. Придется временно перейти на первобытные источники тепла и света.

- А как же быть с пропитанием, господин Кале? – спросила молодая женщина, стоявшая рядом с Лаурой Минкс. – Ведь теперь ничего купить мы не можем.

- Не беспокойтесь, в нашем государстве есть запасы, - ответил он, – их хватит надолго. Кроме того, мы продолжаем выпускать макароны, печем хлеб. А что-то можно производить и самим.

- Как это самим?.. Разве мы сможем?.. – раздались удивленные возгласы.

Кале не успел ответить, к ним подошли Артур Дорель и доктор Борей.

- Так, как делали наши далекие предки, - вступил в разговор Дорель. – Мы только что с доктором Бореем осмотрели помещения с закрытым грунтом, они находятся здесь же неподалеку. Там когда-то селекционеры возделывали новые сорта растений. Долгое время эти закрытые грунты пустовали, и вот теперь мы можем снова пустить их в оборот.

- Предлагаю прямо завтра взяться за подготовку грунта, - сказал доктор Борей, обращаясь к обитателям эвакопункта. – Орудия труда найдем.

Люди оживились, заговорили друг с другом.

- Хорошо бы, - сказала с улыбкой Лаура Минкс, - а то мы уже устали сидеть без дела.

- Да, тоска зеленая, - поддержал ее кто-то еще, - завыть хочется.

- А как же семена? – обеспокоилась какая-то молодая женщина. – Где же мы их возьмем?

- Семена найдем, - заверил ее Ют Кале. – Обязательно найдем.

При этих словах все снова заговорили. Посыпались вопросы и предложения, как лучше всё устроить, и где можно найти литературу по выращиванию овощей. Ют Кале охотно поддерживал разговор. Он смотрел в оттаивающие глаза своих собеседников, и чувствовал облегчение. Наконец-то люди приходят в себя. Это было бы хорошим знаком, если бы он был уверен, что все самое страшное уже позади. Он бы с великой радостью и облегчением, чувствуя, как опасность уходит все дальше от каждого из них, занялся бы вместе с ними овощеводством, строительством новой жизни, восстановлением Средиземноморья. Но это было не так. И кто знает, что еще их всех ждет впереди.

- Доктор Борей, а можно посмотреть, где это находится? – спросил кто-то из мужчин.

- Что? Закрытый грунт?

- Да.

- Конечно, идемте. Я провожу вас туда хоть сейчас.

Многие из обитателей эвакопункта потянулись следом за доктором Бореем на обещанную экскурсию.

- Ну что, господин Кале, летим обратно? – обратился к правителю с вопросом Дорель.

Кале уже было собрался кивнуть, но в этот момент его взгляд упал на мать Патти, Лауру Минкс, кажется. Эта фамилия ему была определенно знакома. Он озадачился этим вопросом, как только она назвала себя. И теперь он снова вспомнил об этом.

- Госпожа Минкс, меня мучит один вопрос, - она со вниманием смотрела на него. – Откуда я знаю вашу фамилию?

- Наверное, это из-за моего мужа, - погрустнев, сказала Лаура.

- А кто ваш муж?

- Он занимался производством космической техники.

- Точно! Ну конечно, Артур Минкс. Теперь я вспомнил.

Лаура смотрела на Кале печальным взглядом.

- А он разве не с вами? Или я его просто не узнал?

Она покачала головой.

- Нет, он уже не с нами.

- Что-то случилось?

- Да, его убили незадолго до этого стихийного бедствия.

- Убили? – поразился Кале. – Кто убил? За что?

- Я не знаю за что. Знаю только, что в этом обвинили работника его концерна, помощника Артура, Сэда Тирета. Полиция мне так ничего и не сообщила. И я до сих пор ломаю голову над тем, что же там произошло между ними, из-за чего погиб мой муж. Но ответа я не знаю и, наверное, уже не узнаю.

- Придет время, и вы все узнаете, - попытался обнадежить ее Кале.

- Вы думаете, оно придет? – с сомнением спросила она. – Люди говорят, что Солнце остывает и всех скоро ждет конец. Все очень подавлены.

Эти слова Лауры поставили его в тупик. Он ни за что не хотел здесь, среди этих почти отчаявшихся людей произнести страшных слов, но и обманывать ее ему было неловко.

- Чего только ни придумают со страха, - уклонился от прямого ответа Кале. – Просто на людей столько всего свалилось.

- Да, это так, - согласилась Лаура.

- Держитесь, госпожа Минкс, у вас такая славная дочь. Держитесь, хотя бы ради нее.

Она сдержала слезы и кивнула головой.

Кале покинул эвакопункт в сложном настроении. С одной стороны, ему бы следовало радоваться, как радовался Дорель их

открытию, но с другой стороны он ощущал какое-то щемящее чувство. Он и сам не слишком-то верил тому, что сегодня там говорил.

Глава XXVII. Новый дом

Они отправились в путь рано утром. Было еще темно, город тонул во мгле. Свет прожекторов мобиле то и дело выхватывал из тьмы опустевшие безмолвные дома с побитыми окнами и развороченными верхними директориями. Повсюду было запустение. Казалось, мегаполис умер, он потерял всех своих обитателей и только они были единственными людьми, кто еще оставался в нем.

- Даже не верится, что все это происходит с нами, - сказала Ани, печально глядя на страшные картины разрушенного города.

- Да, как сон, - согласился Даррел.

Они помолчали.

- Все-таки страшно, насколько все, оказывается, может быть непредсказуемо и неуправляемо в этой жизни, - заметила она. – Знаете, а я до этих событий была твердо уверена, что все-все зависит только от самого человека, что я сама управляю своей судьбой, строю ее, меняю что-то по своему разумению. Да я собственно даже особо-то и не раздумывала над тем, кто и что там строит. Я просто знала, что это я сама, и все. И что я вижу теперь? А вижу я, что от меня вообще ничего не зависит. Меня, как песчинку, может подхватить и унести неизвестно куда. И пропаду я там вместе с другими песчинками в океане песка, я растворюсь в нем.

- Почему же пропаду? – возразил Даррел. – Лучше стану частью чего-то единого целого.

Ани удивили его слова, она чуть призадумалась.

- Вообще, в этом что-то есть, - сказала она. – Ну в том, что

вы сказали об этом едином целом. Я никогда раньше о таком не думала.

- Да и я не думал, просто пришло вдруг на ум.

- А знаете там нам, наверное, будет легче раствориться в этом едином целом.

- Вы говорите о жилище в горах?

Она кивнула.

- Почему же легче? – не понял он.

- Потому что там первозданная природа.

Даррел улыбнулся.

- Не смейтесь, так и есть.

- Да бросьте, теперь уже не осталась ничего первозданного.

- А я вам говорю, что там такое есть, - упорствовала Ани. – К счастью, люди так и не собрались построить там свои каменные города. Там сохранился кусочек живой природы, какой ее создал Бог. Или кто-то там еще.

- Ладно, не буду спорить, я ведь там не был, - согласился Даррел. – Скоро я все увижу своими глазами.

Они помолчали, прислушиваясь к ровному шуму двигателя.

- Как думаете, нам хватит энергии туда долететь? – чуть тревожно спросила она.

- Энергия пока есть. По крайней мере, в одну сторону ее должно хватить. Ну, если что, включим резервный источник.

- Да, точно. Я и забыла, что такой есть в мобиле.

- Наверное, не приходилось им пользоваться? – поинтересовался Даррел.

- Ни разу. А вам?

- Только на тренировках. Такие проводят в инспекторате для полицейских.

- А-а-а.

Они помолчали. Потом Ани заговорила вновь.

- Вы вот сказали в одну сторону, и у меня появилось какое-то странное чувство.

Даррел испытывающе посмотрел на нее.

- Вы пожалели об этом решении лететь в горы?

- Нет, что вы, совсем нет, - уверенно сказала она. – Это другое, совсем другое. Это какая-то щемящая тоска. Наверное, я только сейчас поняла до конца, что мы больше никогда не вернемся в Средиземноморье. А с ним столько всего связано. Там прошла вся жизнь, там жили мои родители, там был мой дом.

- Да-а-а, - задумчиво сказал Даррел. – Нелегко прощаться с чем-то или кем-то навсегда. Но остается еще память.

- Да, одна лишь память, - согласилась она. – И больше ничего.

Накануне вылета в горы Даррел предложил Ани отправиться в прогулку над городом. Видимо, он хотел ей дать возможность попрощаться с родными местами. Она задумалась, решая лететь ли. Ей хотелось еще разок взглянуть на дом своих родителей, свое агентство, уцелело ли оно, быть может, покружить над своим бывшим домом. Но она, человек, в общем-то, не пугливый, вдруг почувствовала страх – она боялась увидеть своими глазами дорогую ее сердцу местность в руинах. И она отказалась.

- Спасибо, Даррел, вы очень внимательный человек, но нет, я не смогу это видеть, - сказала она. – Пусть в моей памяти они останутся такими, какими я их знала.

И все-таки ей нелегко далось это решение покинуть родное Средиземноморье. В ночь перед вылетом в горы Ани не сомкнула глаз. Было прохладно, она укуталась в плед и обхватила колени руками. Она смотрела в окно, город тонул в темноте, она видела

лишь неясные очертания домов, расположенных по соседству. На небе тускло светились звезды. В голове ее беспорядочно роились разные мысли, она вспоминала прошлое. Перед ее мысленным взором отчетливо проходили картинки минувших событий и встреч. Она ясно видела родителей, радостно улыбающихся ей, родной дом, свою комнату.

- Вставай, соня, мы пришли тебя поздравить, - сказал ей отец в день ее совершеннолетия.

Она приоткрыла один глаз, у ее постели стоял отец, мамы видно не было, наверное, она стояла с другой стороны.

- Встава-а-ай, - раздался и ее голос.

Ани поглубже зарылась в подушку, потому что солнце слепило ей глаза.

- Еще же так рано, - отозвалась она сонным голосом. – Зачем вы открыли жалюзи? Солнце слепит глаза.

- Чтобы ты поскорее поднялась, - ответила мать.

- Тебя ждет сюрприз, - сообщил отец таинственным голосом.

Она заинтересовалась, но ей все еще хотелось спать. Однако она знала, что они все равно станут ее тормошить, пока она не поднимется. Кое-как справившись со сном, она открыла глаза.

- А который сейчас час? – спросила Ани.

- Да время уже много, - ответил отец. – Уже давно пора вставать.

Она взглянула на настенные часы и не поверила своим глазам.

- Еще же только начало седьмого! - воскликнула она.

- Давай-давай поднимайся, сюрприз того стоит, - поторопил ее отец, мать, загадочно улыбаясь, подала Ани ее одежду.

Пока она приводила себя в порядок, родители успели выпить по чашке кофе. Она вышла к ним в столовую в приподнятом

настроении, она окончательно проснулась и испытывала радость в предвкушении сюрприза. Ани по очереди обняла родителей, пожелав им доброго утра, а они поздравили ее с днем рождения.

- Ну ладно, а теперь главное, - потирая руки, сказал отец, - идем смотреть сюрприз.

Ани была здорово заинтригована.

- А куда? Это далеко?

- Сама увидишь. Хотя нет, у меня идея. Дорогая, - обратился Филипп к Дарии, - принеси платок или шарф. Пусть это будет настоящий сюрприз.

Ани рассмеялась, а улыбающаяся Дария помчалась за платком. В раннем детстве родители именно так дарили ей подарки. Отец завязывал ей глаза, вел куда-то за руку, а потом снимал повязку. И всегда ее ждало что-то необычное, удивительное, о чем она только могла мечтать. Она прыгала от восторга, радуясь новым игрушкам. Значит, и теперь будет что-то особенное.

Родители повязали ей платок, отец взял ее за руку и куда-то повел. Ани пыталась определить, куда же он ее ведет. Вдруг она услышала звук открывающейся кабины лифта, они вошли туда.

- Куда это мы? – удивилась она.

- Сама все увидишь, потерпи, - сказала Дария.

Лифт тронулся и пошел вверх. Значит, они едут в ангар, решила она, потому что ничего другого там не было. Она едва дождалась, когда же они выйдут из кабины лифта. Она подумала, что, наверное, родители куда-то хотят ее отвезти и там уже представить свой сюрприз. Но отец почти сразу же снял повязку с ее глаз, как только они вошли в ангар. Видимо, сюрприз был именно здесь. Ани осмотрелась. Повсюду в своих секторах стояли мобиле. Она не нашла ничего похожего на сюрприз и недоуменно посмо-

трела на родителей. Те заговорщически перемигивались.

- Ну ладно, даю подсказку, - весело сказал отец. – Взгляни-ка во-о-он туда.

Ани проследила взглядом за его рукой и увидела новенькую мобиле чудесного белого цвета.

- Это мне? – всплеснула руками она. – Это моя машина?

- Да, она твоя, - подтвердила Дария. – Только смотри не нарушай правил безопасности полетов.

Восторженная Ани бросилась обнимать родителей.

- Ну, дочь, поздравляем тебя! Будь счастлива! – растроганно сказал отец.

Вскоре она получила удостоверение пилота мобиле. Она никогда не расставалась с этой машиной, хотя легко могла бы купить себе другую, новее и современнее. Но она не хотела. Эта машина была с нею до последнего дня своей жизни. Именно в ней Ани упала в горное ущелье в тот черный день.

И тут же мелькнул образ Юрга, но она его тотчас прогнала, об этом человеке она не хотела вспоминать. Потом ее мысли перекинулись на ее теперешнее существование в доме Даррела. И вслед за этим нахлынули тревожные размышления о том, что им предстояло впереди.

Несколько раз она слышала шаги Даррела в коридоре. Видимо, и ему не спалось. Приняв это решение, в душе они все равно сомневались. Трудно было каждому из них расстаться даже и с остатками цивилизации и отправиться в неведомое. Но каждый из них знал, что им надо было на что-то решаться, лететь в горы или оказаться на попечении государства в эвакуационном пункте. Ничего другого им не оставалось.

Второй путь, конечно, более простой, попроси убежища

в эвакопункте и пусть все за тебя решают другие. Именно так она представляла себе это существование в общественном доме. Ничего личного, индивидуального, принадлежащего только ей, все общественное. Кров, пища, часы отдыха и работы, если таковая нашлась бы там, все на виду у множества глаз. Никуда не убежать, не скрыться и не остаться наедине с собой. Это было для нее невыполнимо. Потому-то она и ухватилась за эту идею, бесспорно, рискованную идею переселения в горы. Никто из них не знал, что же там их ждет.

Стало светать, пейзаж за бортом их мобиле изменился. На подходе были горы – конечный пункт их путешествия. Ани напряженно вглядывалась в местность, развертывающую внизу, потому что только она знала дорогу к горному коттеджу. Она вдруг ярко вспомнила тот день, когда она летела туда вместе с Юргом, беспечная и счастливая, с надеждой на лучшую жизнь. Но, как оказалось, летела она туда на верную смерть. Она усилием воли отодвинула от себя эти воспоминания. Нет, об этом думать она не будет, она не станет вспоминать то, через что ей пришлось пройти.

Горы были уже совсем близко, и Ани издали увидела долину, приткнувшуюся у самого подножия гор.

- Это здесь, - сказала она.

Даррел кивает головой.

- Ани, вам тяжело сюда лететь? – неожиданно спросил он.

Она покачала головой:

- Не тяжелее того, что произошло с нами.

Даррел внимательно всматривался в местность, где им предстояло садиться.

- Так здесь не один дом, - слегка удивился он. – Вы ничего не говорили об этом.

Она взглянула вниз.

- Да, точно. А это как-то выпало у меня из головы.

- Провалы в памяти? – пошутил он.

- Старею, - с притворной грустью вздохнула. - Говорят, такое бывает с пожилыми людьми.

Даррел красноречиво посмотрел на нее, и она вдруг рассмеялась.

- Ладно, будем садиться, - сказал он после того, как они сделали несколько кругов над долиной. – Площадка вполне приличная.

- Да, я садилась здесь, - подтвердила Ани.

Мобиле благополучно приземлилась на небольшом пятачке среди пожухлой травы.

- Надеюсь, в этом доме нет постояльцев, - сказал Даррел.

- С чего бы это?

- Ну дом ведь сдается, может, его уже сдали каким-нибудь переселенцам вроде нас.

- Но это и к лучшему.

- Почему? – не понял Даррел.

- Создадим здесь свой эвакопункт.

- А, ну да.

Даррел помог Ани выбраться из машины. Он с любопытством огляделся. Стояла удивительная тишина. Даррел глубоко вдохнул чистого горного воздуха и ободряюще улыбнулся Ани.

- Теперь я лучше понимаю ваши слова относительно первозданной природы. Красота!.. А воздух какой!..

Она удовлетворенно кивнула головой.

- А вы еще сомневались, - попеняла она.

- Ну что, идем на разведку?

- Пожалуй.

Они направились к коттеджу. Ее опять, как огнем, обожгли воспоминания. Как будто она вновь идет вместе с Юргом к этому дому. Как будто вернулся тот самый день. Она знала, что это абсурд, и тем не менее, взглянула на своего спутника, чтобы убедиться, что все на своих местах. Так и было. Даррел уверенно шагал рядом с нею.

Они подошли к двери. Тогда Юрг взял ее руку и приложил ее к опознавательной пластине. Но сейчас, слава Богу, с нею был не он. Даррел нажал на ручку и толкнул дверь. Дверь была закрыта.

- Это делается не так, - сказала Ани с улыбкой и коснулась ладонью пластины на двери.

- Черт, вы же говорили об этом, - сконфузился инспектор.

Потекли мгновения томительного ожидания, всплыло вдруг сомнение, а что если ее дактилоскопический паспорт уже аннулирован, но вот дверь отворилась. Они вздохнули с облегчением и переступили порог дома. Они прислушались к звукам дома, но повсюду было тихо.

- Это бред, - сказал Даррел.

- Что? – не поняла Ани.

- То, что мы прислушиваемся, нет ли здесь кого-то еще.

До Ани дошел смысл его слов и она рассмеялась. Ее смех подхватил и Даррел.

- Ну да, иначе бы паспорт мой не был принят, - сказала она сквозь смех.

- А мы с вами стоим и слушаем, как…

- Как два придурка, - завершила она его мысль и новая волна смеха понесла ее. – Давайте… Давайте… ой, нет я не могу…

Они оба покатывались со смеха, как сумасшедшие. У Ани уже

просто не было сил, и она, держась за стену, пошла в гостиную, что располагалась, насколько она помнила где-то по соседству. Там она в изнеможении опустилась в кресло. Даррела все не было. Понемногу она успокоилась.

- Даррел, вы куда пропали? – окликнула его Ани.

Вскоре он появился на пороге гостиной. Он тоже уже справился с приступом смеха. Даррел с любопытством осмотрелся и сел на диван.

- Хотите воды? – спросил он.

- Нет. А вы уже разведали, где тут вода?

- Да, пришлось. Ани, а что это вы хотели мне предложить? – поинтересовался он.

- Когда? – удивилась Ани.

- Ну там, в холле вы сказали: давайте, давайте.

- А-а-а, я хотела вам сказать, давайте называть вещи своими именами.

- Насчет двух придурков?

Ани кивнула головой, смех снова подступал к ней. Даррел, видимо, это заметил.

- Тихо-тихо, спокойно, - сказал он ей, предостерегающе подняв руки, - это нервы. Сейчас я принесу вам воды. Спокойно, только спокойно.

- Нет-нет, не надо воды. Все уже прошло.

Они помолчали.

- Ну как вам здесь? – спросила она.

- В общем, неплохо. Надо осмотреться, где здесь что.

- Да, и самое главное, проверить, есть ли тут запасы продуктов, - поддержала она Даррела.

Дом был небольшим. Внизу располагались холл, гостиная,

крохотная столовая и помещение с плитой и немудреной бытовой техникой для приготовления пищи. На втором этаже было две спальни, ванная комната и еще одно помещение, похожее на кабинет с письменным столом и стеллажом для книг.

Осмотрев дом, они не нашли ничего, что могло было быть кладовой для продуктов. В помещении для приготовления пищи был холодильный шкаф, но в нем стояло несколько банок рыбных консервов, пара упаковок хлеба, да пачка полуфабрикатов.

- Да, негусто, - грустно сказала Ани. – Неужели здесь больше ничего нет?

Даррела вдруг осенила идея.

- Постойте, а мы нигде не увидели генератора.

- Точно!

- Где-то ведь он должен быть. Генератора в таком доме просто не может не быть.

- Да. Так, а где же он? – Ани растерянно оглянулась, словно именно здесь он и должен был найтись.

Даррел между тем продолжал соображать.

- Обычно такие вещи держат где-то в подсобных помещениях. В доме мы их не нашли. Значит, где-то вне дома.

- Или в подвале, - подсказала Ани.

- В подвале. Отлично. Но вот как попасть туда?

- Наверное, вход где-то снаружи.

- Скорее всего. На нижнем этаже, по-моему, нигде не было ничего похожего на вход в подвал.

Они отправились на поиски. Вход в подвал они обнаружили с противоположной фасаду стороны. Дверь была похожа на ту, что они открывали при помощи дактилоскопического паспорта Ани. Она была заперта. Даррел и Ани переглянулись.

- Что будем делать? – растерянно спросила она. – Ключа у нас нет. Попробуем сломать?

Даррел с сомнением покачал головой.

- Это будет не так-то просто.

Они молчали, не спуская с двери глаз.

- Слушайте, - сказал Даррел, - а что, если и эта дверь открывается тем же ключом?

- Этим? – Ани подняла свою ладонь.

- Ну да.

- А где же здесь опознавательная пластина? – с сомнением спросила она. – Вы ее видите?

Они принялись изучать дверь. Такой пластины здесь не было. Но в двери было какое-то отверстие, в которое что-то такое вставлялось. Однако это не было отверстие для ключа.

- Кажется, я знаю, что это такое, - не вполне уверенно произнесла Ани.

Даррел устремил на нее вопросительный взгляд.

- Но это только теория, - предупредила она. – Я с таким не встречалась. Так вот. Возможно, опознавательная пластина используется только со стороны главного входа. То есть, когда приезжают постояльцы, они предъявляют свой паспорт, он проверяется системой и дверь отворяется. А чтобы попасть еще в какие-то закрытые зоны, используется какая-нибудь часть основной пластины с микропроцессором.

- Возможно. Значит, надо искать что-то подходящее к этому отверстию, - Даррел прикоснулся пальцем к черной точке на двери.

Они ожидали больших сложностей для себя с этим неожиданно возникшим перед ними препятствием, но все оказалось намного проще. Когда они вернулись к главному входу, чтобы

начать осмотр пластины, они увидели с внутренней стороны двери небольшой штырек, вставленный в отверстие пластины ровно по центру. Даррел осторожно потянул его на себя и стержень вышел наружу.

- Похоже на то, что нам надо, - сказал он, рассматривая находку.

- Да, похоже, - согласилась Ани.

Штырь подошел и дверь в подвальное помещение, наконец-то, отворилась. На них пахнуло сыростью. В подвале было холодно. Они включили освещение и осмотрелись. Генератор стоял прямо у входа, а напротив него было устроено небольшое хранилище для продуктов, представлявшее собой двусторонний шкаф с выдвигающимися контейнерами.

- Вы осматривайте левую сторону, а я правую, - предложил Даррел.

- Хорошо.

Она начала снизу. Контейнеры выдвигались легко, многие были пустыми. Ани, чувствуя разочарование и тревогу, продолжала исследование. Тот же результат, видимо, был и у Даррела, потому что он молчал. Она дошла почти до середины шкафа, когда контейнер, который она потянула на себя, с трудом поддался ей. Она приложила больше усилий и смогла заглянуть внутрь. Она увидела упаковки с какими-то консервами, которые почти наполовину заполняли контейнер.

- Даррел, я нашла, - сказала она.

- Да? Здорово. А у меня пока пусто. Ну-ка что там у вас?

Он задвинул очередной пустой контейнер со своей стороны и принялся вместе с Ани перебирать обнаруженные продукты.

- Похоже, здесь одни консервы, - сделал вывод Даррел.

- Да, - согласилась Ани, все еще рассматривая упаковки. – Здесь есть мясные и овощные консервы.

- А мне еще попались рыбные.

- Ну вот, это уже что-то.

- Можно вздохнуть свободнее.

- Вы встревожились? – с любопытством спросила Ани.

- Конечно, - уверенно ответил он. - Думаете, приятно умереть с голода?

- Я тоже начала переживать, - призналась она. – Ну ладно, продолжим?

Со стороны Даррела так пока ничего и не нашлось. Но впереди еще были контейнеры нескольких верхних рядов. Им пришлось поискать стремянку. Она была неподалеку. Даррел установил ее и взобрался наверх. Он отодвигал и задвигал ящики, но все они были пустыми. И вот, добравшись до самого верха, он произнес:

- Здесь что-то есть.

- Только в одном?

- Да. Сейчас загляну в соседний.

Соседний контейнер тяжело сдвинулся с места. Ани напряженно ждала, что же скажет Даррел.

- Здесь, кажется, только крупа, макароны и немного клубней картофеля, - заговорил, наконец, он. – Нет, еще есть сахар, пара пакетов муки и несколько упаковок джема. Это целый клад. Так что поздравляю вас, Ани, голодная смерть нам не грозит пока.

- Звучит не очень-то обнадеживающе, - сказала Ани.

- Ничего, что-нибудь придумаем. Предлагаю, перенести часть продуктов в дом, так будет удобнее.

- Да, пожалуй.

С этой задачей они справились довольно быстро. Пара походов в подвал и стол в помещении для готовки был завален продуктами. Они разложили их по шкафам. Затем Даррел решил проверить, работает ли плита. Он включил ее, но ни один из сенсоров не зажегся. Плита не работала. Ани почувствовала внутри отвратительный холодок.

- Вот черт! Генератор-то мы не включили! – воскликнул Даррел и бросился к выходу.

Ани осталась ждать с замирающим сердцем. Она неотрывно смотрела на сенсоры плиты, но те оставались мертвыми. И вдруг они вспыхнули ярким светом. Значит, генератор был исправен.

- Слава Богу, - сказала она и обессилено опустилась в кресло у стола.

Напряжение, испытываемое ею весь этот день, постепенно отступало и она поняла, насколько она устала.

На пороге появился Даррел, на его лице была радостная улыбка.

- Ну вот пока и все, - сказал он. – Сегодня мы смело можем перевести дух. Что с вами, Ани? Вам плохо?

- Нет, просто я немного устала.

- Наверное, вы перенервничали.

- Да. А вы?

- Я тоже. Нам надо отдохнуть. Это был очень трудный день. Ани, вы идите наверх, попробуйте уснуть.

- А вы? – вновь спросила она.

- Мне надо еще кое-что проверить. Не беспокойтесь обо мне. Боюсь, я все равно не усну.

- Хорошо. Я, пожалуй, воспользуюсь вашим советом.

- В доме пока еще прохладно, но скоро воздух прогреется. Так

что оденьтесь потеплее.

- Спасибо, Даррел.

- За что?

- За все, - просто ответила она и направилась к двери.

Она поднялась на второй этаж и толкнула дверь в ту комнату, что она выбрала для себя. Эта комната была меньше, в ней не было камина, да и из мебели были лишь кровать да шкаф, но она имела одно очень важное для нее преимущество – эта комната никогда не видела Юрга. В тот день они сюда так и не вошли. А красоты гор он показывал ей из окна соседней комнаты, где будет жить Даррел.

Глава XXVIII. Запасы на будущее

Шаги Ани затихли, должно быть, она уже поднялась в свою комнату. Даррел немного посидел, прислушиваясь к себе, не хочет ли и его тело дать себе передышку от этого трудного дня. И хотя он тоже чувствовал некоторую усталость, он понял, что точно не уснет, пока не уяснит для себя, как все устроено в этом доме.

Самыми главными их вопросами были энергоснабжение и продовольствие. Но с этим они вроде бы как-то разобрались. Теперь у них был запас продуктов в доме и кое-что еще лежало в багажнике мобиле. Генератор, к счастью, оказался в рабочем состоянии, и теперь он уже нагнетал в дом теплый воздух, используя энергию, вырабатываемую им, можно было приготовить еду и сварить кофе.

- Кофе, - пробормотал он, поднимаясь из-за стола. – Что же у нас с кофе?

Он открывал и закрывал двери шкафов в поисках кофе или какого-нибудь другого напитка. Хотя лучше бы кофе. Всю жизнь, как и все люди вокруг, он пил кофе. Чай тоже присутствовал в меню ресторанов, но его в Средиземноморье пили редко, наверное, давно пристрастившись к кофе, они не могли понять его вкуса. И теперь Даррел искал именно кофе. Они с Ани привезли с собой только то, что еще оставалось у него в доме, но этого хватит только на пару дней.

Однако его ждало разочарование. В одном из ящиков нижнего

шкафа он обнаружил только остатки кофе в какой-то старинной жестяной банке. Но зато в шкафу нашелся чай разных сортов и производителей на практически любой вкус. Судя по всему, тот, кто сдавал этот дом, был настоящим ценителем этого древнего напитка. Ну что же, хотя бы это. Теперь разборчивость была не в чести.

И все-таки самыми главными их вопросами были и будут энергоснабжение и продовольствие. Это он понимал четко. Даже несмотря на то, что они вроде бы разобрались и с тем, и с другим. Им нужны были какие-то запасные варианты, если они рассчитывали продержаться здесь какое-то время.

Что касается тепла, то в нескольких комнатах здесь были камины, настоящие камины, в которых раскладывают живой огонь. Когда генератор начнет садиться, обогреваться можно ими. Если, конечно, заготовить топливо. Вот об этом он особенно не переживал. Сухие ветки и деревья можно было легко заготовить: вокруг горных коттеджей была какая-то растительность.

Но вот продукты, это было очень серьезно. И как возобновить запас хотя бы некоторых из них, он не представлял. Вернее, представлял, но у них не было ничего, что могло бы в этом пригодиться. Ни пшеницу, ни овощи не получить без семян. Хотя там в подвале они нашли крупу и клубни картофеля, можно попытаться вырастить кое-какой урожай. Ну, по крайней мере, из картофеля. Кто знает, может, что и выйдет, если подготовить почву. Правда, Даррел никогда этим раньше не занимался и не представлял, в каких условиях растет картофель. Но даже, как человек, очень далекий от овощеводства, он подозревал, что прохладный климат может свести на нет все эти попытки. И все-таки он не намерен был отступать от своей задумки. Надо попытаться. И он стал сообра-

жать, с чего бы начать.

Насколько он понимал, первым делом надо было подготовить почву, без этого никак не обойтись. Для этого придется вскопать твердую землю, сделать ее рыхлее, чтобы семена могли в ней свободно прорасти. Но чтобы вскопать, нужны все-таки какие-то орудия труда. При помощи чего можно провести такую операцию, он представлял довольно слабо. И потому ему предстояло найти что-то, что поможет ему в этом. И он решил снова отправиться в подвал, возможно, там найдется какой-то инструмент.

Он отыскал в подвале ящик, где лежали некие железяки, назначение которых ему, жителю современного мегаполиса, было неизвестно. Он перебирал их, напряженно размышляя над этим, когда вдруг в проеме двери, которую он оставил открытой, появился пожилой, крепкий на вид мужчина в теплой куртке и кашпо.

- Бог в помощь, - сказал он.

- Спасибо, - отозвался Даррел, изучая незнакомца.

- Марк, - представился он, протянув руку.

Даррел пожал руку и тоже назвал свое имя. Марк подошел поближе, чтобы взглянуть на инструменты.

- Собираетесь что-то ремонтировать? – спросил он, кивнув на ящик.

- Да нет, хочу попробовать вскопать землю.

Марк внимательно посмотрел на Даррела.

- Что-то сеять будете?

- Картофель.

- Боюсь, не получится, - покачал головой он. - Холодно. Слишком холодно. Думаю, что уже ничего не вырастет на этой земле.

Они помолчали.

- Я видел, вы прилетели не один? – спросил Марк. – Это ваша

жена?

Даррел не знал, что ответить, и потому ограничился коротким отрицательным ответом.

- Понимаю, - сказал собеседник Даррела, не задавая лишних вопросов.

- Марк, заходите к нам на огонек по-соседски.

- Спасибо. Может быть, вечером и загляну. Надо ведь познакомиться.

- Мы будет очень рады. Будем вас ждать.

Даррел, немного озадаченный, вернулся в дом. Он не ожидал, что его идее так быстро придет конец. Что же, придется придумать что-то еще. Хотя, с другой стороны, что здесь можно придумать?

Ани уже поднялась. Он нашел ее в помещении для приготовления пищи. Она, как и он чуть раньше, занималась поисками.

- Что ищете? – спросил он.

- Кофе, - ответила она.

- А я уже нашел.

- Правда? – обрадовалась Ани.

- Нашел, но не кофе, а чай.

- Чай, - разочаровалась она.

Даррел распахнул дверь шкафа, где хозяевами был припасен напиток.

- Это здесь.

- Ого, сколько его здесь, - удивилась она. – И что, кофе вообще нет?

- Есть чуть-чуть.

Она повертела в руках упаковку с чаем.

- Хотя по большому счету это неважно. Что такое кофе? Это всего лишь напиток, к которому мы привыкли с детства. Ну и что

с того? Будем отвыкать от кофе и привыкать к чаю. Ничего страшного.

- Хорошая речь, - с улыбкой сказал Даррел, - а главное, правильная.

- Будете чай, Даррел?

- С удовольствием.

Она вдруг замолчала, глядя с недоумением на кофеварку.

- Что-то не так? – спросил Даррел.

- Чай варят в этом?

- Не знаю. А вы думаете, его варят?

Ани пожала плечами.

- Давайте лучше сварим кофе, а потом на досуге разберемся, что там делают с этим чаем, - предложил он.

- Хорошо, отличная мысль. Кофе я сварю. Не сомневайтесь.

Ани достала из шкафа банку с кофе и запустила кофеварку.

- А знаете, у нас сегодня, возможно, будут гости, - сказал он.

Она застыла с чашкой в руке, которую достала из шкафа.

- Гости? – удивилась она.

- Да, не удивляйтесь. Оказывается, по-соседству с нами обитает пожилой мужчина. Его зовут Марк.

- Даже как-то странно, что в таком месте живут люди. Но для нас это большая удача. У него, наверное, есть опыт отшельничества. Мы-то с вами не особенно разбираемся, как жить рядом с этой самой природой.

Даррел согласно кивнул головой.

- Один дельный совет мне он уже дал.

Ани поставила на стол чашки с горячим кофе.

- Да? И что же это за совет?

- Он развеял одну мою неудачную идею, - сказал Даррел, сде-

лав первый глоток.

Она насторожилась.

- Надеюсь, ничего катастрофического для нас? – спросила она.

- Ничего. Пока.

- Звучит не очень-то…

- Оптимистично, - подсказал Даррел.

- Да, правильно, - улыбнулась Ани. - Так что это за идея?

- Мне пришла в голову мысль попробовать вырастить овощи. Мы ведь нашли с вами в подвале клубни картофеля. Помните? Так вот я искал инструменты, чтобы вскопать землю.

- Вы умеете выращивать овощи? – она взглянула на него с любопытством.

- Нет, не умею. Но я видел, как это делается.

- Где? – удивленно спросила Ани.

- В старинных фильмах.

Ани рассмеялась.

- О да, это отличное руководство к действию.

Даррел вновь улыбнулся.

- Конечно, не бог весть что, но все-таки. Ну так вот. Как я уже сказал, я искал инструменты. Пришел Марк. И все, моя идея пошла прахом. Он сказал, что ничего не вырастет, потому что слишком холодно.

- Он, видимо, знает, о чем говорит, - задумчиво сказала она. – Наверное, уже пробовал. А он не сказал, давно он здесь?

- Нет, он вообще не очень-то разговорчивый. Насколько я успел заметить.

- Немудрено, жить в таком месте, да еще одному. Вообще разучишься говорить. Мне бы хотелось на него взглянуть.

- Ну вот придет и посмотрите.

Марк, как и обещал, пришел вечером. Они уже зажгли освещение и сидели в гостиной, занимаясь рассматриванием каких-то старых журналов и лениво перебрасываясь короткими замечаниями. Входная дверь была не заперта и их сосед проследовал прямо на огонек.

- Извиняюсь за вторжение, - сказал Марк, - но у вас было открыто.

Они поднялись навстречу гостю.

- Да, мы решили, что здесь нет никакой опасности, вокруг ведь никого, - ответил Даррел.

Даррел, как человек, знакомый с ними обоими, представил друг другу Марка и Ани. Они обменялись сердечным рукопожатием и гость устроился на диване.

- Мы рады, Марк, что у нас есть сосед, - с улыбкой сказала Ани. – Надеюсь, мы можем рассчитывать на ваши советы, если что?

- Конечно, я уже немного разбираюсь, что к чему.

Ани кивнула головой и улыбнулась.

- Сейчас я приготовлю кофе, - сказала она. – Вы не против, Марк?

- Лучше бы чайку.

Ани и Даррел переглянулись. Марк заметил это.

- А у вас, наверное, нет чая? – спросил он.

- Нет, он у нас есть, - ответил Даррел.

- Только мы не умеем его готовить, - добавила Ани.

Марк мгновение соображал, что к чему, потом вдруг рассмеялся.

- Серьезно, Марк, зря вы смеетесь, - сказал Даррел. – Я пил его всего пару раз за всю свою жизнь. А уж готовить-то мне и

вовсе не приходилось. В ресторане его приносят уже готовым.

- И я тоже не умею его готовить, - поддержала его Ани.

- Да что его там готовить, - отсмеявшись, сказал Марк. – Все элементарно, друзья мои.

Он решительно поднялся.

- Идемте, я буду вас учить.

Марк взял на себя весь процесс, он сказал, что городским жителям, которые не вылезают из ресторанов, придется все показывать на пальцах. Он отыскал в шкафу какой-то металлический сосуд.

- Это чайник, - сказал Марк, - в нем кипятят воду. Вскипятить можно и в обычной кастрюле, но вкус будет не очень. Теперь надо найти еще один чайник, запарник, в котором заваривают напиток. Думаю, что он должен быть в шкафу для посуды.

Даррел сделал вывод, что Марк довольно неплохо ориентировался в этом доме, должно быть, уже бывал здесь раньше. Например, он точно знал, где находится шкаф для посуды. Он протянул к нему руку и достал этот самый запарник, о котором он им толковал.

- Чай ни в коем случае нельзя варить, - продолжил свою лекцию Марк, - иначе он потеряет весь свой аромат.

Он привычными движениями ловко заварил чай и накрыл чайник салфеткой. Ани и Даррел с любопытством следили за ним. Они старались запомнить, как он это делает, ведь уже в самое ближайшее время им придется самим каждый день заниматься этим.

- О-о, получилось неплохо, - отметила Ани, когда они уселись пить чай с джемом. - Вы ловко это делаете, Марк.

- Просто я люблю чай. Горячий чай хорошо согревает. Я уже давно пью только чай. Кофе даже и не покупаю. Ну а теперь

вообще будет негде купить ни того, ни другого. Слава Богу у меня хорошие запасы.

Наступила тишина. Они пили чай, усваивая новый вкус. Он был иным, отличным от вкуса кофе, с терпкостью и каким-то тонким ароматом.

- А вы давно здесь? – спросил Даррел.

- Почти уже пять лет.

- Вам не одиноко здесь? – поинтересовалась Ани.

Марк покачал головой.

- Мне не нужна компания.

Даррел и Ани вопросительно посмотрели на Марка. На его лицо легла мрачная тень.

- Я обосновался здесь после того, как потерял жену и сына. Они погибли.

- О, простите, - тихо сказала Ани.

- Ничего. Теперь, наверное, беда коснулась многих. Очень многих.

Ани спрятала глаза. Все вновь замолчали. Они пили чай.

- Хороший чай, - заговорил первым Марк. - А кроме чая в этом доме что-то еще есть?

Ани всплеснула руками.

- Ой, вы голодны, наверное?

- Да я не о том, - Марк погасил улыбку. - Я имел в виду, есть ли у вас провиант? Запасы какие-то в этом доме есть?

Даррел и Ани удивленно переглянулись.

- Кое-что есть, - ответил он.

- Да, бросьте вы, что тут есть. Немного крупы да банка варенья?

- Нет, почему же, - возразил Даррел, - есть еще консервы. Там

их прилично. Да, а еще мука и картофель. В общем, пока нам хватит.

Марк отставил чашку и поднялся.

- Идемте-ка, Даррел, со мной, - решительно сказал он. - Я поделюсь с вами настоящими продуктами. Не беспокойтесь, у меня хорошие запасы.

- Что вы, Марк, не надо, - запротестовала Ани. - У нас все есть. Не надо.

Марк строго посмотрел на Ани и сказал:

- Сейчас не до скромности. Надо выживать.

Ани грустно покачала головой.

- Да, вы правы. Я все время как-то забываю об этом.

Они вышли из дома уже затемно. Дул холодный ветер. Темнота стояла кромешная. На счастье, Марк прихватил с собой небольшой фонарик, он освещал дорогу скупым лучом света.

- Я без него никуда, - сказал Марк. – Темнеет теперь рано, приходится все время держать его под рукой.

Свет упал на широкую металлическую дверь с кодовым замком. Марк ткнул пару кнопок и дверь отворилась. Коттедж Марка был похож на тот, в котором остановились они с Ани. То же расположение помещений на нижнем этаже, единственное, что отличало эти два дома, так это наличие в коридоре Марка двери в подвал.

- Очень удобно, - отметил Даррел, – вход прямо из дома. А у нас надо выходить наружу, чтобы попасть в подвал.

- Да, я знаю, здесь было так же. Я переделал сам.

Марк щелкнул выключателем на стене и открыл дверь. В подвальном помещении все было устроено основательно и надолго. Здесь стояли несколько больших холодильных шкафов. Марк открыл дверь одного из них и Даррел увидел, что шкаф забит замо-

роженным мясом. У него перехватило дыхание, потому что Даррел уже успел забыть вкус мяса.

- Когда я обосновался здесь, мне пришлось отказаться от свежего мяса. Здесь мне пришлось запасать продукты, чтобы не слишком часто летать в мегаполис. Вот я постепенно и привык есть размороженное. Да, впрочем, оно почти и не отличается от свежего, если его правильно приготовить. Ну, попробуете сами.

Марк принес вместительный пустой контейнер и принялся заполнять его продуктами. Он положил туда несколько кусков мяса и пару тушек замороженных птиц.

- Марк, правда, так неловко брать у вас продукты, - сказал он.

- Бросьте, Даррел, никто не мог знать, что на нас свалится такое.

- Да уж.

Марк поставил контейнер к ногам Даррела.

- Да, знаете еще что. Я бы посоветовал вам запастись топливом.

Он кивнул головой.

- Я уже думал об этом. Генератора надолго не хватит.

- Да, это так.

- Я вам покажу место, где можно нарубить хороших веток. Там можно сделать хорошие запасы. А запасы в нашем положении решают все.

Даррел крепко пожал руку Марку.

- Спасибо. Большое спасибо.

Марк чуть кивнул головой, в его глазах Даррелу почудилась печаль.

Глава XXIX. Нежданное счастье

Их жизнь в горном коттедже постепенно входила в какую-то новую колею. Конечно, это было совсем не то, что раньше, но, по крайней мере, в этом их существовании здесь была надежда на то, что они выживут. Они с Даррелом, когда летели на свой страх и риск в горы, и не предполагали, что нежданно найдут здесь помощь со стороны совершенно незнакомого человека.

Ани была растрогана до глубины души, когда Даррел принес от Марка такие продукты, о которых они уже собирались забыть навсегда. Она смотрела на это богатство и не верила своим глазам. Неужели они снова будут, пусть и на короткое время, есть привычную пищу.

- Но, Даррел, мы, наверное, разорили Марка начисто, - сокрушалась она.

- Нет, мы его не разорили, мы немного уменьшили его запасы.

- Ну ладно, раз так. Знаете, нам надо приготовить ужин и пригласить Марка. Ну, скажем, завтра.

Ани еще раз обошла вокруг стола, на котором лежал их провиант.

- Ну надо же, какой он человек! – всплеснула руками она. – Отдать продукты посторонним людям, да еще в такое-то время!

- Совершенно с вами согласен. И, знаете, о чем я думаю сейчас? А я бы на его месте смог так поступить?

Ани внимательно взглянула на Даррела.

- И вы ответили как-то на этот вопрос? – спросила она.

- Не знаю. Я не знаю, как бы поступил на его месте.

- А я знаю, - уверенно сказала Ани. – Я знаю, как бы вы поступили.

- Да? – заинтересовался Даррел. – И как же?

- Точно так же, как Марк.

- Почему вы так думаете?

- Почему? – спросила она. – А потому что вы уже совершили поступок, похожий на этот.

- Когда? – удивился он.

- В тот день, когда вы спасли меня из госпиталя.

Даррел замахал на нее руками.

- Ну при чем тут это?

- Вы совершенно не обязаны были меня спасать, вы же не спасатель, вы просто прилетели задать свои вопросы. Вы могли погибнуть, потеряв со мной время. Думаю, нашлось бы немало людей, кто бы бросился спасать прежде всего себя. Чувство самосохранения.

- Нет, и все-таки, Ани, это другое. Пусть я не спасатель, я полицейский. И мы тоже обязаны по долгу службы вытаскивать людей из беды.

- Возможно. Но я уверена, что вы не раз вытаскивали их, даже когда и не были на службе.

- Ну а это вы с чего взяли? – улыбнулся Даррел.

- С чего? А с того, что вы неравнодушный человек, вы не сможете спокойно пройти мимо человека, который попал в беду. Вы неспособны на это. Вы обязательно протянете ему руку.

Даррел чуть смутился, он не знал, что ей сказать.

- Вы меня прямо в ангелы какие-то записали, - нашелся, нако-

нец, он. - Только крыльев не хватает.

- Разве я не права? – спросила она, прямо глядя на него, Даррел отвел взгляд. – Я права. И вам это отлично известно, просто вы не хотите в этом сознаться. Но я вас понимаю, вы думаете, что это нескромно.

- Ну ладно, что вы все обо мне да обо мне, - отмахнулся Даррел. – А вы-то сами как бы поступили?

- А вот я не знаю. Понимаете, когда ты единственный ребенок в семье, и когда все для тебя, ты становишься немного эгоистом. Ты привык получать, а не отдавать. Поэтому, может быть, я бы и не смогла быть такой щедрой с посторонними людьми в критической ситуации, тем более, что они сказали, что у них есть продукты. Но я знаю еще одного человека, который бы поступил так же, как Марк.

Даррел вопросительно посмотрел на нее.

- Это мой отец, - сказала она.

- А я почему-то так и подумал, что вы скажете о нем.

- Да, мой отец был очень чутким, он мог запросто оказать помощь любому человеку и совсем не обязательно из своего круга.

Даррел понимающе кивнул головой, а Ани отвела в сторону ставший печальным взгляд.

- Завтра нам с Марком предстоит работа, - нарушил молчание Даррел.

- Работа?

- Он вызвался показать место, где можно будет запасти топлива для каминов.

- Да, конечно, на генераторы полагаться не приходится, - грустно сказала она.

- Нам надо их поберечь, чтобы иметь энергию хотя бы для

приготовления пищи.

Так они и поступили. Только рассвело, как в дверь их дома постучал Марк. Он, видимо, был ранней пташкой. Ани услышала, как Даррел торопливо вышел из своей комнаты, его шаги замерли на лестнице. Потом стукнула дверь, послышались отдаленные голоса. Ани тоже встала с постели. Она быстро оделась, укуталась в теплую кофту, которую она нашла в шкафу.

Надо сказать, что своей одежды у нее теперь почти не было. Все вещи остались в ее разрушенном доме. Из госпиталя она улетела вместе с Даррелом в ночной сорочке и теплом халате. Это была вся ее личная одежда. Перед переселением в горный коттедж надо было как-то решать эту проблему. Но как, если никакие торговые центры больше не работали в Средиземноморье? На счастье, в доме Даррела оставалась кое-какая одежда его бывшей жены, которую она не захотела брать с собой в свою новую жизнь. Они были примерно одного роста с Мари, так что гардероб Ани Бине, богатой наследницы крупного промышленника Средиземноморья, пополнился парой поношенных джинсов, блузкой и свитером.

Она поспешно спустилась вниз. Даррел уже одел куртку.

- Доброе утро, Ани, - сказал Марк.

- Доброе.

- Как спали на новом месте? – с улыбкой спросил ее Даррел.

- Да, знаете, в общем, неплохо, - весело отозвалась она. – Наверное, горный воздух влияет.

Ани перевела взгляд на Марка.

- Марк, я хотела поблагодарить вас за вашу щедрость, - сказала она.

- Не стоит, - мягко ответил он, - это пустяк.

- Нет, это совсем не пустяк. Это очень важно. За мной ужин.

Вы ведь не откажетесь прийти к нам на ужин?

- Не откажусь.

Дверь за ними закрылась и Ани осталась одна. Ей стало скучно, она не знала, чем занять себя. Она немного побродила по дому, потом решила отправиться и приготовить завтрак. Мужчины, наверняка, проголодаются, и завтрак будет кстати. Да и самой ей не помешает подкрепиться.

Она заглянула в шкаф, где теперь хранилась часть их запасов, и решила, что приготовит овсяную кашу с растительным маслом. Она поставила воду на плиту и насыпала овсяных хлопьев в миску. Потом случайно в ящике, где лежали столовые приборы, она обнаружила пакетик с сухофруктами. Это было очень кстати. Овсяная каша с сухофруктами – утренняя еда из ее детства.

Ани благополучно справилась со своей кулинарной задачей. Каша была готова, она отключила плиту. Что теперь делать, она не знала. Она выглянула в окно и посмотрела в ту сторону, куда ушли Даррел с Марком, но их не было видно. Голод брал свое и она положила в тарелку себе немного каши. Она решила, что ничего не будет страшного, если она поест без них, ведь и им тоже останется. Нехитрая еда ей пришлась по вкусу, она хотела положить себе добавки, но потом передумала, решив, что будет более честно, если она поест вместе с мужчинами.

Утолив голод, она вымыла посуду и вновь вернулась к столу. Она села, подперев голову рукой, и принялась ждать, неотрывно глядя в окно. Ей показалось, что прошло немного времени, как вдалеке появились Даррел и Марк каждый с охапкой веток за спиной. Ей захотелось встретить их у дома, и она, поглубже запахнув кофту, направилась в холл.

- Как же вы притащили столько? – с улыбкой спросила она их,

стоя на пороге дома.

- Ерунда, мы ведь мужчины. Правда, Даррел?

Тот кивнул и с облегчением сбросил свой груз. Он потер одной рукой другую, затекшую от тяжести веток, и Ани увидела кровь на его кисти.

- Господи, Даррел, что у вас с рукой? – с тревогой сказала она.

Она поспешила к нему. Рука довольно сильно кровоточила.

- Да ничего страшного.

Марк тоже подошел взглянуть.

- Надо промыть и хорошенько обработать.

- Идемте скорее, Даррел. Вы слышали, что сказал Марк?

- Да не беспокойтесь вы, со мной всё в порядке.

- Ани права, не стоит с этим шутить, - сказал Марк.

Она решительно взяла Даррела за руку и повела к дому. Он повернулся к Марку и махнул ему рукой.

- Спасибо, Марк. Увидимся.

Марк махнул рукой и повернул к своему дому.

Ани быстро приготовила миску с водой, нашла в гостиной в шкафу лекарство и стерильную повязку. Почему-то она испытывала при этом непонятное волнение. В тот момент она подумала, что, наверное, это у нее из-за раны Даррела.

Наконец, все было готово и она смогла приступить непосредственно к самой процедуре. Она осторожно промыла рану и осушила ее салфеткой. Даррел с улыбкой наблюдал за нею. Она заметила его улыбку и укоризненно покачала головой:

- Вам смешно?

- Ани, да бросьте вы со мной возиться. Это обычная царапина.

- Вы забываете, что мы живем почти в походных условиях, - строго сказала она. - Не хватало нам еще заражения.

Ани взялась за самое главное. Она принялась обрабатывать рану лекарством. Даррел чуть поморщился от боли.

- Больно? Ну ничего-ничего, сейчас пройдет. Потерпите.

- До вас никто так не заботился обо мне, - серьезно сказал он.

Она подняла на него глаза и их взгляды встретились. Ани вдруг почувствовала сильнейшее волнение, как будто сейчас должно было произойти что-то очень серьезное и важное. Они несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Потом вдруг Даррел взял руки Ани в свои. Он тихонько привлек ее к себе, поцеловал ее волосы. Ани закрыла глаза, она не сопротивлялась. Наконец, губы Даррела коснулись ее губ. И теплая волна захлестнула ее, прервала дыхание.

Окончательно она пришла в себя и осознала, что произошло, уже в постели, в его объятиях. Она чувствовала себя совершенно счастливой. Без всяких оговорок и оглядок, как это бывало в редкие минуты идиллии с Юргом. В Даррелле она была уверена полностью. Ни единого раза он не дал ей случая усомниться в себе. Она знала, что если он позволил себе такой порыв, то только из-за искренних чувств к ней.

Она подняла голову и посмотрела на него. Он улыбнулся и привлек ее к себе. Она положила голову ему на плечо.

- Жаль, - вздохнула она. - Господи, как же мне жаль.

Даррел приподнял голову и обеспокоено взглянул на нее.

- Что?

- Жаль, что мы не встретились раньше.

- А-а-а… А я уж подумал, что ты жалеешь об этом.

- Что ты. Я даже и не знала, что так может быть. Так хорошо.

- И я.

- Правда? – счастливо выдохнула она.

- Серьезно.

Ани улыбнулась, он нежно поцеловал ее волосы. Они теснее прижались друг к другу.

Глава XXX. День благодарения

Они оба упивались свалившимся вдруг на них счастьем. Теперь им даже не помеха были те условия, в которых они оказались, потеряв свой привычный мир. Они не замечали многих неудобств, тревожных знамений, случавшихся на каждом шагу, они жили только друг другом. Но однажды произошло нечто, что вернуло их к реальности и заставило насторожиться.

День был как день, ничем не отличавшийся от многих других, пасмурный и суровый. Они позавтракали, выпили чая и Даррел, поцеловав Ани, отправился готовить топливо для камина. Он рубил ветви, которые теперь заготавливал сам, и складывал их в подвале. И вдруг проблеск тусклого света прошел по земле. Даррел удивленно поднял голову к небу. То, что он увидел, повергло его в смятение. Солнце, многократно увеличенное в размерах, тяжело висело на небе, по-прежнему затянутом хмарью. Даррел стоял и молча смотрел на него, не в силах отвести взгляд.

- Даррел!.. Даррел!.. – вдруг услышал он крик Ани и увидел ее.

Она бежала к нему без куртки в домашней одежде. На ее лице был ужас.

- Ани, ты что! Ты ведь простудишься! – воскликнул он, стараясь отвлечь ее.

Но было уже поздно. Ани так же, как и он минуту назад, бросала тревожные взгляды на небо.

- Даррел, что это? Что это такое? – вопрошала она, указывая на Солнце.

- О чем ты?

- Только не говори, что ты этого не заметил.

Он отвел взгляд.

- Ну, заметил. И что? Что такого особенного?

- А что, разве ничего особенного?

- Солнце выглянуло. И это хорошо.

- Ты заговариваешь мне зубы, Даррел, - укоризненно глядя на него, сказала Ани. - На самом деле, ты обеспокоен не меньше, чем я.

Даррел взял ее за руку и мягко сказал:

- Пойдем в дом. Ты простудишься.

- Но…

- Там поговорим.

Даррел вел Ани в дом, а она все время оборачивалась и смотрела на Солнце.

- Ты что-нибудь знаешь об этом? – тревожно спросила она его, когда он усадил ее на диван в гостиной. – Ты ведь знаешь, Даррел? Да?

- А ты? – вопросом на вопрос ответил он.

- Я ни о чем не имею ни малейшего представления, - в сильнейшем волнении заговорила она. - Только о том, что изменился климат. Я читал газеты каждое утро, но они писали только об этом. Даррел, я тебя умоляю, расскажи мне все, что ты знаешь. Не надо меня жалеть и оберегать. Я хочу узнать все, что тебе известно. Так будет лучше.

Он сел рядом с нею на диван и взял ее за руку.

- Хорошо-хорошо, не волнуйся, я расскажу. Но предупреждаю сразу, что это только слухи и домыслы. И я не поручусь за их правдивость.

- Ладно, понятно.

Он собрался с духом и сказал:

- Как-то мы задержали одного преступника, он убил своего шефа, главу какого-то концерна, они там вроде бы занимались космическими аппаратами. Так вот от него я и узнал эту информацию. Сама понимаешь, источник не очень надежный.

- Даррел! – она умоляюще смотрела на него.

- Да-да, я уже перехожу к главному. Так вот. Говорят, есть какие-то секретные данные о том, что Солнце вроде бы расширяется, оно превращается в карлик, кажется, в белый.

- Белый карлик? А что это такое? – со страхом спросила она.

- Я сам толком не знаю. Но как объяснил тот парень, от которого я это все узнал, от звезды остается только жалкая тень. Ни тепла, ни света.

Ани с напряженным лицом смотрела на него.

- Значит, это конец, - внешне спокойно сказала она.

- Да нет, совсем необязательно. Солнце может расширяться еще тысячу лет.

Ани печально покачала головой.

- Да, но мы не сможем долго протянуть без продуктов. И потом становится все холоднее.

Неожиданно в дверях появился Марк. Они не слышали, как он вошел в дом.

- Похоже, Ани права, Даррел. Видно, не стоит нам так уж сильно надеяться на нашу звезду. Извините, я невольно услышал то, о чем вы говорили.

Марк тяжело опустился в кресло.

- Вы тоже видели это? – спросила Марка Ани.

- Вы о Солнце? – уточнил он.

Ани кивнула.

- Да, я тоже обратил внимание на этот феномен.

- Значит, все-таки прав был тот преступник, - она посмотрела на Даррела и вздохнула.

- Да что там, каждый ведь из нас чувствовал неладное, - сказал Марк. – Мы должны были понять, что происходит что-то не то.

- Бог прогневался на людей, - убежденно сказала Ани.

- Это вряд ли, - сказал Марк.

- Люди большие грешники. Скоро придет страшный суд, - настаивала она.

- И это вряд ли. Ну, по крайней мере, не сейчас и не здесь. А то, что происходит, увы, закономерный акт эволюции.

- О чем это вы, Марк? Вам что-то известно? – спросил Даррел.

- Ну я не знаю, можно ли это считать информацией. Всего лишь немного философии. Но если задуматься, то древние мудрецы, похоже, не так уж были неправы. Еще многие века назад они предсказали, что наступит ночь для нашей планеты. И даже вроде бы рассчитали срок. И будет она так же длинна, каким был день.

- Ночь? – с ужасом сказала Ани.

- Да, все уснет. Весь мир уснет на долгие миллиарды лет и все живое исчезнет. А потом через миллиарды лет наступит новая заря, мир проснется и Творящий принцип начнет возрождение новой жизни.

- И что же, так без конца? – спросил изумленный Даррел.

- Нет, однажды пройдет век планеты, череда ночей и дней прекратится, и планета умрет. Как умирает человек. Умрет, и Творец разрушит ее, чтобы потом когда-то построить из ее частиц какую-то другую планету и новый мир на ней. Из старой материи

этой и других планетарных систем он построит много новых планет и новых миров.

Наступила гнетущая тишина. Каждый из них обдумывал то, что свалилось на них в этот день.

- Неужели эти новые люди тоже станут предавать Бога? – печально сказала Ани.

Марк пожал плечами.

- Может быть, они будут мудрее нас.

Даррел ободряюще сжал руку Ани.

- Но еще не ночь, друзья мои, а только сумерки. И нам надо жить. Поэтому предлагаю объединить наши ресурсы.

Даррел и Ани устремили на Марка вопросительные взгляды.

- Давайте-ка перебирайтесь в мой дом. Он больше приспособлен для жилья. Есть продукты. Да и генератор там посильнее вашего. Нам теперь нужна жесткая экономия всего и вся. Вот такие вот дела.

Даррел и Ани переглянулись, в ее глазах была растерянность. Нечего было удивляться тому, что Ани расстроили последние события, ведь она даже и не подозревала ни о чем подобном.

А вот Даррел, в общем-то, знал, что будет. Конечно, он надеялся, что, может быть, еще все обойдется. А вдруг это ошибка то, что говорили эти люди: Сэд Тирет, Пришедший. Один просто хотел выкрутиться из передряги, а другой был помешан на религии. Так неужели же можно верить всему, что они говорят. В конце концов, ради своих личных интересов человек готов на многое. Но такое допустить можно было бы лишь с большой натяжкой. Все-таки Тирет и Пришедший были совершенно разными людьми.

Этот день тянулся мучительно долго. Почти полдня Ани провела одна в своей комнате. Даррел не хотел ее беспокоить, полагая,

что в трудные минуты не надо дергать человека вопросами и разговорами. А это были именно такие минуты. Вряд ли что-то могло быть фатальнее их.

Ани спустилась в гостиную, где на диване в задумчивости сидел Даррел, только ближе к обеду. Он испытывающе взглянул на нее, стараясь угадать ее душевное состояние. Внешне она выглядела спокойной, глаза ее были сухими. Значит, она не плакала там у себя в комнате. Возможно, это было не очень хорошо. Нередко слезы помогают выплеснуть наружу беду. Хотя, если взглянуть глубоко, вряд ли таким способом можно было справиться с тем состоянием, в котором оказались они.

- Как ты себя чувствуешь? – насмелился спросить он.

- Я думала, - немного не впопад ответила она. – Думала над всем этим. Знаешь, всегда трудно, когда тебе сообщают трагическую весть. А тем более такую. Долго-долго ты жила и ни о чем не подозревала, где-то что-то происходило, назревало, а ты жила себе и жила. И думала, что так будет и дальше. И вдруг, как удар по голове или как гром среди ясного неба. И ты вдруг понимаешь, что была слепой все это время.

- Понимаю, на тебя столько всего свалилось за последнее время, - вздохнул Даррел, у которого стало немного легче на душе оттого, что Ани начала говорить.

- И я уже просто не представляю, чего мне ждать еще, - усмехнулась она.

- Ну теперь-то, наверное, уже полный комплект.

- Думаешь?

- Уверен. Только разве что до нас еще дойдут новости о катастрофе в какой-нибудь из соседних звездных систем.

Она грустно улыбнулась.

- Но это уже не произведет на меня особого впечатления.

- Ты не голодна? – неожиданно спросил он.

Она не сразу поняла, о чем это он, настолько странно сейчас прозвучал этот его простой житейский вопрос.

- А ты?

- Я спросил первым.

- Нет, я не смогу проглотить ни кусочка. Разве что чай?

- Точно, чай. Это именно то, что нам сейчас нужно. Он снимет наше напряжение.

Чай приготовил Даррел. Ани порывалась принять участие, но он ее остановил, сказав, что у нее сегодня был трудный день.

- А у тебя? – спросила она.

- Я не в счет, потому что уже кое-что об этом слышал. Можно сказать, готовился все это время.

Он поставил перед нею чай и розетку с джемом. Затем устроился напротив и взял в руки кружку с горячим чаем.

- А вот интересно, ты как себя ощущал тогда? Ну, когда услышал об этом впервые.

- Сначала я просто не поверил. Потом пораскинул мозгами и мне подумалось, что, в общем-то, это похоже на правду. Ну и тогда довольно паршиво стало на душе.

- Как думаешь, это случится уже скоро?

Даррел пристально взглянул на Ани, он опасался, что она вновь расстроится, но Ани спокойно пила чай.

- Мне кажется, такие вещи не происходят быстро.

- Да, наверное, - согласилась она. – И значит, у нас еще есть немного времени. Мне не хочется так быстро терять свое счастье.

Он застыл, услышав это.

- Я все потеряла, что имела, - продолжила она, - у меня ничего

не осталось из того, что было раньше. У меня нет даже своей одежды. Я нищая. Бог забрал у меня все, он разрушил весь мой привычный мир, но он дал мне то, чего у меня никогда не было и что может заменить многое. Он дал мне любовь. И теперь я очень боюсь ее потерять. Я не хочу ее терять.

Даррел растроганно слушал Ани.

- Ты и не потеряешь ее. С какой стати? – сказал он, беря Ани за руку. – Мы всегда будем вместе. Даже и там, куда попадают люди после смерти.

- Ты шутишь? После смерти ничего уже не будет, - грустно сказала она.

- Откуда ты знаешь?

Она пожала плечами.

- Вот скоро мы это и узнаем, - невесело пошутила она.

Они услышали, как стукнула входная дверь.

- Даррел, Ани, вы где? – послышался голос Марка.

- Мы здесь, - Даррел выглянул в коридор. – Идите сюда.

Он увидел Марка, в руках у него были две вместительные корзины.

- Что это у вас?

- Вы об этом? – Марк кивнул на корзины. – Это я принес вам.

- Хотите чая? – спросила Ани у Марка, когда он вошел в помещение для приготовления пищи.

Марк внимательно взглянул на них, видно, проверяя, не скисли ли они тут окончательно.

- Не откажусь, пожалуй, - сказал он, усаживаясь к столу. – Ну, как вы тут?

- Мы обсуждали последние новости, - сказал Даррел.

Ани налила Марку чая и положила в розетку джема.

- Спасибо, Ани. Вы, я вижу, неплохо держитесь, - удовлетворенно сказал он.

- А вы думали, мы уже в истерике, - улыбнулся Даррел.

- Ну, знаете, люди разные бывают. Не у всех сильная нервная система.

- А у вас как настроение? – поинтересовалась Ани.

- У меня? У меня нормально. Мне уже нечего терять в этой жизни. Ничего не осталось. Кроме меня самого. Но сам себе я уже порядком надоел. Жизнь совсем пуста и никчемна, когда ты один.

Наступило молчание. Марк вновь вспомнил о своем чае и взялся за кружку.

- Марк, а что такое вы принесли? – спросила Ани, чтобы отвлечь его от больной темы.

- Вы о корзинах?

- А это так называется? Я такое только на картинках видела в детских сказках.

- Ну а здесь они вот сохранились. А принес я их, чтобы перебазировать вас вместе с вашими вещами в мой дом.

- Вы все-таки решили не отказываться от этой идеи? – спросил Даррел.

- С чего бы это? Я не привык разбрасываться словами. Уж раз я сказал, значит, сказал. А вы даже и не думали собираться, я смотрю, чай спокойно сидите пьете. Видно, у вас прямо непробиваемая нервная система, ничем ее не пронять.

Ани и Даррел рассмеялись.

- Нет, ну вы не думайте, что мы уж совсем бесчувственные, - сказала Ани. – Мы расстроились и даже очень. Много обсуждали, горевали, а потом решили попить чая.

- Вот это по мне, - одобрил Марк, - не люблю, когда люди рас-

кисают. Это последнее дело. Ну так что там с вашими вещами?

- Ладно, Марк, дайте нам немного времени, - попросил Даррел.

- До вечера.

- Договорились. К вечеру мы будем у вас.

- Хорошо, комнату я вам уже приготовил. Думаю, вам там будет удобно.

До самого вечера они занимались сборами. Им казалось, что собирать особо нечего, потому что у Ани, к примеру, вообще не было личных вещей, но когда они приступили к делу, оказалось, что полезных вещей не так-то уж и мало. Человек за всю свою жизнь окружает себя множеством вещиц, которые упрощают его быт, и без которых он уже не может обойтись, даже если ему грозит катастрофа.

- Откуда столько набралось? – недоумевал Даррел, стоя над второй уже заполненной корзиной.

- Ты забыл, мы же опустошили весь твой дом, - со смехом сказала Ани.

- Ну то был настоящий отъезд, надо было запастись всем необходимым.

- Вот именно, Даррел, тогда мы не могли вернуться, но сейчас-то что нам может помешать прийти за чем-то нужным сюда.

- Ничего, - согласился он. – Но нужные вещи лучше всегда иметь под рукой.

- Всегда это теперь не для нас, - вздохнула она.

Ани отошла и села на диван.

- Знаешь, давай уже закончим эти сборы, - предложила она. – Я что-то устала. Наверное, потому что выдался такой день.

- Да, сегодня у нас был трудный день.

- Самый трудный день за всю мою жизнь, - задумчиво сказала она. – Хотя нет, это не правда. Самый трудный день был другой. Сейчас со мной ты, и одно это уже придает мне силы и оптимизма, а в тот день я была одна. Одна во мраке и холоде, без всякой надежды на спасение.

Она помрачнела и добавила:

- Недалеко отсюда.

Даррел опустился рядом с нею на диван и привлек ее к себе. Она прижалась к нему и закрыла глаза.

- А вот об этом вспоминать не надо, - тихо сказал он. – Это слишком тяжело.

- И страшно.

В доме Марка, когда они пришли, уже горело освещение и аппетитно пахло тушеным мясом. Он вышел им навстречу с полотенцем на плече.

- Ну давайте-давайте проходите, сейчас будем ужинать. Вещи пока оставьте здесь. Потом разберемся, что куда.

- Ой, да у вас прямо пир! – всплеснула руками Ани, когда они вошли в столовую и увидели по-настоящему сервированный стол с красивой посудой и блестящими столовыми приборами.

- А как же, - довольно улыбаясь, ответил Марк, - у нас сегодня новоселье. И это праздник. Будет мне теперь с кем поговорить, поужинать, да и выпить при желании.

- Марк, давайте я вам помогу, - предложила Ани, уже приготовившись завернуть рукава.

- Нет-нет, все уже готово. Я сейчас принесу. А вы пока что устраивайтесь поудобнее.

Марк вышел из столовой, а Ани и Даррел, весело переглядываясь, уселись за стол. Она с удовольствием осмотрела

его, потрогала столовые приборы, передвинула бокал, стоящий у тарелки.

- Красиво, - с наслаждением сказала она. – Надо же, прошло еще совсем мало времени, как я последний раз сидела за настоящим сервированным столом, а кажется, что прошла уже вечность, целая жизнь.

- Так и есть. Та наша жизнь осталась далеко позади.

Марк принес большое блюдо, от которого вместе с паром исходил чудесный аромат хорошо приготовленного мяса.

- Как пахнет, - с тихим восторгом сказала Ани.

- Это, друзья мои, настоящее мясное рагу с овощами, - торжественно произнес Марк, водружая блюдо на середину стола.

- С овощами? – переспросил Даррел. – У вас есть овощи?

- Кое-что есть, - ответил Марк, он разлил вино по бокалам. - Теперь уже, конечно, все меньше. Но еще хранятся в моем погребе картошечка, морковь, имеется капуста и даже баклажаны.

- Ого! – удивилась Ани.

- Ну ладно, разговорами сыт не будешь. Прошу вас угощайтесь. Ваше здоровье!

Они пригубили вино и принялись за рагу.

- М-м-м, вкусно, - с наслаждением сказала Ани.

- Да, - поддержал ее Даррел. – И вино отличное.

Марк кивнул головой.

- Я держу в погребе несколько бутылочек для особых случаев. Для меня это дни рождения моих родных и день их памяти. Ну и сегодня вот пригодилось.

- Сегодня тоже особый случай, - с грустной улыбкой сказала Ани.

- Да, именно такой. Сегодня в этом доме появились новые

жители. Это здорово.

Ани отложила вилку и опустила глаза.

- Что ты, Ани? – спросил. – Что с тобой?

- Вспомнилось опять это все. Ужас. Да?

- Ничего, может, еще и обойдется, - сказал Марк.

- Да что вы, - махнула рукой Ани.

- Один мудрый человек сказал, что бы ни случилось, не теряйте веры, - вступил в разговор Даррел. – Так что будем верить.

- А во что мы будем верить? – спросила Ани.

- Не знаю, - пожал плечами Даррел, - мало ли во что можно верить. Например, некоторые люди верят в Бога.

- Это правильно, - согласился Марк. – Но еще надо верить в себя и свои силы. Без этого никак. Бог может нам помочь только нашими руками, говаривали в старину.

- А еще надо верить в доброту и милосердие.

- Ну правильно, это тоже категории высшего порядка, значит, они от Бога, - поддержал Ани Даррел. – Ну если он, конечно, существует.

- Это утверждение несколько далековато от веры, - шутливо заметил Марк. – Вам не кажется, Даррел?

Ани смотрела на них задумчивым взглядом. Неожиданно она взяла бокал с вином и встала из-за стола.

- Я хочу кое-что сказать. В моей жизни было несколько людей, которым я многим обязана. Это, в первую очередь, мои родители Филипп и Дария Бине, затем мой наставник господин Селистер, потом чуть позже мои коллеги по архитектурному агентству. Я много времени провела среди этих людей и ни разу не столкнулась ни с подлостью, ни с жестокостью, ни с ложью. Но вот однажды я все-таки встретилась с этим лицом к лицу. Эта встреча едва не

стоила мне жизни. Я получила удар от человека, который назывался моим мужем. Жажда денег моего отца затмила ему остатки разума и он решился меня убить. Наверное, мне бы следовало разочароваться во всем мире и всех без разбора людях. Да так оно и было, в общем-то. Но, к счастью, как оказалось, добро никогда не покидало меня, а зло оно было лишь эпизодом, - Ани потерла лоб, соображая, что же она собирались сказать еще. - Извините, я немного потеряла свою мысль. Да, так вот. Я хочу назвать еще имена людей, которым я многим обязана. Это ты, Даррел, и вы, Марк. Каждый из вас сыграл в моей жизни свою роль, но в этих ролях есть кое-что общего. А общее то, что вы подарили мне почти утраченную мной веру в настоящую любовь, доброту и милосердие. Я хочу выпить за вас обоих. За тебя, Даррел! За вас, Марк!

Даррел и Марк, сжимая свои бокалы, печально смотрели на Ани. Они не перебивали ее, потому что эта речь не нуждалась в каких-то комментариях и вставках. Эти слова произносил человек, который на собственном опыте узнал их нелегкую цену. Ани выпила вино до дна. Они последовали ее примеру.

Глава XXXI. Паника в Средиземноморье

Та жизнь, которую они поддерживали теперь в Средиземноморье ценою огромных усилий, конечно, была бесконечно далека от того, к чему привык каждый из них. У каждого жителя Средиземноморья было много, очень много благ, которые воспринимались ими, как что-то само собой разумеющееся. Просторные жилые площади, индивидуальный транспорт, налаженный быт с множеством разной техники и биороботами практически в каждом доме, все это в их понятии была данность от века и до века. Они имели немало времени, чтобы посвятить его не только работе, но и личному развитию. В мегаполисе действовала целая сеть театров, залов просмотра, выставочных комплексов, концертных залов. Выбор широк и свободен для каждого. И вот они в один день, да что там день, в считанные часы, лишились всего, чем владели с гордостью и достоинством. Теперь они должны были забыть о своей цивилизации, о своей прежней жизни и начать существование в некоем общественном помещении, на виду у посторонних людей.

Постепенно в эвакопунктах становилось все многолюднее. Все выжившие в стихийном бедствии жители мегаполиса, кто не смог перебраться поближе к родственникам куда-нибудь в соседние государства, вынуждены были прийти в эти общественные дома. Здесь не было ни комфорта, ни уюта, но, по крайней мере, здесь было тепло и светло, а кроме того, здесь было питание. А в

их нынешней ситуации это уже немало.

Каждый день Юта Кале начинался со встречи с уполномоченным по продовольствию. Тот приходил не с пустыми руками, он приносил электронный планшет, на экране которого Кале мог видеть множество таблиц и другой информации. У него каждый день уходило немало времени, чтобы в деталях разобраться в этой постоянно меняющейся картине. Но прежде, чем приступить к статистике, уполномоченный коротко докладывал о текущей ситуации. Кале чутко вслушивался в слова и интонации чиновника, и уже по первым фразам у правителя Средиземноморья сразу же складывалось определенное впечатление.

- Господин Кале, за вчерашний день с учетом ежедневного распределения продуктов в эвакопункты мегаполиса наши резервы уменьшились всего лишь на доли процента, и пополнение запасов пока еще идет, - пока уполномоченный говорил примерно одно и то же.

Он облегченно вздыхал, пока все было более или менее нормально. Ну, если так вообще можно было сказать об их положении, в целом просто катастрофическом.

Пока что их главной задачей на будущее, которую наметил он вместе со своими помощниками, было воспроизведение продуктов. Правда, для начала только овощей. Если бы они смогли получить первый урожай и наладить процесс еще в нескольких закрытых грунтах, что удалось отыскать в разрушенном ураганом Средиземноморье, это уже было бы для них огромной удачей. Но пока было неясно, смогут ли они это.

- Господин Кале, семена огурцов и клубни картофеля мы доставили сегодня в эвакопункт доктора Борея, - доложил Дорель, спустя несколько дней после их разведывательной поездки.

- Отлично, - обрадовался Кале. – Ну и что, как там обстановка?

- Обстановка? Да, в общем, нормально все. Люди вроде бы оптимистично настроены, радуются, что у них теперь есть дело.

- А грунт уже подготовили? Кто этим занимается?

- Доктор Борей организовал людей, нашлись даже какие-то специалисты из этой отрасли. Так что там все под контролем.

- А когда они высадят семена?

- Возможно, уже к вечеру. Они настроены решительно. Доктор Борей обещал нас держать в курсе.

- Очень хорошо. На доктора Борея можно положиться, - удовлетворенно сказал Кале. – Но надо ему и помочь, если что.

- Конечно. Мы договорились с ним, что будем работать в тесном контакте.

- Это правильно. Порадовали вы меня, Артур.

- Но, как вы понимаете, мы не можем слишком-то уж полагаться на это. Неизвестно еще, вырастут ли овощи в таких условиях.

- Ну растут же они в закрытых грунтах, - возразил Кале. – Уже не один год растут. И ничего, растут. Овощи все это время, как пришло похолодание, не выходили из нашего рациона.

- Да, но это были специализированные площадки, там создавались условия, максимально приближенные к природным. Да и, кроме того, там работали специалисты.

- Ну будет вам, Артур, не лишайте меня и себя надежды. Давайте завтра отправимся туда, посмотрим, как там идут дела.

- В какое время дня?

- Да прямо с утра, сразу после утренних докладов.

- Хорошо. Я подготовлю мобиле.

Однако Ют Кале и представить себе не мог, какую сумятицу

принесет им предстоящий день, насколько он изменит их планы и исказит настроения людей. А плачевное настроение почти всех обитателей эвакопунктов было в числе наиглавнейших их проблем. Оно оставалось их слабым звеном.

День не предвещал ничего необычного. Он проснулся в нормальном рабочем настроении, поднялся с постели, убрал в шкаф белье и отправился умываться. Возвращаясь из ванной, он по привычке выглянул в окно. Его немного удивил вид неба. Обычно оно было от края и до края затянуто плотной серой пеленой, но сегодня неожиданно небо разъяснилось, и впервые за долгое время он увидел кустистые облака. И вдруг ему почудился проблеск света. Он взглянул на небо, но солнца так и не увидел. Он уже успел забыть, что в это время суток его не увидеть из окна кабинета, солнце заглядывало к нему только после полудня. Но Кале не терпелось его увидеть после столького времени хмари, и он бросился прочь из кабинета.

Он увидел Солнце из окна своей приемной и от того, что он увидел, у него все похолодело внутри. Он отказывался верить своим глазам. Это было не Солнце, это было что-то другое. Оно расширилось настолько, что, казалось, занимало собой полнеба. Кале стоял и смотрел на это явление, не в силах оторвать взгляд. Ему казалось, что все это он видит во сне. Ну или, по крайней мере, в каком-нибудь фантастическом фильме.

В холле послышались чьи-то торопливые шаги и в приемную ворвался взволнованный Дорель.

- Вы тоже видели это? – спросил он.

- Любуюсь, - сказал Кале. – Не правда ли, чудесная картина?

- Господин Кале, вы можете сейчас шутить? – изумился Дорель.

Кале вздохнул, отводя, наконец, взгляд от картины за окном.

- А я уже не знаю, что я могу, а что не могу. Вернее, у меня такое ощущение, что я уже ничего не могу. Сваливаются все новые и новые беды. Да еще какие! Вот с этим, например, - Кале махнул рукой в сторону окна, - что вообще можно мочь? Что со всем этим прикажете делать? И едва ли не самое плохое, это то, что сейчас поднимется паника. И как мы будем уговаривать людей, я не представляю. Что мы можем им сказать? Я не знаю. Просто не знаю.

- Может быть, не все увидят, - неуверенно произнес Дорель.

- Возможно. Я тоже так сначала подумал. Но потом мне пришла в голову иная мысль. Нам это не поможет, сколько бы ни увидело людей. Те, кто увидел, станут рассказывать всем остальным. А слухи распространятся так быстро, что мы даже не успеем выйти из этой комнаты.

Дорель кивнул головой и устало опустился в кресло. Потом поднялся вновь, постоял, что-то соображая, возможно, какая-то мысль зрела в его голове, потом он отошел к окну и решительно повернулся к Кале.

- И все-таки надо что-то делать, господин Кале. Надо что-то придумать.

- Да что тут придумаешь, - махнул рукой Кале.

- Надо поговорить с людьми, - настаивал Дорель, - постараться им объяснить.

- А что мы им скажем? Что все пропало, что всем нам осталось нам немного? Но они ведь и сами это сегодня увидели. Поднимется паника. Да что там, наверное, она уже поднялась. И никакими словам здесь уже не поможешь.

- Господин Кале, но вы не можете оставаться в стороне, ведь вы правитель этого государства.

- Да знаю я, знаю. Беда в том, что мне нечего им сказать. Я также как и мои соотечественники не готов ко всей этой чертовщине. При всем притом, что я-то знал об этом. А что говорить о них, которые только сегодня получили этот сюрприз.

Кале обреченно махнул рукой и переступил порог своего кабинета. Настырный Дорель последовал за ним. Да, от Артура не так-то просто отвязаться, подумал он. А ему бы сейчас всего-то и надо было, так это побыть наедине с собой.

Он хотел понять, что ему делать, как все это уложить в голове и продолжать жить с этим, жить, пока не наступит конец. Тот самый пресловутый конец, к которому они оказались совсем не готовы.

Кале сел в кресло к своему рабочему столу. Он просто сидел, ничего не делая, устремив взгляд в пространство. И все-таки нельзя было сказать, что он совсем ничего не делал. Внутри него шла напряженная работа, он теперь за короткое время старался распределить по своим местам все эти мысли, ощущения, непонятности внутри себя самого, которые так и не осознал до сих пор.

Дорель постоял посреди рабочего кабинета правителя Средиземноморья, растерянно глядя на отсутствующего Кале. Затем он резко повернулся и устремился к выходу, бросив на бегу:

- Я сейчас, господин Кале. Я скоро вернусь.

Он проводил своего помощника пустым взглядом. Ему было не до того. Он хотел уяснить для себя, что же ему не хватает, чтобы до конца принять все, что свалилось на него. Почему он не находит внутри себя никакой точки опоры? И как должна она выглядеть эта точка опоры, если он вздумает ее искать? Этого он не знал. В обычной суете он откладывал на потом осознание того, что наступает финал их земного существования. Должно быть, даже узнав

из прямых компетентных источников о том, что же происходит в природе и окружающем мире, он все равно надеялся на благоприятный исход, надеялся на чудо. Просто он не мог поверить, что придет такое время, и оно уже недалеко, когда не останется ничего от их земного дома, не станет и их самих. Это было невероятным, в это очень сложно было поверить.

Но теперь, когда он это увидел практически своими глазами, он вынужден был верить. И он поверил. Только вот он не знал, не представлял, как со всем этим он будет жить, как он станет выполнять свои обязанности, как будет смотреть людям в глаза, что говорить. У него не было сил на все это. Тихо и незаметно пришла апатия, она вытеснила многие его устремления, показав их бесполезность. И действительно, к чему бороться, если исход уже предрешен?

В дверь негромко постучали.

- Господин Кале, вы здесь?

Это был отец Егереон. Кале почувствовал досаду, не иначе это Дорель привез сюда святого отца. С того станется. И сейчас он начнет читать ему проповеди, которые ему не нужны. Ему совсем не это нужно, как же они этого не поймут. Он хочет побыть сам с собою. Он не хочет, чтобы его беспокоили в такой момент. Но что он мог? Святой отец уже был на пороге его кабинета.

- Да, я здесь, - через силу ответил Кале. – Входите, пожалуйста, святой отец. Прошу вас.

Он вел себя, как обычно, традиционные слова слетали с его губ, но если бы они все знали, какая пустота была внутри него, какая усталость.

- Господин Кале, я здесь, чтобы поговорить с вами о последних событиях.

- Да, я понял. Вас пригласил господин Дорель? - поинтересовался Кале.

- Я встретил господина Дореля в эвакопункте, он действительно прилетел меня пригласить к вам, но я уже и сам собирался к вам.

- Вы были в эвакопункте?

Отец Егереон кивнул головой.

- Точнее, в эвакопунктах. С самого утра.

- И как там обстановка?

- Обстановка тяжелая, людям нужна помощь, они в отчаянии.

- Вы прибыли предложить мне туда отправиться? – спросил Кале.

- Я полагаю, вам придется так поступить, - спокойно глядя Юту Кале в глаза, сказал святой отец. – Вам надо будет себя преодолеть, вам надо собраться и решиться выйти к людям.

Кале вдруг почувствовал угрызения совести. Он устыдился собственной слабости.

- Вы правы, святой отец, - сказал Кале, - но сейчас я не чувствую себя способным на это.

Святой отец опустил глаза и заговорил:

- Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшится? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться.

Кале удивленно смотрел на отца Егереона.

- Это не мои слова, так сказано в святых книгах, - промолвил отец Егереон, немного помолчав. – Я, бывая в этом кабинете, рас-

сказывал вам о своих посещениях эвакопунктов. Я говорил вам о том, что люди растеряны, они замкнуты и не хотят никаких бесед. Сейчас и с вами происходит то же самое. Это чувство растерянности испытывают люди, в душе которых нет веры, в их сердце нет Бога. Они боятся, они в смятении.

- Почему такое происходит, святой отец? – смиренно спросил Кале.

- Разумею, что причин тому множество. Но основная в том, что люди эти жили только внешним, они не стремились заглянуть в себя, понять, какими их создал Творец, где их место в этом мире, почему оно именно там, а не где-то еще. Эти люди, как биороботы, они не знают себя, не допускают, что есть силы, которые выше их. А если они их не допускают, не верят, значит, они не уповают на них. В час опасности они чувствуют себя беззащитными и бесконечно одинокими. Они боятся смерти, боятся конечности своего земного пути, который представлялся им полностью подчиненным им. И теперь, когда проявляются другие, неведомые им силы, беспомощные люди чувствуют, как все больше погружаются в хаос вместе со своим материальным миром.

Кале ошеломленно слушал святого отца и ему казалось, что пелена постепенно начинает спадать с его глаз. И хотя душа его по-прежнему была в волнении, потому что не уразумел он еще в словах отца Егереона чего-то важного для себя, но, тем не менее, он чувствовал какое-то необъяснимое облегчение, как будто ему принесли некую благую весть.

- И все-таки как же быть всем нам в такое трудное время? – спросил он. – Ведь нет надежды. Мы все погибнем.

- Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше, все надеющиеся на Господа! – возвысил голос святой отец. – Надо надеяться

и верить. Вручите свои жизни Господу нашему Иисусу Христу и во всем положитесь на него. Верьте, ибо по вере вашей дано вам будет. На все воля Божья.

Они помолчали.

- Вы говорили об этом и другим?

- Говорил, но, мне чудится, они меня так и не услышали. А теперь и вовсе паника охватила их. Вы нужны своим людям, господин Кале. Если они увидят вас, своего лидера, спокойным и не потерявшим голову, образумятся постепенно и они.

Кале усмехнулся:

- Хорош лидер, ничего не скажешь.

- Это временное ваше затруднение, - убежденно сказал отец Егереон. – Вы справитесь, ибо вы в ответе за людей своих.

- Но что могу я? – воскликнул Кале. – Чем я могу им помочь, если все равно они умрут? Мы все умрем. Мы обречены.

- Никому из нас неведомо, умереть нам или жить суждено. Даже и из такого плачевного состояния может найтись с Божьей помощью какой-то путь. А уж коли все-таки смерть нас ждет, то надо принять ее достойно, ведь в нас искра Божья, мы отмечены светом Творца. Умереть можно по-разному, погрузившись во мглу и хаос или уйти светло и достойно.

- Смерть – это тоже мгла.

- Смерть – это начало новой жизни, - строго сказал отец Егереон. - И наша с вами задача помочь людям избежать хаоса и, прежде всего, внутри самих себя. Готовы ли вы быть примером и образчиком в этом для своих соотечественников?

Кале задумался, он по-прежнему не верил в свои силы.

- Вы все еще в смятении, - с горечью сказал святой отец.

- Да, это так, - согласился он. – Но я знаю, что у меня нет дру-

гого пути, уж коль я избран на пост правителя Средиземноморья, мне нельзя отсидеться в своей резиденции. Вы совершенно правы. Но во мне не очень много сил для решения этой задачи. Вы совершенно правильно заметили, мы, как биороботы, не знаем себя, да и вообще мы мало что знаем о мире, где живем. Мы, как неразумные малые дети. Мы полагались на свою цивилизацию, она устроила для нас теплые и удобные очаги, она нас поила и кормила, и нам не о чем было особо беспокоиться. Да, в нас мало веры в Бога, потому что ее нам заменяла вера в технических прогресс, в его могущество и огромные возможности. И теперь, когда ничего этого у нас уже нет, совершенно верно, мы беспомощны, как младенцы. Вы спросили меня, готов ли я по-настоящему встать во главе своего народа. Я готов. Теперь готов после разговора с вами. Но я еще очень слаб, мне нужна ваша помощь, ваши знания. Готовы ли вы, святой отец, стать для меня пастырем?

- Готов, - не задумываясь, ответил отец Егереон.

- Хорошо, - вздохнул с облегчением Кале. – И еще кое-что меня интересует.

- Спрашивайте, я отвечу на все ваши вопросы.

- Сегодня непростой денек выдался для нас. Вы были в эвакопунктах уже после того, как показалось наше новое солнышко. Скажите, как именно проявляют себя люди.

Тень печали легла на лицо святого отца.

- По-разному. Кто плачет, кто ушел в себя, а есть и такие, кто впал в истерику. Им сейчас очень и очень трудно.

Кале кивнул головой.

- Я их отлично понимаю. Это сегодняшнее зрелище, оно вообще не для слабонервных.

Ют Кале решительно встал из-за стола.

- Думаю, нам пора, отец Егереон, - решительно сказал он. – Мы и так потеряли много времени. Едемте, нам нельзя допустить, чтобы паника охватила всех. Надо что-то с этим делать. Едемте, святой отец.

Святой отец несколько мгновений удивленно смотрел на правителя Средиземноморья, затем он поднялся и сказал:

- Теперь мое сердце спокойно за вас, сын мой. Едемте. Я готов.

Глава XXXII. Наедине с бедой

Прошло несколько месяцев после того, как они с Даррелом переселились в дом Марка. Они легко вошли в этот дом, и им было уютно в его непринужденной атмосфере. Марк оказался интересным собеседником и радушным хозяином. Он принял их в свой дом, как близких людей, и ни разу между ними не случилось никакой размолвки.

Едва ли не с первого дня, когда Ани и Даррел стали жить в доме Марка, они обговорили самый важный для них вопрос – вопрос распределения продуктов. Даррел и Марк собрали все продукты до единой крошки из их прежнего дома. Они распределили все это в кладовой Марка и составили перечень всего продовольствия. Список получился довольно внушительным.

- Запасы у нас неплохие, - с удовлетворением отметил Марк, - есть мясо, консервы, крупы, овощи даже есть, и в особенности, картофель. Да, еще есть мука, можем иногда печь пресные лепешки.

- Но этого все равно не хватит надолго, - грустно сказала Ани.

- Да, это так, - поддержал ее Даррел.

- Не буду спорить, - согласился Марк. – Этого бы хватило на несколько лет, если бы мы могли пополнять наши запасы, хотя бы понемногу, но такой возможности у нас нет. Поэтому придется обходиться тем, что есть.

Ани почувствовала, как страх в ее сердце зашевелился вновь. Она вдруг представила, как постепенно пустеют контейнеры в хранилище Марка, и вот наступает день, когда ничего уже не оста-

ется там. Что же тогда они будут делать? Чем они будут питаться? Неужели их ждет голодная смерть? На мгновение ей стало по-настоящему жутко, но она усилием воли отстранилась от этих мыслей, она их прогнала.

- Ничего, будем экономить, - сказал Даррел, испытывающе взглянув на Ани, она согласно кивнула головой в ответ.

- Хорошая мысль, - поддержал Даррела Марк. – У меня есть кое-какие соображения. Предлагаю перейти на ограниченное питание.

- Как это? – спросила она.

- Ну, например, ограничим завтраки и обеды, а ужин пока оставим в более или менее разумных пределах. А потом посмотрим, как быть дальше.

Так они и сделали. Марк очень любил готовить, и потому он с удовольствием взялся готовить ужины. Они наедались лишь за ужином, ведь Марк почти всегда отдавал предпочтение мясу. В остальное время дня им приходилось довольствоваться самым малым. На завтрак они ограничивались лишь чаем с джемом. Обед тоже был не слишком-то обильным: какая-нибудь каша с растительным маслом или немного тушеного картофеля. Вот и все, что они могли себе позволить.

И все-таки, если вспомнить, как они жили в мегаполисе в последнее время, это было относительно нормальное существование. По крайней мере, у них была еда, свет и немного тепла. Мощности генератора они тоже экономили, и потому воздух подогревали чуть-чуть, да и то не во всех помещениях и не весь день, а только к ночи. Вскоре обитаемыми стали только те комнаты, где были какие-то источники тепла. А так как и ветки, заготовленные мужчинами, тоже надо было экономить, то все свое время они

проводили в столовой - единственной комнате, где горел камин, и в помещении, где готовилась пища на горячей плите. Это стали самые теплые комнаты дома. К ночи Даррел протапливал камины в спальне Марка и в их спальне, но к утру тепло выветривалось и им приходилось подниматься, дрожа от холода.

Наблюдая за течением их жизни, Ани отмечала, что, в общем-то, худо-бедно, но они приспособились к новым условиям. И в ее душе появилась крохотная искорка надежды, что, быть может, они здесь надолго. Но вскоре случилось еще одно событие, которое показало, что добра им от своей планеты ждать уже не стоит.

Как-то утром, когда они уже собирались подняться с постели, в дверь их спальни постучал Марк. Они тревожно переглянулись, раньше он так никогда не делал.

- Ани, Даррел, вставайте, - раздался голос Марка, - есть новости.

- Хорошие? – с надеждой спросила она.

- Да как вам сказать, - неопределенно ответил он. – Увидите сами.

Впрочем, далеко ходить им не пришлось, они увидели новости, еще не выходя из спальни. Их окно с видом на горы было сплошь затянуто ледяными узорами, да так, что привычный пейзаж, маячивший каждый день, оказался полностью закрытым. Ани застыла от неожиданности.

- Черт, а это еще что такое? – воскликнул Даррел.

- Наверное, это и есть настоящий холод, - печально предположила Ани.

Даррел бросился вниз. Ани поспешила следом. Теперь она знала точно, что сюрпризы их не покинут. И они не заскучают от

однообразия своего уединенного существования.

Он распахнул входную дверь и на них повеяло ледяным дыханием. Дул холодный порывистый ветер. Все окрестности были засыпаны толстым слоем снега. Ани сощурила глаза от его ослепительной белизны. Марк стоял неподалеку, он смотрел задумчивым взглядом куда-то вдаль.

- Ну что скажете, Марк? – немного спросил его Даррел. – Что будем делать со всем этим?

- А что с этим можно сделать? – неохотно отозвался он. – В камин не сложишь и огонь не разведешь. Это сожрет все наше топливо.

- И снег, похоже, уже не растает, - заметила Ани.

- Да куда там, - махнул рукой Марк. – Тепла уже не будет.

- Одна надежда на генератор, - сказал Даррел.

- Ну да, пока он еще тянет, - согласился Марк. – Можно если что еще и из того дома принести ему на смену.

Даррел молча кивнул. Говорить никому не хотелось, все чувствовали усталость разочарование.

Прошло еще некоторое время и они стали замечать за Марком неладное. Он немного побледнел и осунулся, а взгляд его потух.

- Марк, вам нездоровится? – с тревогой спросила его Ани.

- Пустяки, так легкое недомогание, - ответил он. – Возраст, ничего не поделаешь.

- Вам надо отдохнуть, - сказал Даррел. – Мы с Ани возьмем на себя приготовление пищи. А вы передохните, расслабьтесь.

- Хорошо, наверное, вы правы. Я и, правда, немного устал, - согласился Марк.

Видимо, ему и впрямь было по-настоящему тяжело, потому что он почти сразу отошел от дел. Теперь Марк больше времени

проводил в своей комнате, листал старые журналы, просматривал какие-то альбомы или просто сидел, наблюдая за огнем в камине. Он спускался ненадолго вниз, чтобы поесть, и вновь уходил в свою комнату.

Ани и Даррел не оставляли его без внимания, они заходили к нему, пытались разговорить. Они думали, что он просто упал духом. Но скоро они узнали, что это не так. Оказалось, что Марк был серьезно болен и нуждался в лечении.

В тот день они с Даррелом приготовили ужин раньше обычного времени, и Ани пошла предупредить Марка о том, чтобы он спустился к столу. Она постучала в его дверь, но никто не ответил.

- Марк, можно к вам? – спросила она.

Ответом ей было молчание.

Она толкнула дверь и вошла в комнату. Марк неподвижно сидел в кресле у камина, его голова была откинута на спинку, глаза закрыты.

- Марк, - позвала она его, он не шевелился.

Она бросилась к нему, схватила за руку, затормошила его. Он не двигался. Ани кинулась к двери, выбежала на лестницу и закричала:

- Даррел!.. Даррел!.. Скорее Марку плохо!..

И снова кинулась обратно в комнату. Сердце ее испуганно колотилось в груди.

- Что такое? Что случилось? – услышала она взволнованный голос Даррела.

- Я не знаю… Я пришла, а он…

Ани нервно сжимала руки.

- Ты пульс проверяла?

- Н-нет…

Даррел приложил руку к пульсу на шее Марка.

- Так, он жив. Теперь надо привести его в чувство.

- А как?

- Помоги мне. Бери его за ноги.

- Зачем? – испуганно спросила она.

- Надо положить его на пол. Быстрее, Ани.

Совместными усилиями они уложили Марка на пол у кресла. Ани суетилась вокруг, не зная, что ей делать. Даррел торопливыми движениями засучил рукава своего свитера, готовясь к трудной работе. Он наклонился над Марком, приоткрыл руками его рот, припал к нему губами и стал гнать воздух из своих легких. Потом он остановился и несколько раз с усилием обеими руками нажал на грудную клетку Марка с той стороны, где было сердце.

- Ну что там? – тревожно спросила Ани.

- Пока ничего. Надо повторить.

И снова он проделал все по той же схеме. Они, затаив дыхание, ждали, что же принесут его попытки на этот раз. Ани чувствовала, как испуганно стучало сердце в ее груди. Даррел склонился вновь над Марком, но в этот момент тот открыл глаза. Он посмотрел вокруг мутным взглядом и поморщился от боли.

- Ну и напугали вы нас, Марк! - всплеснула руками Ани.

- Что случилось с вами? – спросил Даррел. – Сердце прихватило?

Марк кивнул головой.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Ани.

- Не очень, - ответил он слабым голосом.

Ани испуганно посмотрела на Даррела.

- Что же делать?

- Ани, спокойно, не волнуйся. Так, нужны лекарства. У вас,

Марк, есть сердечные препараты?

- Кое-что… Там в шкафу…

Они нашли лекарства, и Марку стало немного легче. Они помогли ему подняться и устроили его в постели. Он уснул. В ту ночь они так и не отошли от него. Утром Марк почувствовал себя чуть получше и они вздохнули с облегчением. Но, конечно, они понимали, что болезнь никуда не ушла, она затаилась.

Теперь Марк почти не выходил из комнаты. В последнее время Ани все чаще находила его в постели. Ему явно не здоровилось, он был бледен и неразговорчив.

В тот день она, как обычно, принесла ему чай и лекарства. Марк встретил ее слабой улыбкой. Ее сердце разрывалось от жалости, глядя на него.

- Как вы сегодня? – спросила она, усаживаясь на краешек постели.

- Мне уже лучше, - как можно бодрее ответил он.

Она кивнула головой, хотя не верила ему, она знала, что он просто не хочет ее расстраивать. Он приподнялся в постели и осторожно взял в руки кружку с горячим чаем.

- Где Даррел? – спросил он.

- Он готовит топливо в подвале. Еще лекарство, Марк, - напомнила она и протянула ему пилюли, он, как ей показалось, принял их неохотно.

- Жаль, что я не могу ему помочь. Все лежу и лежу. Совсем расклеился.

- Ничего, он справится, а вам надо поберечь свое сердце.

- Успе-е-ею еще, - со странной усмешкой ответил он.

Они помолчали. Марк пил чай, так и не вспомнив о таблетках.

- Ани, ты иди, не беспокойся за меня. Иди. У тебя и так много

разных дел.

Она собралась было возразить, думая, что он скромничает, не хочет беспокоить ее и отвлекать от домашней работы, но потом она решила, что, возможно, ему нужно одиночество, чтобы вспомнить кого-то из дорогих ему людей или просто привести свои мысли в порядок.

- Ладно, только не забудьте принять лекарство, Марк.

- О, нет, я не забуду.

Неизвестно от чего на сердце у Ани вдруг стало тяжело, но она ничем не выдала своего беспокойства. Она ободряюще улыбнулась Марку и направилась к двери. На пороге Ани обернулась и бросила на него еще один взгляд. Марк грустно смотрел ей вслед.

Продрогший Даррел вошел в помещение для приготовления пищи, когда Ани задумчиво смотрела на замерзшее окно. Он скинул куртку и протянул к неостывшей еще плите замерзшие руки.

- Ух, холодно, - сказал он.

- Сейчас я приготовлю тебе чай. И ты согреешься.

Она достала из шкафа посуду. Даррел вопросительно смотрел на нее.

- Ты чем-то расстроена, дорогая? Что случилось? – тревожно спросил он.

Она поставила кружку на стол и села напротив Даррела.

- Меня беспокоит Марк.

- А что такое? – насторожился он.

- У него неважный вид.

- Да, с сердцем шутки плохи.

- Плохо то, что он совсем не борется с болезнью.

Даррел удивленно посмотрел на нее.

- С чего ты это взяла?

- Это видно. А ты разве не заметил?

- Ну он действительно немного вялый и бледный, но это же сердце. Так что все это очень серьезно.

- Дело не в этом. Я думаю, он хочет уйти.

Он пил чай и размышлял над ее словами.

- Может быть, ты и права. Наверное, у него не осталось причин, чтобы жить.

Ани бросила внимательный взгляд на Даррела.

- А у нас? У нас они есть эти причины?

Даррел молча кивнул головой. Ани грустно опустила голову, ей вновь вспомнилось все, что висит над ними каждый день и час. Даррел уловил ее настроение, он подошел в ней и сел перед нею на корточки.

- Ну что ты? Что? – он взял ее руки в свои.

- Знаешь, мне иногда делается так страшно. Мы как будто одни в целом мире. Одни в этом погибающем мире. Может, уже и, правда, нет никого.

- Да что нам другие? Какая забота нам о других? Мы и так не одни. Не считая Марка, с нами Бог и наша любовь. А это уже целая компания.

Легкая улыбка тронула ее губы. Она ласково коснулась рукой его щеки.

- Спасибо тебе за все, – тихо сказала она. - За то, что ты вытащил тогда меня тогда и я узнала другую жизнь. Ты не дал мне сойти с ума от всего этого ужаса, что свалился на меня в одночасье. Спасибо тебе, что пусть и поздно, почти у края жизни, но я узнала, что может все-таки встретиться под этим небом доброе и искреннее сердце, отзывчивая душа. Что не всё гадко и грязно, не всё замарано пошлостью и похотью.

Ани говорила спокойно, словно и не о себе. Но он обеспокоился, что тяжелые воспоминания расстроят ее.

- Тише, тише, – прошептал Даррелл, гладя Ани по голове. – Не надо вспоминать о плохом. Это ни к чему.

Они помолчали. Но вскоре она заговорила вновь.

- Иногда я задаю себе вопрос, почему это должно произойти именно сейчас?.. Почему именно мы?.. Мы и никто другой?..

- Ну кто-то ведь должен был оказаться на этом месте, - усмехнулся Даррел. – И это выпало нам.

- Представляешь, как бы мы здорово зажили с тобой, - продолжила свою мысль она, - если бы мы встретились раньше. Ну пусть бы случилось это хотя бы на несколько лет раньше. Да что там лет, хотя бы на несколько месяцев раньше. И это уже было бы великое счастье.

- А это и так счастье.

- Да, точно, но оно только наше.

- А ты еще хотела с кем-то его разделить? – улыбнулся Даррел.

- Да, со своими родителями, - серьезно сказала она. – Мне больно, что они ушли, так и не узнав, что их дочь счастлива, что она, как оказалась, не такая уж уродина, и ее можно любить не только за деньги ее богатого отца.

- Какая же ты уродина? – возмутился Даррел. – Что ты говоришь?

- Но так выходило, что только за деньги можно меня любить.

- Да просто тебе встретился отъявленный мерзавец. Вот и все. При чем тут ты? При чем тут деньги твоего отца? Это могло случиться с любой женщиной.

- Но случилось со мной, - грустно сказала она. – И от этого мне очень больно. Этот подонок отравил жизнь не только мне, но

и моему отцу. Теперь-то я его отлично понимаю. Отец, как человек более опытный и более умный, чем я, видел его насквозь. Представляю, каково ему было знать, какое сокровище досталось его единственной дочери. И при этом она, эта самая дочь, даже не подозревает об этом.

Даррелл замолчал, истратив все свои доводы. Молчала и Ани. Она разбередила свою рану и ей стало опять очень больно.

- Зря я начала этот разговор, - призналась она. – Опять вспомнился весь этот кошмар. Фу! Какая мерзость!

- Постарайся об этом не думать, - посоветовал он ей. – Это уже прошлое. Все прошло и надо постараться о плохом забыть. Оставь в памяти только хорошее.

- Да, ты прав. Пойдем проведаем Марка, как он там.

- Пошли, - ответил он, поднимаясь. - Может, удастся немного поднять ему настроение.

Даррел взял ее за руку и она почувствовала, как вдруг тревоги ее куда-то отошли. Она шагала рядом с ним, ощущая его крепкое надежное плечо, и ей казалось, что с ним-то ей точно нечего бояться, он ее защитит от всех напастей, он обязательно что-нибудь придумает.

Тихонько они вошли в комнату Марка, освещаемую огнем камина. Он лежал в постели, укрытый одеялом. Глаза его были закрыты.

- Марк, вы спите? – шепотом спросила Ани. – Это мы пришли.

Он не ответил. Они уже хотели повернуть обратно, чтобы не тревожить Марка, но в это время Даррелу пришла в голову мысль проверить, все ли в порядке. Он коснулся руки Марка. Она была холодной. У Даррела вытянулось лицо. Ани все поняла. Марк был мертв.

Потом они долго-долго сидели в гостиной вдвоем. Никто из них не спал в эту ночь. Ани тихонько плакала. Она не могла поверить, что Марк оставил их. И теперь они точно одни в целом мире. Если, конечно, как сказал Даррел, не считать Бога и их любви.

Глава XXXIII. С верой в душе

В эвакуационных пунктах Средиземноморья становилось все холоднее. Как могли они берегли тепло, можно сказать, оно было теперь на вес золота. Все щели ими уже давно были выявлены и ликвидированы. Каждый из них укутывался во все, что только попадалось под руку. Верхняя одежда и пледы умерших людей тут же расходились среди тех, кто пока оставался в числе живых. Таких, однако, было уже немного.

Кале и его помощники уже давно покинули свою резиденцию и жили в эвакопунктах. Они решили равномерно распределить свой административный ресурс, для этого им пришлось поселиться в разных общественных домах.

- Нам нельзя собраться всем в одном месте, - сказал Кале, собрав всех своих людей в зале заседаний перед тем, как покинуть резиденцию навсегда. – Думаю, вы поймете и поддержите меня. Запасы продовольствия в равной мере поделены между всеми общественными домами. Во всех, как вы знаете, налажены закрытые грунты, там уже растут овощи. С этим мы справились благополучно. Но людей нельзя оставлять без присмотра, да и эвакопункты должны кем-то управляться, иначе будет хаос. Я очень рассчитываю на ваше понимание и вашу поддержку. Я уверен, что вы достойно справитесь со своими новыми обязанностями.

И сразу же вслед за этим послышались голова:

- Конечно, господин Кале, мы вас не подведем.

- Не сомневайтесь.

- Мы постараемся.

Первое время, когда еще была энергия для мобиле, они собирались, проводили летучки, планировали расходы. Но вот уже несколько месяцев никто из них не видел друг друга. Кале не знал, живы ли вообще они. Ничего не знал он и о судьбе своего ближайшего помощника Артура Дореля. Сидя по вечерам перед едва горящим камином, он нередко вспоминал Дореля и всех остальных, горевал по ним.

Теперь Кале уже не был правителем Средиземноморья, потому что почти ничего не осталось от его страны, теперь он управлял только эвакуационным пунктом вместе с доктором Бореем. Впрочем, для этого не требовалось много сил и умений, ведь управлять-то особо было нечем, да и некем. Люди тихо уходили из жизни. Но умирали они не от голода, продукты были у них, хотя и не вдоволь, но хватало на ежедневное питание. Некоторые умирали от болезней, но таких было немного. Большинство людей уходили без видимой причины, они просто угасали, не надеясь больше ни на что.

Несколько недель назад почувствовал недомогание и отец Егереон. Он еще бодрился, чтобы не показывать окружающим своей хвори, но пристальный взгляд сразу бы заметил, насколько тяжелой стала поступь святого отца. Во всяком случае, Кале это заметил и с того момента он присматривался к нему. Ему бы хотелось, чтобы отец Егереон побыл подольше с ними, ведь он был их верой, поддержкой и их живой святой книгой, куда они могли заглянуть в любое время дня и ночи. Но, с другой стороны, такой исход, вероятно, был бы лучшим для самого святого отца. Должно быть, он очень устал за последнее время.

Да, святой отец проделал большую работу, и Кале был искренне ему благодарен, он не представлял, как бы он обходился

без него. Со времени того печального события, когда все они увидели новое светило и когда все они едва ли не впали в жестокое отчаяние, отец Егереон уже больше не возвращался к себе домой. Его можно было застать то в одном, то в другом эвакуационном пункте. Он спешил к людям, чтобы поддержать их и ободрить, постараться вселить в них веру и надежду. Наверное, он знал, что это невозможно, ведь у его нынешней паствы не было причин думать о чем-то высоком и духовном, раньше они прекрасно обходились своим материальным миром, который давал им многие блага и радости, и теперь не стоило ждать, что вдруг в одночасье что-то вырастет в их душе, появятся новые знания. И все-таки святой отец не опускал рук, и по-прежнему его мобиле можно было видеть на площадках всех эвакопунктов.

- Отец Егереон, вы вообще отдыхаете хотя бы когда-нибудь? – спросил как-то Кале у святого отца в присутствии доктора Борея.

- Что отдых, когда столько дел, - возразил святой отец. – Отдохну позже, если Бог даст.

- Но это не дело, отец Егереон, - вступил в разговор доктор Борей, - господин Кале совершенно прав. Вы скоро упадете от усталости.

- Я себя прекрасно чувствую, - запротестовал святой отец. – Мне это не в тягость.

- У нас здесь есть кое-какие отдельные помещения, мы устроим вас там, - решительно сказал доктор Борей.

Отец Егереон укоризненно покачал головой.

- Неужели вы думаете, я соглашусь устроиться в отдельном кабинете, если все вы, и даже правитель Средиземноморья, живете в общественном зале? – печально произнес он.

- В вашем возрасте нужен покой, - сказал Кале, - а люди вокруг

будут помехой.

- Нет, никто из нас не имеет права находиться в каком-то привилегированном положении, - убежденно заявил святой отец. – Мы здесь все равны. Такое теперь время.

Он принял приглашение и они устроили его в общем спальном зале. Единственной привилегией, какую они ему оказали, так это поместили его на матраце недалеко от камина. Да и то они опасались, как бы святой отец не раскрыл их хитрость. Но он этого попросту не заметил. Он устало опустился на свой матрац.

- Спасибо вам за заботу обо мне. Мне здесь будет удобно. Спасибо.

- Отдыхайте, святой отец, - сказал Кале.

- Да, с вашего позволения я немного вздремну.

Святой отец улегся поудобнее, укрылся пледом и тут же закрыл глаза. Он проспал почти сутки.

С тех пор прошло несколько месяцев, и они вели теперь полностью обособленное пределами своего эвакопункта существование. Им не было нужды без особой надобности покидать свое убежище. В один из дней, когда уже стало понятно, что тепла не будет, они с доктором Бореем решили запретить людям выходить наружу, чтобы не выстуживать и без того прохладные помещения. Особой же надобностью, которая иногда открывала входные двери, было добывание топлива. Когда оно заканчивалось, доктор Борей или сам Кале снаряжал команду и вместе с нею отправлялся на заготовку топлива.

- Господин Кале, можете вы кое-что сделать для меня? – тихонько спросил как-то его святой отец, когда он пришел проведать его.

- Конечно, отец Егереон, я сделаю все, что возможно, - так же

тихо отвечал Кале.

- Должно быть, долго я не протяну. Сердце. Старые болезни дают о себе знать.

Кале горестно покачал головой. Значит, его предчувствия не обманули. И все-таки они все здесь стали другими. Если бы раньше, услыхав такие слова, он бы обязательно счел своим долгом приободрить человека и постараться убедить его в обратном. Но теперь он совершенно по-иному относился и к жизни, и к смерти. Смерть уже не казалась ему чем-то страшным, пугающим своей неизбежностью, сейчас она представлялась ему, как избавление от бед и волнений земного пути. Смерть – это освобождение от пут материального мира. Должно быть, свою роль в этом новом его мировоззрении сыграл именно отец Егереон, они с ним провели в беседах немало времени.

- Так вот. Я хочу принять ваше предложение относительно отдельного помещения, от которого я прежде отказался. Если оно еще в силе.

Кале кивнул головой. Конечно, он отлично помнил тот разговор, когда святой отец устыдил его и доктора Борея, предложившими ему, как он выразился привилегии. Он не удивился словам отца Егереона, раз тот заговорил, значит, в этом был какой-то важный смысл.

- Хорошо, святой отец. Конечно, наше предложение в силе.

- Но людям, если будут такие вопросы, вы скажете, что я ушел в другой эвакопункт.

И тут Кале удивился по-настоящему.

- Но зачем? – недоуменно спросил он.

- Очень многие люди покинули этот мир по причине апатии и всепоглощающего уныния. В то время, как мы с вами призывали

их верить и надеяться. И если умру и я на их глазах, они станут думать, что и я перестал надеяться. И тогда у них будет еще меньше жизненных сил.

Кале поразился мудрости и дальновидности святого отца. Даже на пороге в иной мир он заботился о своей пастве, переживал об ее моральном здоровье.

- Не беспокойтесь, отец Егереон, я знаю здесь одно небольшое помещение, - шепнул ему Кале.

- Вот и хорошо.

– Там даже есть камин.

- О, камин теперь уже не особенно меня тревожит.

На другой день ранним утром они вместе с доктором Бореем перевели святого отца в это помещение. Немногочисленные обитатели эвакопункта провожали отца Егереона взглядами.

- Куда вы, святой отец? – спросил кто-то.

- О, я недолго буду отсутствовать. Мне нужно побывать в эвакопункте, он тут неподалеку. Люди нуждаются в беседе со мной.

- Возвращайтесь поскорее, - откликнулся другой голос. – И оденьтесь потеплее, очень холодно.

Святой отец кивнул и повернулся к выходу.

- Мы с доктором Бореем проводим вас, святой отец, - нарочито громко произнес Кале.

- Хорошо-хорошо, сделайте милость.

Они устроили отца Егереона в помещении, где раньше, судя по всему, был чей-то кабинет. Из кладовой, которая находилась в стороне от общего спального зала, Кале незаметно принес матрац и несколько пледов. Доктор Борей растопил камин. В комнате стало уютнее и теплее.

- Может, сделать вам чая? – спросил Борей, присев на кор-

точки около святого отца. Я схожу, поставлю воды.

- Нет-нет, не стоит, сын мой, - устало сказал отец Егереон. – Меня клонит ко сну. Я лучше усну немного.

- Конечно-конечно, поспите. А чай я вам принесу позже.

Они вышли из комнаты и осторожно прикрыли за собой дверь.

- Он умрет? – раздался чей-то голос сзади.

Доктор Борей и Кале, как по команде повернулись. У стены с бледным лицом стояла Лаура Минкс.

- Впрочем, что это я. Конечно, умрет. Как и многие другие люди до него.

- Лаура, успокойтесь, - попытался ее отвлечь Кале. – Святой отец немного приболел, ему надо остаться одному. По-моему он заслужил отдых. Вам так не кажется?

- Конечно, все правильно, - сказала она, - но он-то сказал, что его ждут в другом эвакопункте.

Доктор Борей и Кале переглянулись.

- Он действительно собирался, - нашелся доктор Борей, - но неожиданно почувствовал себя неважно.

- Понятно. Так, значит, он умрет?

- Да с чего вы это взяли? – воскликнул Кале. – Святой отец пожилой человек, ему просто надо отдохнуть.

Но Лаура, казалось, его вообще не слушала, она продолжала развивать свои мысли.

- Почему это всё происходит с нами? Почему? Что такого мы сделали? Почему Бог отвернулся от нас?

- Лаура, давайте обсудим это в другом месте, - предложил доктор Борей.

- Да что же тут обсуждать? Вы-то ведь тоже ничего не знаете. Никто ничего не знает.

- Тише, Лаура, тише, - вмешался в разговор Кале, - нас услышит отец Егереон, а ему и без того не можется.

Он взял ее под руку и повел прочь по коридору, куда неважно, лишь бы увести подальше от двери отца Егереона. Кале опасался, что он встревожится и его состояние ухудшится еще больше.

Он привел Лауру Минкс в помещение, где у них худо-бедно росли овощи с бледной тонкой листвой. Следом вошел доктор Борей и плотно прикрыл за собою дверь.

- Неужели и мой ребенок тоже… тоже должен умереть?.. А что, если это случится уже завтра?.. Господи, да что же это?.. Я не понимаю… Я ничего не понимаю…

Она опустилась на каменный парапет бассейна для грунта и закрыла лицо руками. Плечи ее затряслись. Она плакала.

Кале подошел к ней, положил руку ей на плечо, стараясь утешить.

- Успокойтесь, Лаура, что вы, никто больше не умрет, все устроится. Мы справимся, мы будем жить дальше.

Как ему казалось, он нес полную ерунду, поэтому старался не вдумываться в то, что говорит. Ему надо было успокоить Лауру. Но вот она затихла и отняла руки от заплаканного лица. Доктор Борей протянул ей платок.

- И все-таки, почему это всё происходит с нами? Что такого мы сделали? Почему Бог отвернулся от нас?

- Это не так. Бог с нами, с каждым из нас, - сказал доктор Борей. - Надо только нам самим не отворачиваться от него и не отвергать его помощь.

Кале с удивлением смотрел на него, он и не ожидал, что ученый может сказать такое. Судя по всему, долгие беседы со святым отцом пошли ему на пользу.

- Помощь?.. Но где же она эта помощь?.. – опять разволновалась Лаура.

- Я не знаю, в чем она именно, в стойкости духа ли, в легком уходе или в чем-то еще, - продолжал Борей, - но она будет. Она есть. И была всегда. Если мы достойны ее, помощи Бога, она обязательно дойдет.

- А если нет? – спросила Лаура со страхом.

- Его помощь и благодать обращена ко всем, просто не каждый принимает ее, и потому не до каждого она доходит. К сожалению.

Они помолчали. Лаура задумчиво теребила платок.

- Отец Егереон говорил, вручите свою судьбу Богу и ничего не бойтесь, - сказал доктор Борей.

Лаура поднялась. Доктор Борей и Кале переглянулись. Кажется, немного она успокоилась.

- Как вы, Лаура? – спросил Кале. – Вам лучше?

- Да. Я пойду. Мне надо подумать, обо всем этом хорошенько подумать.

Она вышла с задумчивым отстраненным лицом. Дверь за собой она плотно прикрыла.

- Как же я устал, - сказал Кале и сел на место Лауры.

- Господин Кале, у меня больше нет платка, - улыбнулся доктор Борей.

Кале грустно улыбнулся в ответ.

- Нет, я не буду плакать, не думайте. Я буду ныть.

- Еще не лучше, - шутливо вздохнул ученый.

- Доктор, вы молодец, хорошо держитесь. Да и Лауре такие слова сказали, прямо аж за душу схватило. Откуда это в вас?

- Из разных источников, - доктор Борей сел рядом с Кале, - что-то из прошлого, где-то читал или слышал, что-то узнал от отца

Егереона, до чего-то дошел сам. Знаете, когда человек стоит на краю, все ему видится в новом свете. И мысли начинают работать в каком-то другом направлении. Да и сама его жизнь представляется не такой, какой он видел и оценивал ее раньше.

- А я очень приземленный человек, - признался Кале. – Хотя теперь уже приходится меняться. Но все равно без конца сползаю к этой нашей обыденности, не выходит никак она у меня из головы.

Они помолчали.

- Как думаете, долго мы еще протянем? – нарушил молчание доктор Борей.

Кале пожал плечами.

- Пока есть продукты. А там…

Кале обреченно махнул рукой. Доктор Борей внимательно посмотрел на него.

- Вы верите в чудеса? – спросил он.

Правитель Средиземноморья задумался.

- Раньше я бы точно сказал, что нет, - заговорил он. – А теперь уже и не знаю.

Кале лукаво сощурил глаза.

- А вы Лауре сказали, что надо вручить себя Богу и ни о чем не думать.

- Нет, я сказал ничего не бояться. Ну вот как ни крути, а так ведь и есть. Что еще нам остается? Получается, от нас теперь мало что зависит.

- Да-а-а… Правильные это слова…

- Вот и остается только то, что я посоветовал Лауре.

- Наверное. Ну ладно, - сказал Кале, поднимаясь, - поговорили, легче стало, а дела стоят на месте.

- Какие дела? – улыбнулся Борей.

- Вы забыли, сегодня еще за топливом топать.

- А чья очередь? Ваша?

- Нынче моя, - кивнул Кале.

- Ну а моя команда, значит, готовит ужин, - сказал Борей. – Да, кстати, сегодня у нас будет десерт. Нашлось немного кофе и две упаковки кексов.

- Кофе и кексы! – загорелись глаза у Кале.

- Сухие кексы, - уточнил доктор Борей.

- Ну что ж, - вздохнул Кале, - сухие кексы это тоже кексы.

Они вышли из помещения, коротко попрощались и разошлись каждый по своим делам.

Глава XXXIV. Свет и тьма

После смерти Марка они остались в опустевшем доме вдвоем. Это была большая потеря. Они всей душой привязались к этому человеку, который сделал для них столько доброго, он стал для них почти родным. Они не думали, что он так рано покинет их. С Марком все было как-то проще, он, умудренный опытом отшельничества, знал, как выживать в критических ситуациях. Они же, жители цивилизованного мегаполиса, представляли себе это только теоретически. Но разве дело было только в этом? Конечно, нет. Им не хватало его самого, его неторопливого разговора, его шуток.

Первое время Ани часто заходила в холодную комнату Марка и сидела там, вспоминая его. Она перебирала журналы, смотрела фотографии из его альбома, где Марк был вместе со своей семьей. И ей казалось, что вот сейчас откроется дверь и он войдет. По своему обыкновению улыбнется ей, скажет какие-нибудь теплые слова.

Но вместо Марка на пороге появлялся Даррел. Он укоризненно качал головой, решительно брал ее за руку и выводил из комнаты.

- Ани, ты хочешь простудиться? – пенял он ей. – Там ведь очень холодно. А ты сидишь там и мерзнешь.

- Там мне легче, - говорила она.

И он опять запрещал ей туда ходить.

Она и сама понимала, что это ни к чему, но какая-то неведомая сила снова и снова влекла ее туда. Так продолжалось почти неделю, пока Даррел не решился на кардинальные меры. Он нашел где-то

металлические скобы и забил ими дверь в комнату Марка. Она хотела обидеться, но у нее не было на это сил.

- Ани, ты простудишься там. А топить камин в комнате Марка мы не можем, - мягко сказал ей Даррел после того, как она пришла в помещение для приготовления пищи и укоризненно посмотрела на него. – У нас нет столько топлива. Ты же знаешь, нам надо экономить.

Она помолчала и сказала:

- Да, ты прав. Я понимаю. Это пройдет. Просто это так неожиданно.

- У тебя было слишком много потерь.

- Наверное, - тяжело вздохнула она. – После тех моих потерь я не думала, что мне придется еще кого-то терять.

Он привлек ее к себе.

- Ну не переживай ты так, я не могу на тебя спокойно смотреть, - сказал он ей. – Или ты хочешь, чтобы у меня сердце разорвалось от жалости к тебе.

При этих словах ей стало страшно.

- Даррел, никогда больше так не шути. Никогда. Ладно? – серьезно сказала она.

Он кивнул головой и крепко прижал ее к своей груди.

Они стали жить по-прежнему. Но их мир, в котором они обитали, стал еще меньше. Теперь они уже больше не пользовались столовой, потому что камин там потреблял слишком много топлива. А этого позволить себе они уже не могли. Их жизнь теперь проходила в помещении для приготовления пищи и в спальне. Так было, пока не перестал работать генератор.

Они узнали об этом однажды утром, когда спустились выпить чая. Ани включила плиту, чтобы согреть воду, но индикатор

почему-то не зажигался. Она сказала об этом Даррелу.

- Пойду посмотрю, что там с генератором, - сказал он.

Он ушел, а она, чувствуя тревогу, села в кресло и неотрывно смотрела на плиту, она ждала, не загорится ли огонек. Время шло, но ничего не происходило. Плита не включалась. И это было дурным знаком.

Вошел Даррел. Она устремила на него выжидательный взгляд, но он молчал. И тогда она все поняла.

- Генератор?

- Он больше не работает, - пряча взгляд, сказал он.

- Он… он не будет работать? – слегка дрожащим голосом уточнила она.

Даррел отрицательно помотал головой. Он сел к столу напротив Ани. Они сидели и лихорадочно обдумывали создавшееся положение, искали выход. Но ничего толкового придумать они не могли.

- Можно попробовать кипятить воду в камине, - неуверенно предложил он. – Соорудить какое-нибудь приспособление и кипятить.

- А как же топливо?

- Да, правильно. Я как-то не подумал об этом.

- А если топить камин чем-то из дома, мебелью, например, - предложила Ани.

- Мебель здесь почти вся из искусственных материалов, мы отравимся этим дымом.

- И что нам остается?

- Будем питаться консервами.

Им пришла на ум одна и та же мысль. И они со страхом смотрели друг на друга.

- Вода? – спросила она.

Он встал, чтобы проверить бежит ли вода, но они оба знали, что ее нет, потому что вода не поднимется на поверхность без энергии. Даррел нажал на сенсор подачи воды. Так и есть, ее не было.

- Ну ничего, будем таясь снег, - оживился он. – Там снаружи полно снега.

- Послушай, Даррел, - Ани вдруг осенила новая идея, - а в том доме, где мы жили, там ведь есть генератор. Может, он работает?

Даррел оживился.

- Точно! Надо проверить. Я сейчас!

Он натянул куртку и выбежал из комнаты. А она осталась его ждать. Ее сердце взволнованно билось, потому что она знала, от того, с чем сейчас вернется Даррел, возможно, зависит, будут ли они живы.

Он вернулся поникший с потухшим взглядом. Устало опустился в кресло. Она все поняла.

- Тот тоже не работает. Наверное, это произошло из-за холода. Что-то там отсырело и вышло из строя. Генераторы эти не рассчитаны на такие низкие температуры.

- Ладно, будем еще думать, - вздохнула она. – Говорят, что не бывает безвыходных ситуаций.

- Наверное.

Ничего было не поделать, и они стали жить без генератора. Ей никогда бы и в голову не пришло, какую важную роль в жизни человека играет энергоснабжение. Теперь, когда скончался их генератор, в доме ничего не работало. Не было освещения и воды, нельзя было включить печь. Из продуктов у них осталось лишь немного консервов да крупы. Вместо питьевой воды у них теперь был талый снег. Но хуже всего было то, что они замерзали. Камин

почти не обогревал их спальню, да и топливо было на исходе.

Они почти не вылезали из-под одеял и не снимали одежды, но и так они не могли согреться. Их комната стала похожа на склад. Чтобы меньше выходить из спальни, Даррел перенес из подвала все продукты, какие у них еще оставались, и разложил их поблизости от кровати. Сюда же он поставил сосуд с талым снегом. Около камина лежала куча веток. Это было все, что у них осталось. Это были все их запасы. Ани смотрела на все это и ее охватывала апатия. Ей хотелось уснуть навсегда, чтобы никогда больше не видеть этого кошмара.

И она действительно теперь больше спала. Ей снились хорошие сны с солнечными картинками из прошлого, ее родной город, родители. Там в снах они были снова все вместе. Ярко светило солнце и мегаполис был щедро согрет его лучами. Ей не хотелось возвращаться к реальности, но Даррел будил ее снова и снова.

- Ани, проснись, - тормошил он ее. – Проснись, дорогая. Тебе надо поесть.

- Зачем? – сонно откликалась она. - Я не хочу. Лучше я еще посплю.

Но он не оставлял ее в покое и ей приходилось просыпаться. Она неохотно садилась в постели, кутаясь в одеяло. А он приносил ей консервы. Она с отвращением проглатывала несколько кусочков и запивала водой.

- Зачем ты будишь меня? – спросила она его как-то. – Мне снятся хорошие сны. А ты меня будишь.

- Нельзя расклеиваться, - ответил он. – Надо бороться за свою жизнь.

- Зачем? – почти безразлично спросила она.

- С чего ты взяла, что это конец? – возмутился он. – Нельзя

сдаваться, нельзя опускать руки, надо идти до конца.

- А разве это еще не конец? У нас ведь нет никакой надежды.

- Откуда ты знаешь? А вдруг завтра все снова встанет на свои места и выглянет солнышко.

Ани усмехнулась.

- Не дай Бог. У меня нет желания его еще раз увидеть. По крайней мере, таким, какое оно было в прошлый раз.

- А, может, оно снова станет нормальным, - стоял на своем Даррел. - Мало ли что там говорят.

Она знала, что он, в общем-то, прав, но у нее не было сил бороться, она устала. Ей лишь хотелось спать. И она спала. А он ее будил. И все повторялось снова.

Но наступило время, когда он перестал ее будить. Она проснулась сама и увидела спящего Даррела. Почему-то и у нее тоже появилось желание его разбудить, ей подумалось, что он голоден или, быть может, ему нужна помощь. Она протянула к нему руку и затормошила его. Он не шевелился. Она испугалась, что он уже никогда не откроет глаза. Но вот он проснулся, и она улыбнулась ему. Он удивленно смотрел на нее.

- Что ты? Что-то случилось? – спросил он.

- Я думала, ты голоден.

- Ты же не хотела просыпаться, а теперь будишь меня сама.

- Так ты голоден?

- Нет. А ты?

- И я нет. Но нам надо поесть, - сказала она.

- С чего это? У тебя закончились хорошие сны?

- Нет, просто я испугалась, а вдруг ты уже не проснешься.

- И мне такое думалось, когда ты спала, - признался он.

Они нехотя поели, не чувствуя вкуса пищи, и запили, как

обычно, талой водой. Даррел подбросил веток в едва тлеющий огонь. И они уснули снова.

Они окончательно потеряли счет времени, они уже давно не следили за тем, день за окном или ночь. Да и к чему им было это знать? Тем более что через замерзшее окно уже ничего нельзя было различить. Камин еще горел, но топлива осталась лишь малая кучка.

Однажды Ани проснулась от какого-то яркого света, который бил в окно. Она протерла глаза и стала из всех сил будить Даррела.

- Даррел! Даррел! Что это такое? Это солнце! Даррел!

Он кое-как открыл глаза и непонимающе уставился на Ани. Но и он вскоре заметил, что комната вся в свету. Они, придерживая друг друга, медленно поднялись с постели. У нее немного кружилась голова и рябило в глазах от яркого света. Но они кое-как дошли до окна. Они стали дышать на замерзшее стекло и скрести его пальцами, чтобы рассмотреть, что же такое происходит. Но ничего не было видно. Яркий свет был повсюду, ничего нельзя было рассмотреть.

- Пойдем туда, - вдруг сказал он.

- Пойдем, - согласилась она.

Они повернулись к дверям, чтобы идти. Но двери оказались распахнуты настежь. И в комнату вошли какие-то люди в искрящихся от яркого света комбинезонах. Ани и Даррел застыли от изумления. Они не знали, что и думать. Должно быть, это отряд спасателей, пришло вдруг им на ум.

Вошедшие люди внимательно изучали их. И только теперь Ани и Даррел обратили внимание на то, что эти люди выглядели как-то не так, что-то указывало на то, что они чужаки на этой земле. Между тем, люди пристально глядели на них, и им от этого

стало как-то не по себе. Ведь они не имели ни малейшего представления, в чьих руках они оказались.

Глава XXXV. Прощальный взгляд

Даррел и Ани с трудом верили в свое чудесное спасение. Они не могли взять в толк, как же такое вообще могло произойти. Им казалось, что это был сон, только сон, один из тех, что они немало перевидали за последнее время.

В тот день, когда они неожиданно увидели свет в своей холодной спальне, пришедшие в их дом люди окружили их, они с любопытством смотрели на Ани и Даррела. Как признался потом ей Даррел, он жалел, что они застали их врасплох, и он не сможет оказать им сопротивление.

- Мы пришли к вам с добром, - сказал один из непрошенных гостей. – Не бойтесь нас.

- Кто вы? – настороженно спросил Даррел.

- Мы прилетели, чтобы вас спасти, - ответил другой человек.

Эти люди были похожи друг на друга. Но, возможно, это сходство просто усиливала одинаковая одежда и длинные до плеч светлые волосы, которые носил каждый из них.

- Кто вы? – повторил свой вопрос Даррел.

- Прошу вас следовать за нами, - сказал первый гость. – В наш корабль. Там мы ответим на все ваши вопросы.

- Но вы не сказали, кто вы, - упорствовал Даррел.

- Мы ваши друзья, - чуть улыбнувшись, ответил один из гостей. – Мы не причиним вам зла.

Им ничего не оставалось, как подчиниться незнакомцам. В конце концов, кто бы ни были эти люди, друзья или враги, но они давали им шанс выбраться отсюда. А уж чем обернется этот шанс, потом они увидят. Но что-то им подсказывало, что они не могут оказаться в худшем положении, чем теперь. И они решились.

Дрожавшая от холода Ани взяла с постели плед и сделала попытку закутаться в него. Но один из гостей протянул руку, чтобы забрать его у Ани. Она испуганно заморгала глазами.

- Это больше не пригодится, - сказал он. – Вам никогда больше не будет холодно.

Она растерянно, глядя на Даррела, положила плед на постель. Даррел пожал плечами. Ни он, ни она толком пока еще ничего не понимали.

Они спустились по лестнице в сопровождении людей в комбинезонах. Один из них открыл входную дверь и жестом пригласил их выйти. Они шагнули за порог и зажмурились от яркого света. Утопая в снегу, заливала светом окрестности летательная полусфера. На верхней площадке трапа, спущенного прямо в снег, виднелась еще одна фигура в таком же, как у их гостей комбинезоне.

- Добро пожаловать, - приветствовал Ани и Даррела этот человек, когда они подошли к полусфере. – Вы первые жители Земли на этом корабле.

- Так вы не земляне? – удивился Даррел.

- Нет, мы прилетели с планеты Таут на помощь землянам. Я командир космического корабля, меня зовут Инг.

Ани молча кивала головой, она совсем посинела от холода, ее зубы выбивали мелкую дрожь.

- О, вы порядком продрогли, - сказал Инг, - скорее входите.

Вам обоим нужно согреться.

Они вошли внутрь корабля и с любопытством огляделись. Неширокий коридор вывел их прямо в полуовальный пилотный зал, где никого не было. Видимо, люди, с которыми они общались, были единственными обитателями корабля. Все еще дрожа от холода, они расположились в глубоких креслах у стены. Вскоре появились хозяева во главе с командиром. Они приветливо кивнули Ани и Даррелу и заняли свои места.

Инг что-то сказал своим пилотам на своем языке и повернулся к гостям.

- Как я уже сказал, вы первые, кого забрал экипаж этого корабля с погибающей планеты. Надеюсь, вы не будете против, если мы полетаем еще. Возможно, кто-то еще остался в живых.

- Ну что вы, конечно, нет, - едва ли не в один голос сказали Ани и Даррел.

Летательный аппарат резко пошел вверх, так что у Ани, которая уже успела отвыкнуть от полетов, немного замерло сердце.

- Вы сказали, экипаж этого корабля, - обратился Даррел к Ингу. – Значит, есть и другие, кто прилетел на Землю?

- Этот корабль вспомогательный, основной ждет на орбите. Таких вспомогательных кораблей несколько, и все они ищут выживших. Надеюсь, те другие корабли еще найдут людей. Мы же нашли только вас.

- А куда вы нас потом? – спросила Ани.

- Простите? – Инг не понял вопроса.

- Где вы нас высадите?

- Вы полетите с нами на Таут.

- На Таут? – удивился Даррел и перевел взгляд на Ани, та смотрела круглыми от изумления глазами.

Один из пилотов бросил Ингу какое-то короткое замечание. Он кивнул в ответ. Корабль начал снижение.

- Прямо по курсу большой город, - пояснил Инг.

- Это Средиземноморье! – взволнованно подскочили они и бросились к смотровому иллюминатору.

- Вы жили там? – спросил Инг.

- Да, это наш город.

Ани чувствовала, как бешено колотится у нее сердце. Она и не чаяла еще раз увидеть свое Средиземноморье. Она припала к окну и напряженно всматривалась в черноту. Мегаполис был мертв, ни единого проблеска света на его улицах. И только яркие огни корабля будоражили тьму и выхватывали картины разрушенных мертвых домов.

- Наш радар ищет тепловое или световое излучение, - пояснил Инг, который тоже стоял у иллюминатора и всматривался в разворачивающиеся картины. – Если он найдет, то мы будем приземляться и искать людей.

Они помолчали, не отводя взглядов от иллюминатора.

- Что произошло здесь? Почему все разрушено? – спросил Инг.

- Стихийное бедствие, - сказал Даррел. – Сильный ветер, ураган.

Инг кивнул. Он понял.

Корабль летел и летел над Средиземноморьем. Все молчали. Судя по всему, никто из пилотов так и не увидел нужных знаков на радаре. Они вглядывались в приборную светящуюся панель и время от времени тыкали пальцами в какие-то значки. Вдруг одна панель замигала красным и издала пронзительный сигнал. Все сразу же обернулись на этот звук. Пилот что-то сказал командиру, тот вновь коротко что-то ответил.

- Радар нашел световое излучение, - пояснил им Инг. – Идем на снижение. Будем искать людей.

Ани затаила дыхание. Неужели еще кто-то сядет в этот корабль из тех людей, которые жили вместе с ними в Средиземноморье, летали в одном с ними небе, дышали этим особенным воздухом.

- Волнуешься? – тихонько шепнул ей Даррел.

- Да, - ответила она. – А ты?

- Есть немного. Как-то дико, если мы единственные остались в живых.

- Прямо мурашки по коже, - согласилась она.

Потом подумала и добавила:

– Да нет, не может быть, чтобы совсем никого не осталось.

Корабль мягко приземлился, система отключила двигатель. Наступила тишина. Все пилоты во главе с Ингом вышли из зала. Ани и Даррел остались одни. Они так и не отошли от иллюминатора.

Они видели прямо перед собой вход в какое-то невысокое старинное здание. Именно туда направились пилоты. В одном из окон был заметен тусклый отблеск света. Наверное, там определенно были живые люди, а иначе кто бы зажег этот свет. Ани и Даррел ждали, затаив дыхание.

Долгое время никого не было видно. Стояла полная тишина.

- Даррел, может, и нам пойти туда? – спросила Ани.

- Нет, наверное, это ни к чему, - сказал он, немного подумав. - Возможно, кому-то там нужна эвакуация и мы только будем мешать нашим новым друзьям.

- Да, верно. Ты прав. Останемся лучше здесь. И, кроме того, здесь так тепло. Даже страшно подумать, чтобы снова выйти

наружу. Я, наверное, ужасная эгоистка? Да?

- Ты не эгоистка, ты просто очень намерзлась.

- Да, это так, - вздохнула она.

Они помолчали, лишь их взволнованное дыхание нарушало тишину. Время тянулось медленно, им казалось, что прошла целая вечность, а из заснеженного здания так никто и не вышел.

- Но почему же так долго? - не выдержала Ани.

- Может, они ищут людей, - предположил Даррел.

Наконец, они заметили какое-то движение там за окном, близким к выходу. И в следующий момент дверь отворилась и из здания стали выходить люди, укутанные в одежды.

- Смотри, Даррел! – воскликнула она.

- Да-да, я вижу!

- Слава Богу мы не одни, - взволнованно выдохнула она.

Выживших было немного. Лишь несколько мужчин и женщина. И еще ребенок. Его нес на руках один из мужчин. Ани напряженно вглядывалась в их лица. Вдруг среди них есть ее знакомые или коллеги. Но в осунувшихся исхудавших лицах, да еще и на приличном расстоянии было сложно узнать кого-то из тех, с кем она была, возможно, рядом в прежнее счастливое время.

Спустя короткое время спасенные люди, щурясь от яркого света, несмело вошли в пилотный зал, где их с нетерпением ждали Ани и Даррел. Теперь она могла лучше их рассмотреть. А пришедшие люди с любопытством глядели на них.

- Госпожа Ани Бине? – удивленно воскликнул один из них, мужчина с ввалившими глазами, он держал под руку исхудавшую усталую женщину.

Ани устремила на него свой удивленный взгляд. Этот человек кого-то ей напоминал. Нет, скорее, голос, ей знаком был этот голос.

И тут она вспомнила, что не раз слышала его в конференц-зале правительства Средиземноморья. Она почувствовала, как спазмы сжали ее горло, а к глазам подступили слезы.

- Господин Кале! – бросилась с криком Ани к нему на шею и разрыдалась.

Кале гладил ее по голове, стараясь успокоить. Все вокруг заговорили, стали ее утешать. А она кое-как смогла взять себя в руки. Встретив здесь человека из своей прошлой жизни, она вдруг в один момент вспомнила ее всю от начала до конца.

- Даррел, - обратила к нему свое заплаканное лицо Ани, - это господин Кале, правитель Средиземноморья.

- Бывший правитель, - мягко поправил он ее.

- А это Даррел Митчелл.

Даррел крепко пожал руку Кале.

- Бывший инспектор полиции и мой муж, - неожиданно добавила она.

- Очень-очень рад вас здесь встретить, - сердечно сказал Кале, обращаясь к Ани и Даррелу.

Теперь она уже почти успокоилась и ее глаза сияли от счастья.

- А вы не помните меня, инспектор? – обратилась к Даррелу женщина.

Ани с любопытством посмотрела на них. Значит, не одна она встретила здесь знакомых.

Даррел отрицательно покачал головой.

- Простите, - сказал он.

- Ничего, это нормально в нашем состоянии. Все мы сильно изменились. Я Лаура Минкс.

- Госпожа Минкс? – спросил потрясенный Даррел.

- Да-да, это я, - грустно сказала она. – Здесь со мной и моя

дочь Патти.

Даррел повернулся к Ани.

- Ани, помнишь, я тебе рассказывал об убийстве владельца концерна по выпуску космических аппаратов? Его звали Артур Минкс. Так вот это муж госпожи Лауры.

Ани покачала головой. Она не помнила.

- Ну тот, кто совершил преступление, рассказал о том, что Солнце превращается в белый карлик. Помнишь?

- А-а-а! – воскликнула она. – Да, теперь я вспомнила. Господи, какое печальное событие.

- Да, я долго не могла прийти в себя после этого, - грустно сказала Лаура. Она помолчала, потом, вспомнив что-то важное, повернулась к Даррелу. - Инспектор…

- Зовите меня просто Даррел, - сказал он.

Лаура согласно кивнула головой.

- Даррел, вы тогда так и не сказали мне, почему убили моего мужа. Понимаете, мне важно это знать. Очень важно.

- Да, конечно, я понимаю. Но тогда еще рано было что-то говорить, мы вели расследование, - ответил он.

- Вы довели расследование до конца?

Даррел кивнул головой.

- Так что же там все-таки произошло? – с напряжением в голосе спросила Лаура, чувствовалось, что это ее действительно здорово волновало.

- Вашего мужа, Лаура, убил Сэд Тирет.

- Это я знаю, - нетерпеливо сказала она. – Но почему, почему он это сделал? Он ведь неплохо зарабатывал в концерне Артура, насколько я знаю, был у него на хорошем счету.

- Ему посулили другие деньги, гораздо больше того, что он

имел в концерне.

- Кто?

- Какие-то богатые люди Средиземноморья. Они заказали вашему мужу строительство космического корабля. Уникального корабля, в котором они могли бы не только летать, но и жить. Заказчики и ваш муж не сошлись в цене. И Тирету предложили крупную сумму, чтобы он каким-то образом отстранил господина Минкса от этого проекта.

- Понятно, - тихо сказала она. – Теперь мне все понятно. Значит, Артур мог бы построить корабль, чтобы мы покинули Землю, и не сделал этого.

- По словам Тирета, он не особенно-то верил в такой конец. Ну и, видно, решил, что лучше заработать денег. Не расстраивайтесь, Лаура, дело прошлое.

- Ничего, я справлюсь, - сказала она. – Спасибо вам, Даррел.

- Друзья мои, это замечательно, что среди нас столько знакомых людей, - с улыбкой сказал Кале. – Но я хочу представить вам еще и других, кого вы пока что не знаете. Это доктор Борей, замечательный ученый и прекрасный человек. Он очень много сделал для того, чтобы все мы были здесь сегодня среди вас. Он и почивший ныне святой отец Егереон сделали все, чтобы не дать нам отчаяться и сдаться. Мы боролись из последних сил, благодаря им.

- Да, это так, - поддержала Кале Лаура. – Однажды меня охватило отчаяние, не было никакой надежды, мы должны были погибнуть. И в эту трудную минуту доктор Борей сказал мне, что я должна вручить свою судьбу Богу и ничего не бояться. Он сказал, я должна верить.

- Это правда, - сказал Кале, - он нас спас в тот день.

- Ну что вы, господин Кале, Лаура, - смутился Борей, - что вы

такое говорите.

- Зовите меня просто Ют, - сказал Кале, подмигнув Даррелу, тот засмеялся в ответ.

- А меня зовут Павел, - сказал доктор Борей.

- Еще я хочу представить вам моего самого близкого друга, бесценного советчика, очень твердого и решительного человека, о таких говорят, человек-кремень. Я искренне благодарен ему за то, что он был рядом со мной в самое тяжелое время. Это Артур Дорель.

Смущенный Дорель чуть склонил голову. Видно, он не ожидал такой характеристики в свой адрес.

- Мы работали с ним вместе, - продолжил Кале. – Но в последнее время оказались в разных эвакопунктах. Мне очень не хватало Артура и я переживал о нем, ничего не зная о его судьбе. Но однажды он пришел в наш эвакопункт. В том месте, где он был, больше не осталось живых. Только он один.

Все молчали, потрясенные этим рассказом.

- А еще, - чуть погодя вновь заговорил Кале, - я хочу представить вам наших друзей из эвакопункта, которые тоже смогли выжить и оказаться здесь. Это Бил, Андрей и Джон.

И тут все снова заговорили. Ани с улыбкой смотрела, как все смешалось, все стали знакомиться друг с другом. Ее сердце радовалось их чудесному спасению, но была в нем и грусть по своему родному краю. Совсем скоро корабль оторвется от земли Средиземноморья и отправится в далекий путь. А город, в котором столько осталось теплых воспоминаний, навсегда поглотит тьма.

Она тихонько отошла к иллюминатору. В ярком свете отчетливо виднелось здание эвакопункта. Вдали можно было различить силуэты темных домов и каких-то сооружений, где, наверное, в

прежнее время всегда было полно людей, а сейчас там не обитала ни одна живая душа. Только призрачные картины воспоминаний о тех, кто был там когда-то, еще жили среди полного безмолвия.

Она почувствовала чью-то руку на своем плече и обернулась. Это был Даррел. Его глаза вопрошали, как она. Она ничего не ответила, лишь сжала его руку и снова стала смотреть на свой мегаполис. Она не хотела пропустить этого момента. Ей надо было попрощаться. Он это понял, и не стал ее тревожить расспросами. Он просто был рядом с нею.

Глава XXXVI. Дорога к звездам

Настенный экран засветился мягким светом и начался показ. Они с любопытством следили за каждым кадром. Вот появился город из белого камня с висячими садами и парками. Промелькнули счастливые лица парня и девушки, они стояли на самом краю овальной клумбы в висячем саду и кому-то весело махали руками. Мощные космические корабли замерли в своих стартовых модулях, и к ним уже шагали зеленоглазые люди в серебристых комбинезонах с белокурыми волосами до плеч, готовые отправиться в дальнее путешествие. В лесах с вековыми разлапистыми деревьями разгуливали животные, похожие на пантер. Вдали был слышен шум водопада или горной реки. На широких плантациях под лучами яркого светила зрели крупные плоды, орошаемые прозрачной искристой водой.

- Ну, думаю, теперь вы имеете представление о том, где вы будете жить, - сказал Инг, после того, как последние картинки поглотил экран и затем погас. - Надеюсь, вам понравился ваш новый дом?

Все закивали головами.

- Очень красиво, - сказала Ани и вопросительно посмотрела на Даррела, он с улыбкой кивнул головой.

- А тебе, Патти, понравилось? – обратился Инг к дочке Лауры, которая сидела рядом с матерью в удобном глубоком кресле.

Патти немного смущенно кивнула головой. Взрослые рас-

троганно улыбнулись, а Лаура с нежностью поцеловала своего ребенка в светлые волосы.

- В нашем мире много света и много добра, - продолжил Инг. - В нашем мире живет гармония.

- И что же совсем-совсем нет зла? – засомневалась Ани.

Инг покачал головой.

- Нет. И никогда не было.

- Даже сложно такое представить, - сказал Даррел. - У нас всё иначе. Было иначе.

Павел Борей грустно покачал головой, соглашаясь с Даррелом.

- Да, зло, предательство, эгоизм – неизменные спутники нашего мира.

- Неужели зло погубило нашу планету? – задумчиво произнес Дорель.

- Зло принесло много плохого Земле. Оно во многом усугубило состояние планеты, исказило жизни ее обитателей. Зло делало ваше существование очень трудным. Борьба с силами хаоса за собственное выживание – вот обычное состояние человека с Земли. И тем не менее, землянам удалось продержаться, зло не смогло разрушить вашу планету. А то, что происходит теперь, это естественные причины эволюции. Ваша звездная система умирает естественной смертью. У всего живого есть предел существования. Даже у планет и звезд.

- А что будет потом, после смерти Солнечной системы? – спросила Лаура.

- Будет новая жизнь, - ответил Инг. - Пройдет несколько миллиардов лет и на вашей планете снова зародится жизнь. Но это уже будет другая жизнь. Другие люди будут жить на вашей планете. Они создадут там свой мир, построят свои города, установят свои

порядки.

- Остается только надеяться, что их мир будет светлее и чище нашего, - грустно сказал доктор Борей.

Все помолчали.

- Скажите, Инг, неужели кроме нас никого не осталось в живых на нашей планете? – спросила Ани.

Инг обвел взглядом десятка два кресел, в которых сидели спасенные люди с Земли, и сказал:

- Вот все, что остались в живых. К сожалению, мы опоздали.

- Мы тоже должны были умереть, - грустно сказал Даррел.

Все закивали головами, соглашаясь с ним.

- Да, мы были в шаге от смерти, - подтвердила Ани.

- Вас спасли любовь и вера, - не задумываясь, ответил Инг. - Любовь и вера способны творить чудеса.

Ани с теплотой посмотрела на Даррела, тот улыбнулся ей в ответ. Они знали точно, что их спасло.

- Мы горды тем, что в нашем мире станет еще больше любви и веры, - с улыбкой промолвил Инг. – Добро пожаловать на Таут.

Спасенные люди растроганно благодарили командира корабля, который успел все-таки прийти к ним на помощь.

Им предстоял неблизкий путь на планету Таут, где они теперь станут жить. Скоро они отправятся в модули Х, где их погрузят в состояние анабиоза. Но перед этим Ани и Даррелу хотелось еще немного побыть вдвоем и они пошли в библиотеку, откуда через один из самых больших иллюминаторов на корабле открывалась величественная картина космоса. Здесь они вдвоем провели немало времени с тех пор, как покинули Землю.

- Скажи, это правда? Это не сон? – спросила она, неотрывно глядя в комическое пространство, летящее, казалось, им навстречу.

- Нет, это не сон, - с улыбкой ответил Даррел. – Ты же знаешь.

- Да, но как же это всё странно. И грустно. Мы никогда больше не увидим свой привычный мир, свою планету. И своих родных. Это никак не укладывается у меня в голове. Мне просто не верится в это.

- И мир, и наши близкие люди, они всегда будут с нами в наших сердцах и воспоминаниях.

- А еще в наших снах, - добавила Ани.

- Да и в наших снах, - согласился он.

Даррел крепче прижал к себе Ани. Их взгляды были устремлены в космическое пространство. Туда, где их ждал другой мир и другая жизнь.

Эпилог

Прошли годы. Наступила ночь. Ее тьма больше не нарушалась ни единым всполохом света. Почти не осталось и звуков. Ничто более не нарушало покоя планеты, не считая заунывной песни ветров, гнавших пыль по улицам опустевших безжизненных городов, погруженных в черный непроницаемый покров ночи. Если бы было, кому наблюдать, если бы кто-то мог разглядеть хотя бы что-нибудь в этой кромешной темноте, то перед его изумленным взором предстала бы странная картина. Пустые дома, еще хранящие воспоминания о тех, кто приходил сюда каждый день, кто бывал здесь в кругу близких или друзей, кто ложился в постель, чтобы, окунувшись в глубокий сон, встретить новый день, кто читал эти книги, теперь занесенные толстым слоем пыли с шелестящими на ветру страницами. Замершие, уткнувшиеся в бордюры мостовых мобиле, и в их кабинах с разбитыми стеклами гулял ветер, он постепенно заносил прахом знаки на пультах управления, которые многое могли сказать прежним людям, но теперь были немы и безжизненны. Безмолвные улицы и магистрали. Когда-то здесь было очень многолюдно, люди спешили, нетерпеливо толкая друг друга локтями, по гладким виткам дорог торопливо бежали машины, в небе парили мобиле. Теперь же – никого и ничего. Некому спешить, не осталось больше суетных дел на этой планете. Тишина и вечность вступили в свои права. Планета погрузилась в сон, чтобы отдать ему свои воспоминания о прожитом дне, разные, тяжелые и легкие, светлые и темные. Планета уснула, чтобы, оставшись наедине с собой, отдохнуть от всех и вся, чтобы, нако-

пив сил, очнуться для нового дня. А что принесет он, этот новый день, будут знать те, кто построит под этим небом свой новый мир.

Автор: Лариса Воронцова (aln1967@yandex.ru)